Апрель. Книга вторая

Апрель - 2

Сергей Семенович Петренко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Всё, что я могу сделать, когда наступает темнота — спрятаться там, в бесконечном солнечном дне, который снаружи кажется крохотной золотой искрой. При мысли, что она может однажды погаснуть, и мне её не найти — мой разум сжимается, цепенеет. Так не должно быть. Я сделаю всё, чтобы этого не случилось. Любою ценой».

- Сергей Семенович Петренко
  -
  - Часть первая. Из Бездны…
  - Часть 2. На запад
  - Часть 3. Хранитель
  - Часть 4. Кристалл
  - Эпилог

Сергей Семенович Петренко
Апрель. Книга вторая

О небо, небо, ты мне будешь сниться!
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло…

О. М.

Всё, что я могу сделать, когда наступает темнота — спрятаться там, в бесконечном солнечном дне, который снаружи кажется крохотной золотой искрой. При мысли, что она может однажды погаснуть, и мне её не найти — мой разум сжимается, цепенеет. Так не должно быть. Я сделаю всё, чтобы этого не случилось. Любою ценой.

* * *

Тримир, исследуя сущности Огня, писал:

«Есть «горение», характеризуемое простым слиянием разнополярных частиц и выделением энергии. Сливающиеся частицы при этом образуют новые, составные части которых, однако, не изменяют своих изначальных, глубоких свойств, изменения их обратимы, а свойства новообразованных частиц могут быть определены из свойств частиц изначальных.

Глубинные же свойства Огня определяются совсем другими процессами, когда, движимые высокими энергиями однополярные частицы сливаются, преодолевая сопротивление их внешних оболочек — и такие частицы при слиянии распадаются в чистую энергию такого порядка, по сравнению с которой «горение» разнополярных частиц оказывается ничтожным. Глубинная суть Огня скрыта именно в этой, великой и непредставимой, чистой энергии «слияния-распада».

…Впрочем, Тримиру так и не удалось получить того, что, как он предполагал, происходит в сердце Огня.

«Если бы я мог говорить с Драконами, они

рассказали бы, как они появились — доподлинно. Мне же остаётся только предполагать. Они явились изнутри, из сердцевины Огня, где частицы высшего порядка, рождённые из Огня, но Огню уже не принадлежавшие, рвались наружу. В сердцевине Огня этих частиц было много, и особенно много их было в те древние времена, когда Огонь ещё только-только слепил в себе это пышущее энергией ядро.

Соединяясь в сгустки, частицы Сверхогня рвались вон из родившей их стихии. Чем они были? Светом? Тьмой? Чем-то иным, неподвластной разуму формой энергии, силы?

Поднимаясь на поверхность, сквозь остывающие толщи тверди, сгустки Сверхогня отдавали часть своей силы. Они приобретали формы, покрываясь, как панцирем, расплавленным камнем. В той форме они напоминали огненных червей, пробивающих земную кору тысячами извилистых пор. Самые большие и сильные из них достигли поверхности и, движимые неукротимой энергией, поднялись в небо. Тогда древние существа, творившие миры, увидели их и поразились мощи того, что явилось, ибо даже демиурги не предугадывали в полной мере, к чему приводили их деяния».

И тогда, как сказано в записях дварвов, первых существ, запечатлевших слова в рунах, один из Древних, Ворок, силой разума постиг природу Драконов и вошёл в их стихийное сознание. И Великие Первые Драконы стали послушны ему. А он увёл их за собой — никто не мог сказать, куда. И тем он сделал благо этому миру, потому что Драконы были столь велики, что заслоняли небо, так что казалось: оно стало каменным.

Меньшие из Огненных Червей так и не достигли поверхности. Они остыли, окуклились и уснули в каменной толще коры. Порой, растревоженные движениями подземного Огня, они просыпаются.

«Я бы хотел стать тем, кто сумеет говорить с ними, подчинить их сознание хаоса сознанию завершённого существа. Даже если я потерплю неудачу… Остановиться я уже не могу».

Так писал Тримир, величайший из карликов, древнего народа, видевшего тех, кто творил миры.

Карлики достигли предела в искусстве соединения стихий. Они достигли предела в том, чего можно добиться, используя лишь силу, энергию. Они, однако, не сумели продвинуться на пути постижения сознания стихий, проникновения в него — причиной тому было само устройство разума дварвов — недостаточно гибкое, недостаточно изменчивое, неспособное к восприятию чуждых ему сущностей.

Тионат, первый из человеческих магов, овладевший искусством переноса сознания, ближе всех смертных подошёл к вершине власти над миром. Считают, именно он создал инструмент, позволяющий смертным существам обращать свой разум в стихийный — и возвращаться обратно.

Часть первая. Из Бездны…

* * *

Мастер был горбатым и старым. У него были глаза цвета паутины, и в полутьме своего дома он сам походил на древнего-древнего паука. Про то, что мастер горбат и стар, мне говорили. Про глаза и паутину — нет.

Он смотрит на меня, а я на него. Мне неприятно видеть эти беловатые пятна под бровями, но отводить взгляд нельзя. Почему нельзя, я не знаю.

У него узловатые, корявые пальцы. Мне кажется — вот-вот они потянутся ко мне, ухватят, ощупают…

…Быстро-быстро бьётся муха, звенят нудно крылья, и в какой-то миг — тишина. Паук вертит добычу в лапах…

…И я стану птицей. Одной из этих…

Взгляд мастера меня отпускает, тянется к полкам с чучелами. Я почти вижу, как он трогает их — сов и ястребов, крошечных медовиц, лёгких жаворонков. Чучела будто живые, и непонятно, как старик этими своими пальцами так ловко прилаживает частички мёртвых птиц.

…Я сам не заметил, как оказался у него между колен. Резко запахло пылью. Я сморщил нос и увидел строгие глаза мамы. И не чихнул. Но отвёл взгляд — стал смотреть вверх, на потолок. На чучело огромного альбатроса. Альбатрос почему-то чуть покачивался, блестя злым глазом…

…Налетит ветер. Я его призову. Ветер сорвёт тишину этой клетки, и блеклая, мертвечинная пыль развеется, и сперва я убью старика-мастера, расколов его затылок клювом, а затем доберусь и до тебя, нахальный мальчишка, что посмел видеть моё нынешнее бессилье…

…Я вздрогнул. Мастер держал меня за плечи, его глаза были рядом. Он заговорил, и я на миг крепко зажмурился, и запахло какой-то пряностью.

— Кто же ты, маленький ветерок? Может, чайка?

Я с неожиданным для себя пылом мотаю головой.

— Нет? Почему?

— Они… как курицы!

Мастер, кажется, удивлён. Мама испугана моим решительным ответом. А я… я сам не знаю, почему так вдруг рассердился на чаек.

Потом мама ушла. Мастер усадил меня в удобное кресло — я

первый раз видел такое, сделанное, как нарочно, по моему росту. Мастер дал мне в руки стеклянный камень. Я подумал, что это, наверно, звезда, только она не светится.

Я не боялся. Большинство мальчишек в городе уже побывали у мастера. Все знали, что ничего страшного не случится. Мастер предложит тебе стать какой-нибудь птицей, усадит в кресло и даст стеклянный камень. Потом… одни говорили, что ничего не было, они сидели и смотрели в прозрачную глубину. Другие как будто видели там картинки — горы, море, облака.

…Один край камня сделался голубым. Я повернул камень, и внутренность его чуть засветилась. Там, как в зеркале, отразился кусочек ясного неба.

Я хотел повернуть голову: посмотреть на окно, на мастера. Но вместо этого качнулось всё вокруг. Я испугался, разжав пальцы, чтобы ухватиться за подлокотники кресла.

Руки мастера мягко отобрали камень. Было тихо, как будто я оглох. Чёрной молнией на залитой солнцем стене дома напротив мелькнула за окном птица.

Как же я забыл?!

У мастера столько птиц, а её нету!

— У вас нету ласточек… — пробормотал я.

Мастер улыбнулся.

— Приходи через неделю. В это же время. Мы продолжим.

…Мама мне сперва не поверила. Все бывали у мастера только один раз. Чтобы пойти к мастеру, нужно было получить приглашение на золотистой табличке с серебряными буквами «ХК».

И табличку принесли — накануне назначенного дня.

Мне было тревожно и радостно.

Оказалось, я боюсь высоты. Огромной пустоты подо мной. Кажется, что-то может случиться с моим волшебным умением летать, я сделаюсь тяжёлым и буду падать, падать…

Я борюсь с этим страхом скоростью полёта. Когда воздух летит вместе со мной, я его почти не чувствую — и потому страшно. Надо обгонять воздух, ветер, чтобы он, как живое существо, упруго толкал меня, гладил, трепетал.

В такие минуты вдруг получается, что уже не можешь управлять полётом. В воздухе есть свои комки, изгибы, впадины и холмы. Они начинают направлять мой полёт, поэтому я боюсь лететь низко на такой скорости — воздух, кажется, может швырнуть меня в чащу леса или в овраг.

Доверяй воздуху, говорит Мастер. Поверишь ему полностью — не будешь ничего бояться. Воздуху не страшны горы и

пропасти, моря и леса.

Я знаю, что Мастер прав. Несколько раз я чувствовал себя именно таким — не мальчишкой, почему-то поднявшимся над землёй, а сгустком воздуха, упругим ветром. Это было здорово, и я совсем не боялся разбиться, расцарапаться о ветки или утонуть. Но скоро я как будто просыпался — и тогда накатывал другой страх: я не чувствовал своего тела, не мог пошевелить пальцами, закрыть глаза, облизнуть губы…

Случалось, что и это не пугало меня, и я летел дальше — но чаще я задыхался в ужасе, понимал, что умираю, теряю своё тело — но и это было бы не так страшно — страшно то, что вместе с телом я боялся исчезнуть совсем.

Я не умел это объяснить толково. Хотя, Мастер, кажется, понимал. Ты всё равно не веришь воздуху до конца, говорил он, даже когда сам становишься им. Ну, ничего. Со временем будет лучше.

Откуда вы знаете про этот страх, спрашивал я. Я знал, что Мастер не летал никогда.

Явления отделённого сознания описал ещё великий и про́клятый Тионат в своих «Записках». Но тебе ещё рано объяснять теорию.

Рано, так рано, соглашался я. Я смотрел на ласточек, мечтал летать так, как они — мне кажется, ласточки могут жить в воздухе абсолютно свободно и бесстрашно. Они могут выполнить любой трюк — например, развернуться в полёте на полной скорости, будто мячик, отскочивший от невидимой стенки. Мастер говорил — они и спят в воздухе…

И всё это — на самом деле, по-настоящему. А не как я — в полусне, видении, навеянном Кристаллом. В мире, который то ли есть взаправду, то ли всего лишь мерещится мне в те часы, когда я сижу в кресле Мастера, сжимая Кристалл в ладонях.

…Всё это уже начинает пугать мою маму. Я слишком бледный даже летом, мало ем и мыслями то и дело где-то далеко, говорит она. Она ходила в магистрат, оказывается, и жаловалась на Мастера. Там её выслушали и обещали «разобраться» — но потом выяснилось, что с Мастером они ничего поделать не могут, хотя официально он такой же обычный человек, как любой из горожан.

— Я слышала, — сказала мама отцу, — старик даже держит в доме книги Проклятого, и в Магистрате об этом знают!

Отец пробормотал что-то неразборчиво…

Самое странное — мама не запрещала мне ходить к Мастеру, хотя ей, наверно, очень бы хотелось прекратить эти уроки, а мне

было любопытно: почему мама всё-таки терпит? Может быть, она ждала, что открывшиеся способности помогут мне сделаться «большим человеком»? Или втайне боялась Мастера? Но Мастер тогда ещё казался мне совершенно безобидным, чуточку чудным старичком.

Мальчишки скоро прознали о моих уроках, хотя я никому не хвастался. Я думал, они станут завидовать, но оказалось всё совсем по-другому.

Однажды я заметил, как мои приятели о чём-то шептались, пока я шёл к ним по улице, а когда уже был близко, замолчали и поглядывали непонятно. Я думал, они решили, что я зазнался и поэтому давно не играл с ними. В тот вечер игра «в крепость» у нас совсем не клеилась, и я не мог понять, почему. Разошлись мы тоже как-то по-смурному, вяло. На другой день мне даже и не хотелось с ними играть, но я всё равно пошёл, потому что надо было понять, в конце концов, в чём дело, а ещё — чтобы не думали и вправду, будто я зазнался.

Но едва я подошёл, у многих ребят оказались какие-то дела дома. Тут же крутился ещё один пацан с соседней улицы, года на два меня старше.

— Чо притащился, подстилка Проклятого, чо к Трупоеду не идёшь?

Я сперва не понял, что он сказал это мне. Даже обернулся. А потом так растерялся, что онемел. Долго стоял, думал — что ответить или сделать? И просто ушёл.

А дома не находил себе места — как теперь быть, и вообще — что случилось? Пока не узнаю, жить было невозможно. И я отправился к Мастеру.

В это время Мастер «не принимал», так что я стучал аж три раза и долго ждал. Когда я его увидел, лицо старика показалось мне злым, но, может быть, я ошибся — в следующий миг Мастер был уже прежний, только озабоченно окинул меня взглядом:

— Что стряслось, ветерок?

А я опять растерялся и сумел только промямлить:

— Я… не знаю. Как ходить к вам… Они говорят — «подстилка Проклятого»… — И я самым позорным образом «пустил нюни». Представляю со стороны — я стоял и ревел, как пятилетний плакса.

Старик вдруг повернулся и ушёл в дом. Я решил — он тоже за что-то стал презирать меня — и даже задохнулся от отчаянья. Но Мастер быстро вернулся. Он протянул руку, но не коснулся меня, только глухо сказал:

— Это мы быстро исправим. Это делается простыми методами.

Потом он молчал, ждал, пока я успокоюсь. Наконец, я увидел, что он держит в ладони какую-то серебряную монету на цепочке.

— Надень.

Я надел на шею. И спросил, что это.

— Айцза. Мой знак власти. Носи его всегда. Цепочка кажется тонкой — не бойся, не порвётся.

Я хотел спросить, что он означает, этот знак, но почему-то не решился.

Мастер сказал неожиданно резким, как у ворона, голосом:

— Теперь иди домой. И ничего не бойся. Помни одно: все они — всего лишь пыль у твоих ног… Какими бы словами они ни пытались утверждать иное. Они обманывают лишь себя.

Я не знал, верить ли Мастеру? В голове у меня был беспорядок, и я думал, что если мои занятия оказались вовсе не почётными, а, наоборот, почему-то позорными — то и сам Мастер вовсе не так значителен, как мне хотелось бы считать.

Я шёл домой, застывая у каждого поворота, чтобы убедиться, что улица пуста. Проверять действие айцзы мне совсем не хотелось.

Мама сразу увидела медальон.

— Что это у тебя?

— Мастер дал. — Больше я ничего не стал рассказывать. Мама подержала знак, не снимая с меня, а я тем временем внимательно наблюдала за её лицом. Она только вздохнула:

— Ты грязный. Плакал?

Ох, подумал я. Что придумать?! И понял, что не успею.

— Мальчишка обозвал на улице.

Она посмотрела на меня ещё — и я сжался сильнее, ожидая расспросов — но мама промолчала, подтолкнув меня к кувшину с водой.

Вечером мама тихо говорила с отцом — и я догадался, что обо мне. Я услышал только слова отца:

— Теперь он уже, считай, как не наш…

И — чуть громче — напряжённый ответ мамы:

— Не смей так говорить!

— Я только имею в виду, что мы ничего не решаем. Только он сам.

Они недолго помолчали, а потом опять заговорили тихо.

…Казалось, почти ничего не изменилось. Правда, я больше не играл с мальчишками — сперва боялся с ними встречаться, потом вдруг понял, что прекрасно обхожусь без компании. Игры, в которые можно играть одному — или с воображаемым другом — придумывались сами собой, одна другой интереснее. Главное,

чтобы мне никто не мешал — а мне не мешали…

Весь город был в моём распоряжении — я постепенно стал так думать, выбирая пустынные улочки, заброшенные здания и пустыри, древние развалины на восточной окраине. Даже странно, что в городе оказалось столько укромных мест — иногда мне представлялось, что люди нарочно избегают попадаться на моём пути — не знаю, было ли это правдой, но временами я верил в это, и мне это больше нравилось, чем пугало.

Однажды я забрёл так далеко, что с поворота дороги увидел город как бы со стороны. Сперва я испугался, подумав, что не успею вернуться до темноты, но солнце было ещё в зените, и я подумал, что даже хорошо всё вышло — нечаянно открою новые места, дойти до которых нарочно не решился бы.

Мощёная большими каменными плитами дорога с обеих сторон была обсажена деревьями. Я не знал, как они называются, даже и видел их первый раз — громадные, старые, внизу, у корней, кора иссечена глубокими трещинами, в которые можно было спрятать ладонь. Зато повыше — уже на уровне моего лица — кора становилась только чуть шероховатой, а ещё выше — абсолютно гладкой и блестящей. Стволы деревьев были высокими и прямыми, кроны смыкались над дорогой, как арки в храме. Мне даже показалось, будто шаги мои по камням отдаются еле слышным звоном в эти деревья — а звон потом стоит долго в самых сводах…

Дорога вывела меня к небольшому пруду. Деревья окружали его со всех сторон. Я решил обойти пруд по берегу и возвращаться домой.

Я уже привык к тому, что никто не мешал моим блужданиям, и досадливо поморщился, увидев мальчишку с удочкой — загорелого, обветренного, лицо его было узким, веснушчатым и каким-то очень «деревенским». Что мальчишка из «деревенских», было видно и по его одежде — мешковато сидевшей короткой рубахе и штанам до щиколоток. Мальчишки в городе носили туники и чулки.

Мы долго пялились друг на друга. Потом «рыболов» спросил:

— Ты один, что ль, из городу притопал?

Я кивнул и тут же мысленно обругал себя — лучше бы соврать, что с отцом, который чуть поотстал, но скоро догонит.

— Поня-а-а-атно. — И мальчишка замолчал, как видно, тоже выбитый из колеи неожиданной встречей. Он с интересом разглядывал меня, соображая.

— А я тут вот… рыбу, значит, ужу. Ты рыбу удить умеешь?

Я помотал головой.

— А… Поня-а-атно. — И опять молчим. — Как у вас там в

городах это… девчонки-то?

Он ухмыльнулся, а я удивлённо мигнул: что — «девчонки»?

— Папаша-то у тебя кто? — «Рыболов опять сменил тему.

— Архитектор. — Тут и сочинять не нужно — должность отца, не такая уж важная, называлась красивым и «значительным» словом. В глазах мальчишки мелькнуло что-то вроде испуга, но потом он снова окинул взглядом мою потёртую и кое-где заштопанную тунику, и понимающе хмыкнул:

— Ну, да ты врать умеешь… Архинекторы во дворцах белокаменных, а сынки их на лошадях с мечами, и гвардейцы с ними…

Не знаю, кого он называл «архинекторами», только ясно, что в голове у деревенщины был по этой части кавардак.

— Не «архинектор», а архитектор!

— Да хоть бы и архипипектор! — Он засмеялся неприятно, и я подумал — как жалко, что такое хорошее место оказалось испорчено: бродить тут мне больше не хотелось, надо было поскорее избавиться от этого глупого пацана с удочкой и идти домой.

— Ты первый раз тут? — спросил он.

— Первый…

— Небось и рыб наших не видел… Во, гляди! — Он ухватил меня за локоть расцарапанной, в ссадинах и цыпках, рукой, подвёл к берегу. — Видишь?

— Да где?

— Ты глянь лучше-то! — Тут он толкнул меня — несильно, но берег был скользкий, так что я сел в воду, перепугано взмахнув руками. «Рыболов» захихикал, но помог мне встать.

— Городские все неуклюжие, как бабы… А ты, вообще-то, пацан или девка, а?

Я промолчал и хотел вылезти на берег, но «рыболов» не дал, пихнув снова. Глазки у него сделались колюче-гадкими.

— Ты к моему пруду не ходи больше, понял? У вас там, у пипекторов, своих прудов хватает, небось.

— Не приду, — пробурчал я, сжал зубы.

— И ладно.

Я опять хотел выйти из воды — а он опять толкнул.

— Покажь, пацан ты или девка — тогда пущу.

Хоть бы не зареветь, подумал, а то вообще забава ему будет…

Я отступил в воду дальше. Берег делался круче, а плавать я не умел. Пацан стал посвистывать и шлёпать удилищем по воде.

— Эх, чего с тебя взять… Ладно, зайдёшь по горло — пущу.

Но я решил стоять на месте. Кажется, пацану уже наскучила забава, он зевнул.

— Эй!

Окликнули от дороги. Среди деревьев стоял… мальчик в странном наряде — короткая, облегающая курточка, чёрная с золотым шитьём и такие же короткие штанишки. У него было круглое лицо, а глаза, видно, по девчоночьи красивые, он зло сощурил.

Мой враг явно перетрусил не меньше, чем я сам минуту назад. А я уже не боялся. Было только стыдно.

— Ты, конопатый с палкой, подойди!

«Рыболов» двигался крошечными шажками и остановился довольно далеко от мальчика в чёрном.

— Обычно я не трачу время на таких, как ты. Тех, кто мне мешает, я просто уничтожаю. Впрочем, и в этом давно уже не случалось необходимости. Я даже… соскучился. Для развлечения моего… друга, я покажу, что бывает с теми, кто забывает уступить дорогу. — Мальчик в чёрном замолчал — и как-то странно застыл — так застыл однажды на моих глазах больной падучей, перед тем как забиться в судорогах. Я испугался, что с мальчиком случится то же самое. Но тут «рыболов» быстро присел, раскинув руки, будто курица. Пальцы его стали хватать траву, он пытался впиться ими в дёрн и тут же сломал себе ноготь. Я хотел отвернуться, но, как в дурном сне, не мог. «Рыболов» вырывал комки земли вперемешку с травой и запихивал их себе в рот. Глотал, давился, кашлял. Слёзы и сопли текли по его лицу, и, наконец, я пересилил оцепенение и крикнул:

— Брось… ну, брось же!

Мальчик в чёрном будто с усилием перевёл взгляд на меня и кивнул. «Рыболов» упал на траву, быстро, перебирая руками и ногами, как паук, отполз на несколько шагов и замер, скорчившись. Я знал почему-то, что он жив.

— Да. Он неприятен изнутри так же, как и снаружи. Хорошо, что ты рано прервал меня — иногда утрачивается чувство времени, тем более, что этим давно уже не занимался. — Он помолчал, потом, наверно, решил уточнить: — Наказанием тех, кто огорчает моих друзей. — И опять пауза. — У меня давно не было друзей. Я… отвык. Ты прости, если я что-то делаю не так — говори сразу.

Он пристально посмотрел на меня. Я испуганно кивнул.

— Не бойся. — Он будто хотел улыбнуться, но то ли передумал, то ли не сумел. — Мой друг никогда не станет моим врагом. Я умею выбирать. Это я… хорошо… делаю.

Уже в кровати я понял, как сильно устал за день. Ноги гудели, а стоило закрыть глаза — и я будто падал куда-то. Сперва

это пугало чуть-чуть, перед глазами то и дело мелькали цветные картинки — всё, что виделось за день, но какое-то игрушечное, я понял, что могу обращаться с ним, как с мозаикой — переставлять кусочки и даже менять их, плохое делать забавным и нестрашным, делать свет ярче, ускорять или замедлять время.

Потом опять закружилась голова. Я раскинул руки, потому что хотел нащупать кровать и уцепиться за неё для надёжности. Но вокруг была только прохладная пустота — и какой-то шум.

Прохладная морская пена, почему-то подумал я. Я лежу на морской пене. А подо мной — бездна, тыщи метров бездны. И я утону. Я не умею плавать, но даже если бы умел…

Так лети! — сердито сказал голос. То есть, я сперва решил, что сердито. Голос был незнакомый, какой-то напряжённый, тревожный.

Как? Как я взлечу прямо с воды, я же не чайка! Я отказался ею быть, я обозвал её, нехорошо обозвал…

Глаза того, кто говорил со мной, оказались близко-близко.

Налетит ветер…

Ветер дул в темноте, сильный, упругий. Он бы легко меня поднял и унёс, если бы не вода. Как сделать, чтобы моё распластанное на волнах тело оторвалось от этой прохладной бездны?

При чём тут вода? — сказал Он. — Когда ты боишься. Глубины внизу или высоты вверху. Вот и болтаешься между ними, как поплавок.

Я разозлился на себя до слёз. Вот и он тоже презирает меня за страх. Ну и ладно. Не надо мне таких друзей. Никого мне не надо тогда. Я сам…

Шквал смял поверхность моря, как удар громадной ладони. Сначала я был на гребне волны, а потом понял, что обезумевший воздух несёт меня боком — так однажды перед грозой ураганный ветер расшвырял по небу ласточек, не успевших или не пожелавших укрыться.

Город кончается на западе, немного не дотянувшись до моря. Дальше, далеко в море, уходит прямой и тонкий мыс с крикливыми чайками, рокотом гальки и шорохом волн. Город обрывается у мыса, у нагромождения утёсов, разделённых трещинами, в которых плещется вода. Там полно скользких обломков скал, торчащих из воды, а в расщелинах водятся морские дракончики с ядовитыми шипами.

Перебраться на мыс по утёсам нелегко, и я ни разу не решился на это. Мама вообще строго-настрого запрещала даже подходить к Стреле.

— Каждые несколько лет находится юный болван, готовый покрасоваться перед дружками — и хорошо ещё, если дело кончается только сломанной ногой, рукой или ребром, — вторил ей отец.

— Я не болван, — говорил я. — И вы это знаете.

— Да, — соглашалась мама. — Но когда я была маленькой, у Стрелы один мальчик сломал позвоночник, и он вовсе не собирался перебираться — его толкнули нечаянно.

— Толкнуть могут на улице, — из упрямства возражал я, вовсе не собираясь прямо сейчас бежать на Стрелу. Там было, конечно, интересно, но дорога туда и обратно занимала большую часть дня, это имело бы смысл, надумай я и вправду перебираться на мыс — а просто постоять на берегу, мечтая о том, чтобы стать лёгким и ловким, прыгуче-летучим, неуязвимым для камней и волн…

На самом конце Стрелы стояла древняя башня — маяк. Говорили, что когда-то она была намного выше, и строили её вовсе не для того, чтобы подавать сигналы морским судам. Говорили даже и такое, что когда-то эта башня стояла не на самой Стреле, а на окраине города. Говорили, её возвёл сам Проклятый, и в ней он занимался своими страшными делами…

Но явившийся из чужих земель маг уничтожил Проклятого, и от удара его огненного кулака верхнюю половину башни снесло, как срезало, а потом какой-то непостижимой магией она и вовсе сместилась в пространстве. Управители города сперва собирались довершить дело, чтобы не оставить даже и памяти о ненавистном чернокнижнике — но башня оказалась на диво крепкой, не иначе заколдованной. Полвека она пустовала, а затем, когда Проклятый и его дела ушли в историю, «угли подёрнулись пеплом», и новые власти распорядились устроить в башне маяк.

Маяку там было самое место — Стрела и рассыпанные со всех сторон от неё подводные утёсы грозили гибелью кораблям в туман или в шторм.

Человек, который решился пойти в смотрители маяка на Стреле, наверняка был или отчаянным храбрецом, или просто чокнутым, рассуждали мы, мальчишки, глядя с берега на темный клык маяка. При этом сами же воображали себя в роли такого странного и отважного отшельника. Никто из нас не знал, кто сейчас служит смотрителем на маяке, стар он или молод, и что заставило его взяться за такую работу.

…— Идём, — сказал мне Мальчик. Тогда он впервые появился прямо у нашего дома — солнечным утром он был полоской чёрной краски на белёных камнях стены — или

трещиной в темноту. Я понимал, что боюсь его — не из-за его непостижимой силы, а скорее потому, что моё первое с ним знакомство оказалось связано с той омерзительной сценой… Я хотел избавиться от этой связи, чтобы получилось так, что Мальчик, выручивший меня у пруда, стал моим другом — а жестокой радости, упоения в его глазах в тот миг — не было. Ведь я мог просто ошибиться тогда…

Я пошёл за ним, ни о чём не спрашивая. Улицы были, как обычно, пустынны — я привык к этому настолько, что удивился бы, случись иначе. Мальчик шёл впереди — я вдруг понял, что он удивительно грациозен. Он как будто упивался властью над своим же телом, он то шагал степенно, точно юный принц, то чуть ли не бежал вприпрыжку — но всё время это было как танец, как будто каждое движение его незагорелых ног и рук отработал гениальный танцмейстер.

В какой-то миг мне почудилось — Мальчик не отбрасывает тени. Я почему-то не испугался и почти не удивился — правда, тут же обнаружил, что тень никуда не девалась, наверно, она ненадолго затерялась в причудливых движениях, сиянии летнего солнца, белых камнях мостовой и тонких, изломанных линиях теней от веток дерева в саду за оградой.

Мне хотелось спросить его, почему он одевается в чёрное. И понять, почему он нисколько не загорел за два жарких месяца…

Улица вывела нас на вершину одного из холмов, на которых лежал город. Дома и ограды расступились, отсюда было видно море.

Мальчик остановился, повернувшись ко мне. Кажется, он слегка запыхался, на лбу блестели капельки пота.

Он всё-таки настоящий, обрадовался я — и одновременно испугался — получается, я ждал чего-то другого?

Он тихо засмеялся, встретив мой взгляд.

— Идём, — сказал он снова. — К башне. — И указал на Стрелу.

Я обмер от страха и радости — что-то должно было случиться.

Сильный ветер с моря на берегу сделался плотным настолько, что, казалось, ещё немного — и я смогу отрывать от него комки. Утёсов, соединяющих Стрелу с берегом, почти не было видно из-за волн.

Мальчик прыгнул вперёд, обернулся, подал мне руку.

Он сумасшедший… Зачем… Разобьюсь.

Я шагнул…

Он прыгнул — а я шагнул.

Кажется, ветер завыл и глухо хлопнул, как развернувшийся

ковёр.

Дальше я почти ничего не помнил. Глаза Мальчика, то тёмные, то сияющие, и его ладонь. Он раз за разом прыгал вперёд, и я снова и снова хватался за его руку.

Я опомнился, когда стало тише. Башня-маяк была совсем близко — значит, мы уже какое-то время шли или бежали по косе, по ровной галечной тропе.

— А вот и смотритель, — сказал мальчик.

Я не заметил её сразу, потому что в сером платье она сливалась со стеною башни.

Девчонка. Я замигал, ища глазами другого, *настоящего* смотрителя. Девчонка не двигалась и, наверно, если бы не длинные её волосы, взбиваемые ветром, я мог бы и вовсе не заметить её.

— Это девчонка, — растерянно прошептал я.

— У неё хороший слух, — откликнулся мой спутник.

— Она — смотритель?!

— Не только. Даже не столько. Она — Сочинитель.

— Кто?

Мальчик не ответил. Он шагнул к башне и потянул меня за руку. Девчонка не двигалась. У неё были странные глаза…

…— Следить за огнём нетрудно. Рыбаки появляются два раза в неделю, оставляют еду, пресную воду, и заправляют бак маслом для фонаря. Только на самом деле масло я сливаю в другой бак, чтобы обогревать башню. Я люблю, чтобы тепло, а тут всегда ветер. А для фонаря масло не нужно… ОН сделал так, чтобы фонарь светился сам. Только в городе об этом не знают. А то бы испугались… — добавила она с насмешкой.

— А ты — не боишься? Ты тут одна… Если шторм, гроза, а рыбаков долго не будет. Ты даже не выберешься отсюда.

Хивенна перевела взгляд — как будто смотрела на что-то далёкое над моей головой. Она делала так уже третий или четвёртый раз — и сначала я испуганно оборачивался, а теперь почти привык. Я знал, что ТАМ ничего нет.

— Я мало чего боюсь.

— Почему? — вырвалось.

— Те, кто жил в храме Лисиппа… они не такие… как обычные.

Я тогда не понял — сказала она это с гордостью или с горечью.

* * *

…Мой брат говорил, что меня подменили эльфы. Когда я жила дома, совсем ещё маленькая, все говорили, что я неправильная. Мама считала, что я, наверно, скоро умру, потому что очень хилая. Она мало обращала на меня внимания, зато почти никогда не лупила — а моих братьев часто лупила, потому что они баловались и шумели, отнимали друг у друга хлеб, молоко и яйца. Но меня и они не обижали — это, наверно, из-за глаз. Папа говорил, что когда я смотрю на кого-то, тому делается нехорошо за свои поступки и даже дурные мысли. Поэтому, если кто-то уж очень бушевал, он мог стукнуть меня только сзади. Но я научилась вовремя прятаться, если чувствовала поблизости скверное настроение. Мы жили в деревне, и там было много укромных уголков, только зимой плохо, все собираются в доме и то и дело ссорятся.

Когда я болела, я придумывала себе всякие истории. Я могла часами смотреть на стену или на потолок, или на пол — и там каждая трещинка или шероховатинка превращались для меня в загадочное ущелье или заколдованную гору, или в древний замок. Папа иногда рассказывал нам сказки, и тогда они сплетались с моими историями. Однажды весной, после долгой болезни, я нечаянно стала бормотать какую-то историю вслух, хотя и тихо-тихо, и смотрела я перед собой, не двигаясь. Папа думал, что я брежу, и сел рядом, чтобы проверить, есть ли у меня жар. Но жара не было. Папа прислушивался к тому, что я сочиняю, и слушал очень долго. После он иногда сам подходил ко мне и просил рассказать о чём-нибудь. Сперва мне было трудно начинать историю вслух, но он спрашивал о том, о сём, и как-то незаметно история начинала течь сама. Потом и братья просили историй, только им хотелось, чтобы в историях было больше битв и тайн, и всяких мертвецов, а я иногда могла целый час рассказывать только о том, какие вещи стоят в комнате замка или какие деревья растут в лесу. Я рассказывала только то, что само хотело рассказаться.

А когда мне было семь лет, в деревню пришёл человек из храма в Лисиппе. Наверно, ему кто-то нашептал обо мне, папа думал, что это наш священник — тот считал, будто во мне сидит бес, раз я так смотрю, и хотел «позаниматься» со мной, но папа не дал, и священник разозлился.

А храм в Лисиппе основал Проклятый, только все делали вид, что никакого храма давно нет, ведь считалось, что Проклятый убит чужим магом, а папа говорил, что Проклятого убить непросто, и сам король ничего не может поделать с адептами Лисиппы, поэтому все и притворяются, будто они победили Проклятого и его адептов.

А я так и не узнала, где этот храм, потому что я долго плакала, а потом спала, и меня везли в карете с закрытыми окнами.

В храме оказалось очень много детей. Только и сам храм был большой. Он прятался где-то в маленькой долинке между горами, и горы были всегда в снегу, а внизу почти всё время стояло лето, и деревья зеленели, и травы. Храм был как город — везде были разные домики, каменные и деревянные, побольше и поменьше. Вокруг домиков были сады, ручьи, овраги и камни. Всё это окружала высокая каменная стена, через которую не смогли бы перелезть даже взрослые.

Дети жили в своих домиках, а адепты давали им еду, одежду, и присматривали, чтобы дети не обижали друг друга. Сначала мне там очень понравилось, хотя я сперва скучала по папе, зато у меня был уютный домик, куда никто не мог войти без моего разрешения, а сама я бродила по садам и вдоль ручьёв, сколько хотела, а ещё я совсем перестала болеть.

Делать от меня ничего не требовалось, только раз в день приходил адепт. Он научил меня читать и принёс ужасно толстую книгу. В ней были собраны такие дивные истории, что все папины сказки показались мне тогда слишком одинаковыми и простыми. Книга начиналась с рассказа о том, как получился весь наш мир, потом в ней было написано про то, как самые первые существа учились строить земли и моря, и о том, как появились солнце и звёзды, леса и горы, и реки. И как на земле завелись звери, рыбы и птицы, а потом всякие другие существа — и наконец, люди.

В книге были чудесные картинки, так что, когда я закрывала глаза, они оживали. А ещё — все эти истории снились мне по-всякому: иногда они оказывались совсем непохожими на те, что в книге, но я знала, что на самом деле это та же самая история, только увиденная иначе. Некоторые истории я наблюдала со стороны, как бы подглядывая, а в других участвовала сама, только всегда знала, что по-настоящему я далеко, поэтому, даже если история была страшная, я почти не боялась, хотя и переживала за тех, кто в ней жил взаправду.

С другими детьми в храме я встречалась нечасто. Кажется, они все были такие же странные, как я. Однажды я познакомилась с мальчиком, у которого была книга, похожая на мою. Мы подолгу сидели у ручья, сочиняя истории вместе. В те дни храм стал казаться мне самым лучшим и самым волшебным местом в жизни.

А потом мальчик исчез куда-то. Я очень скучала и не могла ничего придумывать, и даже книгу читать не могла, потому что без него всё казалось пустым и ненастоящим.

Я спрашивала у адепта, и он ответил, что этот мальчик ушёл навсегда. Я знала, что адепт мне соврал, но не могла придумать, как заставить его сказать правду, а тем более — вернуть моего друга.

А на другой день они что-то насыпали мне в еду — я уснула, и когда очнулась — ничего не видела. Я думала, что ночь — но почувствовала на лице солнечные лучи, и птицы перекликались по-утреннему.

Я отчаянно перепугалась и решила, что даже не смогу больше ничего придумывать, потому что скоро забуду, как выглядит всё вокруг и сойду с ума.

Адепт запер меня в какой-то комнате, и так прошло много дней. Он приходил ко мне, чтобы разговаривать со мной — он хотел, чтобы я снова придумывала истории. Сначала я не могла, но он так хитро говорил со мной, что истории начинали появляться сами. Я не хотела рассказывать их вслух, назло адепту, а он догадался и сказал, что я всё делаю правильно, что история, скрытая внутри, нерассказанная — ещё сильнее, потому что когда образы называешь вслух, они становятся проще и жёстче, ведь наш язык устроен так, что объяснять простое и яркое надо долго и сложно, а это мешает жить истории, делает саму её неправильной.

— Так ты слепая! — вырвалось у меня.

И отшатнулся — думал, она меня ударит. Она засмеялась. Мальчик засмеялся. Он обхватил меня за плечи и подтолкнул к ней. Она тоже обняла нас обоих.

— Живые…

— Идём, — сказал Мальчик.

Мы пошли в башню.

— Адепт устроил так, что я могу видеть только в Кристалле.

— В чём?!

— Кристалл Тионата.

— Как у Мастера?!

— Не знаю. Когда я беру его в ладони, всё, что снаружи, будто осыпается с меня, я сперва делаюсь голой, а потом выхожу из себя совсем и оказываюсь Там. Это другое место. Книга…

— Книга?

— Та, которую я читала в храме. Потом я поняла, что её написали специально. В ней рассказан тот мир, который в Кристалле.

— Зачем?

— Чтобы он жил. Мир в Кристалле. Мы — Сочинители. Мы живём в обычном мире, но только затем, чтобы жил мир внутри

Кристалла. Мы думаем о нём всегда, потому что его невозможно забыть. Мы перебираем его, как маленький ребёнок свои драгоценности. Оживляем каждую его крупинку. Путешествуем по нему — и там, где мы — там он теплеет и оживает. Нас, наверно, много. Адепты сделали так, чтобы в настоящем мире мы не встречались. А там, внутри, мы тоже не можем быть как люди. Мы только видим, наблюдаем. У нас нет тел. Мы как ангелы. Только мы не можем делать там то, что захотим. Мы можем только видеть. Иногда мы понимаем, что сейчас придумается какая-то новая частичка мира — и она придумывается, но не нарочно. Мы не можем решить, что нужно, а что нет. Тот мир сам решает. Он тоже видит нас, как мы его, и он выбирает, что из наших мыслей ему нужно. И всё, что ему нужно, он берёт у нас, и тогда оно оживает, а когда мы это видим, нам хорошо.

— Значит, вы построили целый мир?!

— Не они, — хмыкнул Мальчик. — А я. Я и есть Тионат Проклятый, которого считают мёртвым короли и маги, и простые люди, потому что так им удобнее. Тот Тионат, которого они могли видеть, действительно мёртв. Но он создал Кристалл. А вначале он создал Зеркала, чтобы обмениваться сознанием. Но Зеркало не могло ничего хранить, оно могло только отражать. Это было очень опасно, потому что если сознание перенесено неудачно, оно погибнет. Я экспериментировал на детях, потому что их тела и сознания восприимчивей — и за это меня назвали Проклятым — ведь я не таился, я говорил правду. Я не похищал детей насильно, я не лгал им. Дети часто бывают несчастными, как и взрослые, только взрослые отказываются признавать это. Они отказывают им в праве выбора. Они считают, что дети должны страдать на правах подчинённых, чтобы их них выросли такие уже убогие обрубки, как сами взрослые. Человек перестал меняться из-за этого, он выбрал стабильность и ограниченность. Если бы сознание человека продолжало развиваться так, как оно это делает в период детства — люди давно достигли бы дивных вершин… Ничтожества… Если бы не я — у них не было бы даже той слабенькой магии, которую они решаются применять. Потому что я бросают им куски, то, что они согласны принять, трясясь за свою стабильность, как вида…

— У нас говорили, что Тионат убивал детей…

— Не убивал. Погибали неподходящие. Я предупреждал даже их — я брал всех желающих, зная, что сохранить сознание при переносе могут только самые лучшие. На других я отрабатывал мастерство. В этом мире им всё равно был один путь — в живые мертвецы, ибо никак иначе я не могу назвать тех, кто отупев до предела, работает с рассвета до заката, не оставив в себе места

даже для полноценного наслаждения пищей, сном и совокуплением. Они тешат себя мыслями, будто бы ***их дети*** будут жить по-другому — да как же! Глупцы! Общественные механизмы не позволят им этого никогда, как бы изобильна ни была земля — общество всегда расслоится на отупевших работяг и изнывающих от безделья ничтожеств. Между ними оказывается тончайшая прослойка тех, кто хоть как-то пытается жить, творить, развивать своё сознание — но, увы, развитие даже их разума резко замедляется после того, как достигнута основная цель роста организма — половое созревание. А потом это развитие останавливается полностью — а потом начинается деградация, которую они сами заметить не в состоянии… Я говорю с тобою непонятными фразами, но тут ничего не поделаешь, если ты хочешь узнавать — постарайся понимать то, что сможешь.

Я кивнул. Странно, что во мне почти не было страха. Как будто глубоко внутри я с самого начала понимал, кто такой Мальчик…

— Но тебе служат и взрослые. Адепты…

— Это повзрослевшие Сочинители. Сочинители мне нужны, чтобы мир Кристалла существовал, чтобы он был живым, движущимся, настоящим. Только в таком мире могут существовать те сознания, которые я переношу в Кристалл. В пустоте они распадаются. Очень быстро… Храм в Лисиппе нужен для отбора и подготовки Сочинителей. Мир Кристалла описан в Книге, которую дают читать всем, кого туда принимают. Эту Книгу написал один человек…

— Не ты?

— Нет. — Мальчик впервые опустил глаза, словно даже осунулся. — Только мне больно, когда вспоминаю… Он был единственным, кто… Иногда мне кажется, что даже Кристалл я создал скорее для него, чем для себя. Чтобы он жил… Но было поздно. Если бы я нашёл того, кто похож… я бы перевернул небо и землю… Я искал. Я думал, что может быть, души и вправду существуют, как лгут священники. Что умершие могут оживать в новых телах… Но это неправда. С тех пор я слишком хорошо изучил сознания — в них нет ничего от тех, кто исчез прежде. После этого я… сделал многое. Никаких границ. Никто не остановит меня, если я сам не остановлюсь, совершив ошибку. Просто некому это сделать, понимаешь?

— А я тоже… буду Сочинителем? И ослепну…

— Нет. — Мальчик усмехнулся. — Игра в Кристалл мне начинает надоедать. Я властен над ним, но эту власть можно перенести в этот мир, настоящий. В конце концов, не вечно же создавать Сочинителей, чтобы они поддерживали жизнь в

Кристалле — это утомительно, отнимает время и распыляет силы — их можно использовать интереснее. Не так давно я понял, что дети, научившиеся в мире Кристалла чувствовать силу и разум стихий, сохраняют эту способность и здесь. Правда, чувствовать мало — нужно иметь силу, чтобы управлять.

Я сказал тебе, что я не лгу. Я не солгу тебе и сейчас — я вижу, как засветились твои глаза… Но не знаю, сумеешь ли ТЫ повелевать стихиями. Иди со мной, помоги мне — я обещаю тебе радость познания мира, такого мира, который не знают оставшиеся там, позади, в этом городе… Может быть, повелевать стихиями, летать в небе, играть с волнами, творить огнём сумеют только те, кто придёт за тобой — может быть, ими окажутся твои ученики или… потомки. Я не знаю. Но это будет дивный путь, и даже если ты не пройдёшь его до конца — твой разум, если ты пожелаешь, останется жить в Кристалле, когда тело твое одряхлеет, а потом, я надеюсь, наступят времена, когда ты проснёшься в новом мире, и, как утром, обрадуешься ярким краскам, обретёшь друзей, тех, кто не стареет, не умирает, а вечно юн и вечно творит мир!..

Часть 2. На запад

…Фр-р-р! Чпок!

Фр-р-р-р-ры! Чмок!

Жарко. Но где-то рядом — вода.

Гнилень мог бы определить точнее, но не хотел вмешиваться. Вмешаешься — спугнёшь звуки. А звуки — в них сейчас самое важное.

Овраг изогнулся в который уже раз. Зелёный, душный, медовый от зноя и трав — как в самом начале лета. Гнилень вскарабкался по глинистому откосу повыше — и увидел. Крохотная долинка внизу впереди, на ней трава то ли выкошена, то ли вытоптана, то ли её просто попросили не так буйно расти. На миг водяному померещилось, будто в дальнем конце оврага в дрожащем мареве распахнулся Океан. Гнилень поморгал, сердце ёкнуло.

Фррык! Чмок!

Наконец-то, отыскался малый. Бродяга непутёвый…

Брэндли выхватывал из родника, кипящего ключом, пузырящиеся, сверкающие комки — и швырял один за другим. В мелкую… ох… непростую девчонку! Вздрогнул Гнилень — какая-то вся чудная — широкоглазая, большеротая, нескладная — но как будто ***она***, та самая…

Хихикнул кто-то. Гнилень оглянулся — и упустил миг, когда другая девчонка, постарше, выпрыгнула к тем двоим. Откуда выпрыгнула — не понять. Каждую укромную щелку в этом морочном овраге заполонил туман, непроглядный для него, болотного Хозяина. Ведьмин.

Старшая девчонка знает, что я здесь, понял водяной. Ведьма. Забавляется. Но Брэндли ничего плохого тут не сделают, это ясно.

А хорошо у них… Сам бы поиграл…

Старшая сунула Брэндли и мелкой по чудному ободу с ручкой. Кажется, что-то похожее Гнилень видал… давно только очень. Старый король, когда был ещё мальчиком, учился управляться с такими… ракетки, их называли.

— Не отбивай, — журчал голос старшей. — Нежно лови, отводи назад, а потом пускай обратно, как птицу!

Тихо отступил назад. В последнее мгновение, перед тем как глинистая кромка скрыла детей, увидел ***её***, танцующую с ракеткой в руке и сверкающим, живым шариком воды.

* * *

…— Если бы я могла уйти в Океан… Многое бы случилось. Даже не представляю, как много.

— Мы бы нашли Острова, да?

— Острова. Это было бы просто. Я чувствую такую власть над водой — безмерную. У неё нет границ — и ею невозможно воспользоваться. Моя сила — от воды, но моя сущность растворена внутри этой земли, в её жилах. Древней ведьмы Ха не существует — есть множество существ, которые ею поглощены, и эти существа остались здесь, на этой земле, они остались дыханием земли, росою, теплом, шелестом ветра, запахом трав. Всё это невозможно унести с собой в Океан. Оно растворится, и я рассыплюсь, стану туманом, силой, лишённой объединяющего начала.

— Значит, и я не смогу полететь на «Бабочке»?!

— Ты — можешь. Разве стала бы я говорить тебе о том, что невозможно? Ты — такая, какою должна быть, Дзынь. Наша сущность в начале — свободная мечта, грёза. Земля ей дарит со временем силу и привязывает к себе. Но тебя сотворила не земля. Тебя создала я, и я дала тебе всё лучшее, что могла, поэтому в моей власти дать тебе и свободу. Ты можешь отказаться и стать такой же, как другие ведьмы, бродить в лабиринте туманов и забытья, поедая отчаявшиеся души, становясь могучей и пустой… А можешь уйти. Улететь. Что будет — никто не знает, потому что никогда ещё не было такого. Но ты — свободна. Уходи, Дзынь…

И она ушла. Брела по еле заметным тропинкам на крутых склонах холмов. Потом — вдоль тихо шепчущих речек. На закате вышла к морю. Дзынь не первый раз была на побережье, но только сейчас море ударило ведьмучку так сильно, что она села, опустила глаза и долго не решалась взглянуть в опускающееся солнце снова.

Завтра, подумала она. Мир начнётся сначала.

И уснула, упала, как мёртвая.

…Дзынь разбудил шторм. Западный ветер бросал волны на скалы, Дзынь казалось — водяной великан нарочно и упорно бьёт кулаком прямо в неё. Хочет раздробить берег и утащить ведьмучку с собой в океан.

Мне никогда не было так страшно! Я не боялась человечин, не боялась Ха, которую боялись все, кто её знал. Почему я боюсь Океана?

Он поёт. Или стонет. «О-о-о… О-о-о… Ооооо!» Что он мне

сделает, если я подойду к нему?

* * *

— Ужасно не хотелось давать её Троготту, — признался Нимо. — Опять всё зависит от него. Мы все. Но я сколько раз перечитал эту книгу, о создании стэнции… снова и снова понимал, как легко всё испортить… Аль, скажи… ты его боишься?

— Он непонятный. Хотел бы держаться от него подальше, но не знаю, это страх или просто он мне не нравится? А почему его боишься ты?

— Потому что… может быть потому, что несколько раз был в его руках — полностью. В такие мгновения, когда оказывался беспомощным… Как будто нарочно… судьба так устраивает. В самые решающие минуты выбор делал не я. А он. И от этого кажется, будто его власть надо мной никогда не кончится. Он отпускает меня… или делает вид. И каждый раз мне приходится встречаться со страхом, который сильнее. Тогда, на Островах… Океан и Воздух взбесились… я ошалел от страха и не смог справиться с кораблём. Я, лучший ветряной маг Нимо, просто перестал чувствовать воздух. Оглох, ослеп. От страха.

— А разве кто-нибудь из Ветряных мог с таким вот справиться?

— Не знаю. Зато точно знаю другое — Эдели, Золотые, не падали в обморок от ужаса. Их сила — воля. Как наша сила — чувствительность. Наши чувства обострены, чтобы воспринимать самое нежное дыхание ветерка. Эдели наоборот — закаленные, потому что только воля может держать Огонь. Я слышал… слышал, только чуть-чуть… какие испытания проходят дети, предназначенные стать Эдели. Я умер бы сразу. Поэтому боюсь. Кажусь себе свободным — но как только нужна воля — снова и снова как голодный котёнок прибиваюсь к нему. А он позволяет уходить, может быть, потому что знает — я в его власти.

— Что же делать? Ты говорил Ивенн?

— Я думаю, она и так всё понимает… Скоро решится многое. Если белая пыльца Финетты окажется той самой, и мы получим стэнцию — не нужно будет больше ждать. Троготту придётся раскрыть карты — но до тех пор, Аль, хоть ты оставайся свободным от страха. Не бойся Троготта, помни, что он зависит от нас не меньше, чем мы от него.

* * *

В тот день Троготт решил приоткрыть часть наших тайн королю.

— Канцлер уже и сам догадывается о многом, — сказал он. — Ясно, что магия из-за Океана кем-то используется. Полёты «Лунной бабочки» видели многие, пусть и вдалеке от Скальной Столицы, этот корабль рождает новые легенды. Если получим стэнцию, придётся заложить второй корабль, на одном отправляться на поиски Островов слишком опасно. А для того, чтобы новый корабль был хоть вполовину так же хорош, как ваша «Бабочка», нужно разобрать три старых. Они давно куплены, но всё это вызовет новые вопросы. Ну и, наконец, перед отбытием мне придётся использовать другую магию, сохранить её в тайне уже точно не удастся. Если нам повезёт, и Острова отыщутся — хорошо. Если же придётся возвращаться… не хочется начинать всё сначала.

— Будем показывать королю магию воздуха?

— Не думаю. Король — религиозный человек. Маги с Островов избавлены от необходимости создавать себе богов — наверное, оттого, что слишком близко соприкасаются с истинными Силами. Нам не требовались культы и ритуалы. Даже в Городе-на-Холме, так случилось, религиозные общины не были сколько-нибудь заметны. В Скальной же сосредоточена и церковная власть, там находится главный собор. К счастью, их главный епископ, патриарх — разумный человек. Я давно нашёл с ним общий язык, и патриарх обещал не противодействовать нам. Мы договорились действовать к взаимной пользе, обставив дело так, словно наша магия очищена и благословлена Церковью. Тем не менее, в Столице следует избегать несогласованных «чудес», да и «чудес» вообще, чтобы не смущать умы.

…В Столицу мы въехали ночью в большой карете — тяжёлом и неуклюжем сооружении, которое я возненавидел к концу путешествия — карету неприятно качало, я не мог уснуть, не мог поговорить с Нимо, Троготт сидел напротив, и нельзя было понять, смотрит он на нас или нет, и что думает.

К концу пути качающаяся тьма измучила невыносимо. Обыкновенно днём я вижу неясные цвета, а прикосновения воздуха создают вокруг особенный мир. Если же мы с Нимо держимся за руки — мир этот становится почти зримым, живым, отчётливым. Но стенки кареты запирали меня, делая по-настоящему слепым. А ещё — я не знал, что чувствует Нимо, не решаясь взять его ладонь при Троготте.

Неужели, он всё так нарочно устроил — запер в этом отвратительном ящике на колёсах, чтобы понаблюдать за нами?

Интересно, чего он ждёт — что мы будем держаться изо всех сил или плюнем на него и сделаем вид, что Троготта вообще не существует?

Всякие дурацкие мысли лезли в голову. Самым мучительным был страх — что, если Троготт вообще не хочет, чтобы мы снова стали видеть и оказались свободными?! Ведь тогда он лишится власти над нами. Может, он нарочно испортил семена стэнции, а теперь испортит и пыльцу, собранную Финеттой? Если так — придётся ждать ещё долгий-предолгий год. А самое главное — мы не узнаем, будет ли в этом виноват Троготт, или стэнция из Долины Цветов слишком сильно изменила свойства.

— Если написанное в книгах путешественников и учёных — правда, то земля очень большая, Нимо, — сказал я вслух. — Если в этот раз ничего не получится, я хочу улететь с тобой отсюда — туда, где нас никто не знает. Ты уже уходил однажды, только тогда ты был один. Где-нибудь далеко наверняка найдётся страна, где так же тепло, как на Островах, а может быть, в Океане есть другой остров, и мы начнём всё сначала.

Нимо глубоко вздохнул и взял меня за руку. Тьма побледнела, сделавшись предрассветным серым сумраком, в глубине которого светились два тускло-алых огня.

Пусть себе смотрит, подумал я.

Карета стала взбираться выше и выше, минуя арки и мосты. Я знал, что дорога ко дворцу тянется крутым серпантином — центр Скальной Столицы венчал исполинский каменный столп с небольшой площадкой — Белый Перст. Серпантин казался бесконечным. Когда лошади встали, мир вокруг меня затопила тишина — внезапная и такая осязаемая, словно из горячего воздуха степи окунаешься в холодное озеро. Карета шевельнулась — и звуки льдистыми иголочками полетели отовсюду, вонзаясь мне в кожу — в пальцы, в щёки…

Лакей отворил дверцу — морозный воздух с гор ворвался внутрь, на миг закружилась голова. Я чуть не упал, мы с Нимо обхватили друг друга, замерли.

И тут где-то поблизости распахнулись ещё двери. Они были большими, огромными, за ними — дышало совершенно незнакомое пространство. Непохожее ни на небо, ни на землю. Там звуки вели себя иначе — одни точно сухие горошины, другие — скорее как маленькие молнии, прыскали отовсюду, тихие, еле уловимые — но вездесущие. Оттуда плыли, ниспадая, неведомые запахи, отдалённо напоминающие бальзамическую свежесть хвойного леса — и всё же совершенно другие.

А вдалеке, в каком-то потустороннем небесном слое нового пространства затаилось, бесконечно медленно дыша, исполинское

существо.

Я стоял не знаю сколько… Нимо держал меня двумя руками — я чувствовал, что он понимает больше. Но не торопит. Троготт тоже ждал, где-то далеко-далеко. И были ещё люди по сторонам — и они ждали, затаив дыхание.

Нимо коснулся моей щеки.

— Идём, Аль, замёрзнешь.

И правда — как похолодало, будто зима! Снежинки невесомо падали и падали — на волосы, на ладони. Я повернулся, втянул воздух обычного мира — тут вот-вот должен был заняться рассвет, воздух сделался подвижнее и нёс в себе особенный, кремовый привкус утренней зари. Идти внутрь ***непостижимого*** было страшно. И я рассердился на себя за этот страх, шагнул…

…Шелест, шепот — мириады струек воздуха ожили. Огромный зал вокруг был почти пуст. Но ***существо*** вдали — оно встрепенулось, оно как будто узнало нас — меня, Нимо…

— Вы в главном соборе королевства — соборе Белого Перста. Маги Воздуха, Нимо и Альт. Ваше Величество. Ваше святейшество!

Король подался к нам, исполненный какого-то мальчишеского любопытства. Я чувствовал, как ему хочется протянуть руку и пощупать нас, точно мы были диковинными игрушками. Сделалось смешно, и я чуть-чуть улыбнулся. Нимо понял и, кажется, улыбнулся тоже.

— Дивно! Я рад. — Отрывистым, трескучим голосом произнёс король. Голос патриарха был глубоким, и от него что-то вибрировало внутри.

— Мир вам, светлые создания! Солнце встало. Подайте чашу.

Лёгкие шаги. Ребёнок.

— Благослови, Господь, мир для них!

— Пей! — шепнул мне Нимо. Случилась какая-то заминка — я чувствовал удивление короля. Пальцы мои обхватили чашу. Пространство встрепенулось. И чистый, пронзительный, взрывающий тьму и рвущийся за пределы мира мальчишеский голос запел…

Я представить не мог, что на свете кто-то может так петь.

Сияние исходило изнутри меня, лилось. Нимо взял чашу, а я раскинул руки, чтобы выдержать, не умереть. Удержать ветер, который вот-вот ударит и сметёт всё — весь город, Столицу с её храмами и домами. И я сжал ветер, как обхватывают расшалившегося ребёнка — а потом снова отпустил, и он был уже другим — всколыхнув стены собора, он заставил их дрожать, дышать, жить и…

Громадное ***существо*** вдалеке содрогнулось. Звук, похожий на

звучание едва-едва родившегося мира, обнимал меня. Оглушительный, страшный и прекрасный.

Я испугался за мальчика, который пел. Я подумал, что рёв и грохот ***Существа*** разрушит его песню, но оказалось — грохот был музыкой, а ребёнок в вышине ни чуточки не смутился бешеным аккордам ***Существа***, даже наоборот, его ослепительный голос стал сильнее — хотя, как это было возможно?! — и выше.

…— Кирис, который тебя так удивил — мой внучатый племянник, Альт. Между прочим, он знает о вас с тех пор, как научился понимать слова и слушать сказки. Как и я… Я не слышал о тебе, но всегда знал о Нимо.

— Троготт…

— Он тут ни при чём, прости, Нимо, но я должен рассказать об этом… Мой прапрапрадед… в общем, жил когда-то в Городе-на-Холме маленький сирота по имени Сэри…

— Я помню, — прошептал Нимо.

— Он рассказывал своим детям историю о том, как однажды его спас мальчик, прибежавший по волнам. Эта история добралась и до меня, а потом и Кирис её услышал. Сэри говорил, что когда пришло время выходить в море, он думал только о том, чтобы стать очень хорошим матросом, а может быть, даже и штурманом — тогда загадочный волшебник из-за Океана возьмёт его на свой корабль. И он ушёл в первое плаванье, затянувшееся надолго… очень надолго. Вернувшись, он не нашёл тебя — люди к тому времени успели привыкнуть к мысли, что в Башнях живут древние маги, а о мальчике по имени Нимо никто не мог рассказать. Только один, «печальный человек из башни», сказал Сэри, что Нимо ушёл далеко-далеко на восток, за горы, и след его потерян…

* * *

— Кирис будет с нами?

— Если ты не против.

— Нет, это хорошо… Я только почему-то удивился… Как странно — удивляюсь и удивляюсь. Будто сон. Это ты придумал, чтобы стэнция была в чаше?

— Троготт. Так, правда, получилось сильнее. И он договорился с патриархом, что Кирис будет петь под орган. «Бабочка» отправится завтра, если ты захочешь.

— На рассвете?

— Да.

…Просыпаться во тьме. Открывать глаза и думать: всё это на самом деле, правда?

Еле различимо сереет окно. Песня Кириса и храм, и рёв органа, и вспыхнувшие в золоте и самоцветах искры — это было так, словно я сам стал кусочком небесного салюта! — если всё это не приснилось, то ещё не скоро наступит рассвет.

Но может быть, сейчас позднее утро, и солнце давно встало, а я вижу только серое пятно. Может быть, я снова видел эти сны, яркие, настоящие.

Я боюсь, что ничего не было взаправду. Но вставать я не хочу — тянусь к небу, приближая и распахивая его кусочек в окне во всю ширь. Ищу солнце и зову его. Оно там, далеко за горами. Оно неспешно и величественно движется, отворяя края земли. Мне хочется его поторопить. Я прислушиваюсь, чтобы почувствовать ветер — ветер спит. Зато над землёю, как большая, невесомая вуаль, дрожит песня. Почти неощутимая. Та песня, которую вчера пел Кирис — но сейчас она истончилась до лёгкости лунных лучей и почти не слышима. Зато она есть везде. Она убегает к горизонту и дальше, в Океан, на запад. Я дрожу от волнения, касаясь её нитей. Что-то очень важное, яркое — я почти догадался, почти осознал…

Распахнулась дверь. Мигаю — отвык узнавать день глазами. Нимо растрёпанный. Мне казалось, он всегда такой аккуратный…

— Вставай скорей! Просто окуни лицо в воду и бежим!

Я делаю так, как хочет Нимо. Некогда спрашивать. Он хватает меня за плечи, говорит горячо:

— Чуть не проспали. Зато теперь ясно, что делать! Почему я не догадался раньше?!

* * *

Волна надвигалась. А тучи на востоке прорвались, будто в тёмном зале театра кто-то внезапно раздёрнул занавес, и сверкнуло солнце, пена на стене воды засияла, Дзынь почудилось, что там, на волне, сидят странные существа.

Попробую!

Захватило дух — сумасшедшая, решилась!

И так жалко, что Брэндли со мною нет! Он запищал бы от восторга, страха!

Ведьмучка стала на краю. Раскинула руки. Когда волна приблизится, будет только мгновение — но Дзынь знала, что

времени ей хватит. Мгновение растянется на тысячи упоительных минут. Волна чуть-чуть развернётся, чтобы Дзынь удобнее прыгнуть на гребень, волна не ударит в берег, как они это делают обычно, но мягко уйдёт в невидимые поры, и через миг — полетит назад, в океан!

Как быстро! Как кружится голова! На воздушном корабле всё не так, а тут — дико, неистово, страшно… Дзынь не удержалась, присела на корточки, упёрлась раскинутыми ладонями в тугую, дрожащую, живую волну. Всё кипит и несётся кругом, и нигде нет ни кусочка тверди. На «Бабочке» не так страшно, правда же, не так страшно, даже в грозу!

Дзынь не решалась оглядеться. Пугала бушующая бесконечность. Ха однажды сказала, что далеко в океане волны живут иначе. Наверно, с ними можно говорить. Но ведьмучка не желала уноситься далеко. Только не так, не в абсолютном одиночестве!

А где те, кто оседлали волну? Их не видно. Как будто ветер доносил остатки голосов, возбуждённый смех и перекличку. Мазнул чужим восторгом, вспышкой солнечного зайчика в глазах. Не будь этого зова, ведьмучка, может, и не решилась бы вскочить на волну…

* * *

Чужая память врывалась голосами, точно в огромном дворе хлопали на ветру сотни сохнущих простынь.

Что-то не так. Она не знала, поднимается буря из глубины или несётся снаружи. Буря окажется небывалой — и Большой Ха от неё не спастись. Не спастись туманной сущности, которая сама не знает, кто она есть и чего она хочет. Наступит миг — место Древней Ведьмы Болот должен занять кто-то один… или не останется никого…

Жёсткая судорога изогнула тело, Большая Ха упала на четвереньки, и долину прорвал страшный вой — помимо воли, внезапно, из тёмных, позабытых самою ведьмой глубин выплеснулось самое древнее, самое первое её естество — огромной, седой волчицы, отчаявшейся и умирающей от боли.

* * *

В доме Хлюпастых царил переполох.

Заверенное королевской печатью доставлено Приглашение —

младшему, наследнику, юному Брэндли. Официальное Приглашение принять участие в поиске Западных земель в составе экспедиции на «Лунной бабочке».

— Да ведь у них ещё и второй корабль не готов, — пробормотал Гнилень. — Когда-то ещё будет…

— Я сегодня же еду, дед! — твердо глянул водяник. — Мне Альт две строчки от себя приписал — я им раньше нужен.

— Завтра ты едешь, а не в ночь. У меня летучих кораблей нету, не забывай.

Лихорадочное нетерпение прошло, водяник вещи, собранные в дорогу, проверил и перепроверил, и дом обошел три раза. И ужин минул, и надо бы спать пораньше лечь — а не уснёшь. Звенят цикады, каждый звук, как искра, сверкающим ковром светятся холмы. Сверху струятся гирлянды огней — бесконечные голоса ночных птиц. Брэндли заслушался, раскрыв рот, выбежал в сад, дрожа и захватывая воздух и грудью, и глазами, и ладонями…

Вот, значит, как ОНИ всё это видят! А что со мной? Может, и я… становлюсь ветряным магом?

Брэндли подумал об этом не всерьёз, ему было сейчас важнее другое — бежать, бежать куда-нибудь, быть кем-то из этой ночи — ветром или звёздным лучом, или ручьём.

До моря было далеко. Брэндли вдруг понял, как отчаянно ему не хватает моря. Когда в груди всё кипит — море примет часть безумной силы, даст уверенность и покой. Оно не позволит воцариться опустошению в душе.

Я готов, я могу попробовать — ***говорить с ним***!

В преданиях сказано, что древние водяные могли раствориться в струйке воды и с быстротой горного потока пронестись подземными порами, очутиться за тридевять земель. Нынешние — не могут. Слишком срослись с привычными телами. Даже могучий Гнилень не пытался исчезать в воде.

Когда-то времена были дики, и между землёй и небом текла сила, обитатели мира черпали её и охотно преображались. С тех пор многое поменялось. Люди показали Древним свой разум, а Древние, увлекшись дарами разума, стали осторожнее играть со стихией — потому что стихия с человеческим разумом неуживчивы. Они несовместимы хотя бы тем, что стихия не может страшиться смерти и разрушения, не может стремиться к постоянству, её суть — вечное преображение.

И сейчас то человеческое, что было в Брэндли, умоляло подождать. Ведь завтра в дорогу, он увидит Альта и Дзынь, он будет окружён Океаном, и там, уже с друзьями он сможет попытаться сделать то, к чему зовёт его стихия. Не получится —

ни Альт, ни Дзынь не станут думать о нём с насмешкой, помогут — особенно Дзынь, которая умеет ***ходить через воду***.

Задумай я это хоть чуточку раньше — почитал бы книги Древних, расспросил Гниленя. Но теперь — поздно.

Дом ещё не спал. Светилось окно деда, светились окна слуг, всё собрано в дорогу, но значит, есть у них и другие дела. Место, куда шёл водяник, пряталось в дальнем конце сада, окружённое каменными зубьями высотою в человеческий рост. Сад ручьёв. У корневищ камней били ключи. Струи воды сплетались и распадались. Они приходили из-под земли и исчезали под землёю. Они журчали неясные слова. Брэндли часто представлялось, что если расслышать эту речь и суметь произносить её — то поймёшь и узнаешь всё, что знали ручьи.

…А ведь некоторые из них явились из страшных глубин! Они знают тяжесть корней земли, и мрак, и огонь. Что чувствуют они, вдруг вырвавшись к поднебесному простору? Радость небывалой свободы? Страх? Смятение? Потерянность?

Брэндли присел, положил ладони на серебристый колокольчик ключа. Родник трепетал под кожей, будто чьё-то обнажённое сердце.

— Я твой… — прошептал Брэндли. — Тэллио аливи ти.

И вдруг сделал то, на что ещё не решался, чего боялся, чувствуя себя даже неправильным, ненастоящим водяным — наклонился, окунув в воду лицо, и стал дышать ею.

Темнота подхватила и унесла, но темнота лёгкая, похожая на тёплый ночной ветерок. Брэндли кружило, и он понимал, что не может управлять собой, не может остановиться, он замирал на мгновение от жути — но тут же таяли льдинки, и он снова отдавался ручью.

«Тэллио аливи ти… Тэллио аливи ти…» — журчали вокруг слова. Водяник не знал, что они означают, просто увидел однажды в книге Альта под чудесным рисунком, на котором солнце дробилось в полном сил ключе.

* * *

— Я не вижу ничего плохого в «магии Воздуха», как они это называют… Альт кажется чист душою, а Нимо… Не могу понять, кто же он? Всякий раз, когда пытаюсь беспристрастно порассуждать о нём — будто сияние ослепляет, мысли рассыпаются. Мне остаётся верить… и я почему-то верю.

Другое дело, этот Одоринус. Похоже, он заправляет всеми их делами. Он кажется сплошной стеной тёмного стекла, обсидиановым стержнем. Какие у него истинные желания, планы? Кто он на самом деле? Всё это скрыто.

И эта его просьба переговорить с тобой… мне очень не нравится. Я не стал отказывать ему — для этого вроде бы нет причин. Но прошу — будь осторожен. Не соглашайся ни на что, прежде чем посоветуешься со мной. Мне очень хотелось бы подслушать ваш разговор, признаюсь, и это вовсе не желание совать нос в твою жизнь или в планы Одоринуса. Нет, я боюсь. Я, высший иерарх Церкви королевства, стою перед неведомым, но должен не сам ступить через порог, а отпустить туда тебя, Кирис, самого любимого на этом свете человека, из всех, кто у меня остался… Всё, что могу — предупредить и быть как можно ближе, хотя мне всё равно кажется, что этого мало!

Я ещё не говорил тебе, у меня нет тому убедительных свидетельств, но я уверен, Одоринус — не вполне человеческое существо. Я знаю, что он живёт долго, очень долго, он был с магами Воздуха ещё со времен Волны. Кто он? Маг Огня? Но где он берёт силу для нескончаемой жизни? Там, у себя на Западе, пусть он черпал её из недр, огнедышащих гор. А здесь?

Будь осторожен, Кирис, помни, я — рядом. Я услышу, если ты позовёшь.

…Когда решилось, что Кирис отправится с Альтом и Нимо на «Бабочке», Одоринус-Троготт сказал патриарху:

— Есть вещи, о которых должен знать Кирис, прежде чем он может быть посвящён в наши самые сокровенные тайны. Если так случится, что я не буду с ними, следует сделать всё необходимое заранее.

Одоринус был неприятен патриарху с первой встречи. Но странное и сильное для главы Церкви притяжение испытывал он к юным магам Воздуха. Свои сомнения насчёт Одринуса он хотел было обсудить с Нимо — никто не мог знать таинственного советника Людей-из-за-Океана лучше. Но — не успел. Одоринус пришёл к нему внезапно и объявил, что завтра отбывает в Город-на-Холме и просит о разговоре с Кирисом.

Место выбрал патриарх. Это была одна из келий присоборного дома служек. Сам патриарх во время разговора намеревался оставаться в соседней келье. Негромкую беседу услышать оттуда невозможно — да он и не рассчитывал выведать тайны Одоринуса — но крик или шум донеслись бы отчётливо.

Одоринус явился с небольшой шкатулкой, окованной железом.

— Что это у вас? — не удержался от вопроса патриарх. Одоринус наверняка заметил его напряжение.

— Кристалл. Он покажет картины, которые наши маги запечатлели в нём силой мысли. Я хотел бы, в числе прочих сведений, показать Кирису, как выглядели наши Острова. Кроме того, Кристалл может служить навигационным прибором и средством связи. Будет полезно, если Кирис научится использовать Кристалл для этих целей.

— Это безопасно?

Одоринус взглянул удивлённо:

— Если использовать Кристалл правильно — абсолютно.

— А если…

— А если неправильно, ваше святейшество, то опасно. Можно споткнуться и удариться виском.

Ирония была на грани дерзости, но патриарх понимал, что дотошность выглядит уже утомительной. Тем более, Одоринус говорил прежде, что у него не так много времени.

— Кирис… — Ладонь патриарха коснулась волос мальчика.

…Они сталисьвдвоём.

— Твой дедушка тебя напугал, — сказал Троготт. — Чем скорее ты убедишься, что ничего страшного не случится, тем лучше. Вот Кристалл. В нём ты увидишь… я затрудняюсь сказать точно, чем это будет вначале, но это будет свет. Иди за ним. Ты любишь петь? Пой. Эту песню никто не услышит кроме тебя и Кристалла, она поведёт тебя в путь и поможет развеять страх. Бери…

Что бы ни говорил этот человек, он был жутким. Кирис протянул ладони и понял, что вздрагивает от озноба. Только бы не прикасаться к ***нему***, его рукам — они казались тёмными, почти чёрными, все в мелких трещинках, сквозь которые алела то ли кровь, то ли огонь.

Он как будто из глины. Как будто форма, которую литейщик заполнил расплавленным металлом.

Кирис почти выхватил Кристалл — и едва не уронил. Кристалл оказался то ли слишком лёгким, то ли слишком тяжёлым — сразу, а может быть, он обладал способностью двигаться и первое мгновение попытался вырваться из дрожащих ладоней.

Кристалл отразил свет лампы. Отразил сильно, так что Кирис зажмурился на секунду. Озноб и свет — и Кирису вдруг почудилось, что он стоит во дворе деревенского дома — там жила его бабушка — стоит на границе света и тени, ослепительное мартовское солнце разделило двор на две половины, крошечные

льдинки-снежинки невидимой пылью сеялись с ветвей яблонь, с крыши, и, попадая на границу света и тени, наполняли воздух мириадами пронзительных искр.

— Воздух сверкает! — вскрикнул Кирис. Сбросив рукавички, он тянул к искоркам ладони, и ладони сияли всё ярче, пока между ними не заполыхал солнечный шар. Кирис бросился к нему и внутрь его, чувствуя жар, обжигающий и желанный.

…За стеною была тишина. Старик понимал, что прошло не очень много времени, меньше четверти часа. Но секунды ускорялись, и воздух густел. Чтобы встать и подойти к двери, нужно было расталкивать его, задыхаясь, а чтобы переступить порог, понадобилась вечность.

— Кирис… — прошептал старик.

По коридору двигалась тень. Огромная бесшумная тень с глазами, сияющими ледяным огнём. Смертью.

— Сатана!

Пасть открылась. Беззвучный рык оттолкнул старика, он ждал пламени и смрада серы, но воздух из пасти волка пах волглым лесом, дождём и горькими ягодами калины.

Волк бросился на дверь кельи — мордой и передними лапами. Старик вскинул руки — запоры были ничтожны, и если Кирис стоит близко…

Дверь осыпалась древесной трухой, заблестела чёрной слюдой стена за нею. Когти зверя проскользили по стене, не оставив следа — только гаснущие синие искры.

Зверь оскалился и отступил, а старик в растерянности смотрел на чёрное стекло стены. Он забыл о волке, и когда снова повернулся к нему, увидел только смутную тень, как будто между светильником и ею замерла невысокая, полупрозрачная фигурка человека.

* * *

Наверное, Брэндли испугался. Что не сможет остановиться — вода пьянила, вода кружила, звенела, пела, вода дарила силу щедро, он легко мог сломать подземное русло и вырваться к небу.

Брэндли почти не вспоминал, чего хотел и зачем. Только короткими вспышками, будто замерев у очередного изгиба реки, он вдруг замечал свои искрящиеся руки, вытянутые вперёд или обхватившие выступ, и по привычке вдыхал странный, пахнущий кислым металлом воздух…

Я попаду в океан, он растворит меня. Может, не навсегда —

однажды, волшебной ночью, когда луна обезумеет от силы, я выберусь на берег в приступе тоски… Пройдёт сто лет или тысяча… Я буду плакать, пока светит луна, а потом забудусь.

Откуда взялось это знание — наверно, из какой-нибудь книги в библиотеке замка, романтической сказки. Правда или нет — неважно, Брэндли теперь не хотел быть просто водой.

Прежде чем уйти на «Бабочке», я должен узнать тайну! Тайну грота и мальчика, спящего в ручье…

* * *

Хорошо просыпаться в бабушкином доме! Далеко-далеко что-то тикает — наверное, сверчок, или это за стеной прячется маленький домик, и в нём — старичок с молоточком. Тишина похрустывает, свет заполнил комнату, и стены кажутся не стенами, а картинами или окнами — каждое со своей страной. Пока глаза ещё не совсем открыты, пока от ресниц тянутся невесомые ниточки сна — можно выбирать. Любую страну, любое путешествие.

Кирис резко поднялся, сел, и комната качнулась. Хочется, наконец, исследовать дом, уголок за уголком, каждую укромную щелочку. Он же необыкновенный, Кирис всегда знал, но как-то краешком, не получалось остановиться, чтобы увидеть по-настоящему. Он редко бывал у бабушки, чаще ему бывало там скучно без городской жизни, без привычных вещей. Он хотел быстроты, и отмахивался от спрятавшихся тайн, думая, что они вечны, как и он сам.

Но теперь-то я здесь, с наслаждением думал Кирис. Теперь все тайны мои. Все запахи и шорохи, и тени, и всё, что за окном…

Один неуверенный шажок. Только глянуть. Как будто лёгкая мелодия. За окном солнце так и пышет, почему так ярко — неужели там зима? Или солнце сделалось таким ослепительным, что все краски стали золотисто-белыми?

Кирис хотел прыгнуть через подоконник, но не пускала одежда. Она была слишком тяжёлой, и Кирис сбросил куртку и штаны. Горячая волна сама перекинула его туда, навстречу бесконечности. То ли снег, то ли поле золотой, спелой пшеницы — а посередине тропинка. Бежать легко. Часы и дни. Просто бежать. Самое лучшее на свете — не знать усталости.

Так было долго, и земля опускалась позади, точно дно огромной чаши. Наверно, Кирис поднимался всё выше. Хотелось оглянуться, но Кирис говорил себе, что надо добежать до края, и

уж потом всё увидеть, чтобы дух захватило.

Как странно… Мелодия, которая вначале влекла вперёд и выше, сейчас была тягучей и низкой, её резкие тремоло хватались за ноги, будто плети травы. Кирис уже несколько раз споткнулся. Он рассердился, первый раз в этом мире, и это было обидно, и ещё обидней было то, что слёзы потекли как у малюсенькой девчонки, а впереди показался человек, небольшой, не старше Кириса, и его никак нельзя было обойти, а надо было заговорить, и это трудно…

— Пусти!

Мальчик покачал головой. Он улыбался, и это сбивало с толку. Кирис понял, что не сможет его толкнуть.

— Ты кто?

— Я — Тони. Ты должен вернуться.

— Почему должен?

— Там жизнь. — Тони махнул рукой, туда, откуда Кирис прибежал. — А тут — даже не сон. Оцепенение.

— Почему ты мне мешаешь…

Тони широко раскрыл глаза.

— Там жизнь! Я бы вернулся…

Закружилась голова. Всё-таки я устал, подумал Кирис. Ему хотелось злиться, но злиться на Тони он не мог. Тони был похож… на кого-то. На кого-то из другой, ненастоящей жизни ***оттуда***.

— Из-за тебя… Я не добежал.

— Прости. Но я не мог тебя пустить. Их было много… Они ушли и пропали… Растворились. Стали всем ***этим***. Это всё тот человек с Кристаллом. Он живёт ими. Их жизнью. А они исчезают.

— А ты почему не исчез?

Тони как будто растерялся. Кирис заметил его смятение. Неужели, врёт?! Нет, он не может…

Тони сел. И Кирис невольно опустился рядом.

— Наверно… меня кто-то держит. Я не помню. Я мало что помню.

Их плечи соприкоснулись, и Кирис увидел, что земля стала плоской. Горизонты исчезли. Стало тяжело. Будет трудно идти. И ещё Тони…

— Я тебя выведу.

* * *

Ручей стал другим, сильным и шумным. Капала отовсюду вода. Пещера казалась Брэндли живой, будто чрево дракона.

Дракон спал много веков, но теперь что-то растревожило его.

Брэндли замер в двух шагах от камня. Женщина, которая приходит и сидит возле мальчика — что будет с нею, когда пещера останется пустой?

Я попрошу воду рассказать ей. Вода послушается, а я не могу ждать, и оставить его тут нельзя — ручей становится рекою, и даже лицо мальчика изменилось, на нём — тревога, волосы полощут, будто на сильном ветру, и губы силятся что-то сказать.

Она появилась, едва Брэнли попытался приподнять мальчика над водой, усадить.

— Нельзя, — сказала она грустно, но так, словно не удивилась появлению водяника. — Ему нельзя дышать воздухом. Так сказала Она.

— Она?

— Большая Ведьма положила его в этот сон. Тони отравлен. Ему дали яду. Воздух будет убивать его.

— Зачем его отравили? — Брэндли тоже сделалось спокойно и грустно. Как будто он знал всю эту историю, только позабыл. Он сел, держа голову мальчика на коленях. Женщина села тоже — на другом берегу ручья.

— Этот яд изменяет кровь, соединяет её с ветром и небесами. Говорят, люди из-за Океана привезли его с собой. Некоторые из них, приняв этот яд, не умирали, а начинали летать. Тони очень хотел летать…

— Он не знал?

— Он не знал. Он знал только, что снадобье может не подействовать. Одоринус обманул его. Так же, как многих. Давал надежду, говорил, что ищет способных летать. Сперва Тони смотрел в его колдовской кристалл, не знаю, зачем — Тони не успел рассказать… или не захотел. Потом он выпил этот яд, а потом пришёл и сказал, что ничего не получилось. И стал задыхаться. Наш отец позвал Ведьму. А Ведьма сказала, что Одоринус уже забрал кусочек души Тони, а когда Тони умрёт — то весь окажется там, в его ловушке. И она тоже что-то сделала с Тони, так что Одоринус теперь его не получит.

— А вы… его мама?

Женщина улыбнулась.

— Я его сестра. А ты кажешься мне очень знакомым, маленький водяник. Наш отец тоже был водяным… правда, он был не настоящий наш папа — но он нас спас и потом мы его очень полюбили. Он многим казался страшным, только мы его не боялись. Ото всех он требовал, чтобы его звали Гнилень, так забавно… только мы звали его «Бу»…

— Почему? — шепотом спросил водяник.

— Ну, ведь «Гнилень» — это по-человечески звучит не очень-то приятно. А он рассказал нам однажды, что в детстве его звали совсем не так — Бурун. Это потом он велел называть себя древним болотным прозвищем, в память о ком-то из предков. Его мама звала его смешно — Бурунчик. И мы говорили ему: «Бу». Никто кроме меня и Тони не знал, почему. Теперь знаешь и ты… Скажи, наверно, ты мой братик? Ты, наверно, внук Бу, правда?

Брэндли кивнул. Он быстро отвернулся. Шум воды становился сильнее и сильнее.

— Ты Брэндли, я вспомнила! Я слышала о тебе… Река хочет унести Тони, ты будешь с ним, ты позаботишься о нём? Вы отправитесь к Народу Моря, правда? Дай мне знать потом, пожалуйста, братик!

— Да…

Тоника вошла в реку и обхватила одной рукой Тони, другой обняла водяника. Вода смывала слёзы, вода шумела, и можно было ничего не бояться…

— Она торопит вас… Так жалко, что мы не встречались раньше, Брэндли… Я тебя уже люблю, мой братик, до свиданья!

Потом она исчезла за клокочущей, ревущей водой. Подземная река несла их, как безумный горный поток, как ураган, и Брэндли порою переставал понимать, падает ли он сквозь туннели бездны или летит на воздушном корабле. Он крепко-крепко прижимал к себе Тони, но знал, что вода не причинит ему вреда, не разлучит — могучую волю Великой Древней Ведьмы и главы рода Хлюпастых помнила и безупречно стремилась исполнить даже эта дикая стихия…

* * *

Они шли и шли. Бесконечно долго.

— Неужели там меня не хватились? — растерянно проговорил Кирис, остановившись, чтобы вытряхнуть колючку из сандалии. — Мой дядя обещал быть близко. Если… с ним ничего не случилось.

— Здесь время другое. — Тони присел рядом. — Можно… я посмотрю?

— На мой сандаль?! — удивился Кирис. — На, конечно. А зачем?

Тони смутился.

— Ты настоящий. Не такой, как всё здесь. Мне кажется, от тебя расходится тоже настоящее.

— Что расходится?

— Не знаю, как объяснить. Все, кто сюда приходят, вначале как будто обыкновенные. Настоящие. А потом — растворяются, делаются тем, из чего здесь всё состоит. Песком, ветром, небом, травой… Может быть, ещё чем-то, если уходят совсем далеко… но я не знаю. Я бы хотел посмотреть, что там дальше, но сперва меня что-то держало здесь, а теперь — просто боюсь. Знаю, что исчезну. Там… жарко. Там будто огонь. Когда я иду туда, делаюсь тоньше и тоньше, испаряюсь. Сперва было жарко, и я потел, но пить здесь нечего, и постепенно из тебя уходит уже не вода, а будто всё остальное, ты с виду остаёшься прежним, а на самом деле — призрак. Мне кажется… из-за этого я не могу выйти отсюда.

— А как ты всё это чувствуешь? Настоящее.

— Это… Если бы я умел… Ну, вот смотри, вокруг тебя даже трава взаправду, она другая. Пока ты не появился, я даже не мог уколоться колючкой, потому что для меня их нет. И вся трава — она просто трава. Не какие-то травинки, отдельные, разные, одни мягкие, пушистые, другие ломкие, жёсткие, одни с колосками, другие с зонтиками… белые, жёлтые… Я вспомнил всё это сейчас, потому что вокруг тебя трава настоящая. И колючки. А так — она одинаковая. Как ковёр без узора. К ней и не присмотришься. Не за что ухватиться глазами. Просто слово — «трава» — и ничего больше. Так же и всё остальное. И время тут такое. Оно… мелкое-мелкое. Настоящее время — из кусков. В каждом куске что-нибудь случается. Поэтому время движется. А тут не случается ничего, и кусков времени нет, оно как вода. Посидишь один час, а по правде это может быть секунда или сто лет, потому что время ни к чему не привязано. Ничего нет. Пустота — а ней эти слова: «земля», «небо», «воздух», «песок». И я… я остаюсь, пока помню, что я такое, что у меня внутри, в голове. Мои мысли, память. Но это быстро тает, остаётся одно слово, «Тони». Наверно, меня тоже давно бы тут не было, если бы не вы, те, кто приходит… — Тони вдруг вскочил, бросил сандалию. Лицо его сморщилось. — Нельзя! Нельзя! Уходи!

— Ты чего?! Тони…

— Тебе нельзя быть со мной! Я такой же… Я хочу от тебя настоящего. Я… я беру твою силу, так же, как всё здесь. Я будто вампир.

Он побежал. Кирис бросился следом — бежать было трудно, обутая ступня увязала в песке, а босая — она словно летела, отталкиваясь от поверхности. Кирис скинул и вторую сандалию. Тони исчез. Всё было одинаковым. Ни звука.

— Тони! Ты где? Хватит уже… Слышишь, я всё равно не уйду без тебя. У меня не получится. Слышишь? Выходи, Тони!

…Он лежал, скорчившись, за бугорком, наполовину зарывшись в песок. Кирис вытащил его и поднял, очень легко, Тони и вправду был лёгкий.

— Пошли.

Тони замотал головой.

— Тогда я тебя потащу. — Он обхватил Тони, проволок его несколько шагов, и вдруг Тони дёрнулся всем телом, закричал.

— Ты чего?!

— Больно… Я… наверно, запнулся о камень. — Он вздрогнул ещё раз, успокаиваясь, потом встал. — Пусти, я сам. — Улыбнулся. — Это так здорово!

— Сильно больно?

— Да нет… Неожиданно. Я забыл уже, как это. А сейчас всё прошло. Наверно, я правда вампир. Только пью не кровь.

— Заладил! Пошли тогда скорее, чтобы я не стал тоже вампиром.

— Ладно. Кирис!

— Что?

— Ты потерял сандалии. Надень их, а то будет труднее.

…Они шли и шли.

— Ты не вернёшься, пока я с тобой, — вздохнул Тони. — Пока я близко, я отнимаю, тяну тебя назад.

— Ерунда, — буркнул Кирис.

— Нет. Не ерунда. Не получится так просто.

— Если бы мой дядя знал, он помог бы. Я должен… Я должен его позвать.

— Что ты придумал, Кирис?!

— Я… попробую петь.

…На тихой волне отраженье
Прохладной луны в вышине
Качается, шепчет в забвении
Истории дивные мне.

Отныне не будет покоя —
На запад бегу по волнам,
И вечность устало проходит,
И звёздно уснул Океан…

Всё ближе и ближе границы,
Дрожит мотыльками волна,
Мираж, растворяясь, искрится —

Мой Остров из лунного сна.

…— Снег! Снег! Снег летит!

— Бежим! Уже недалеко.

— Мне холодно…

Кирис обернулся — Тони был белый, почти как сам снег, а губы посинели. Снег валил всё гуще. Темнело. Впереди, в темноте маячило окно. Тони не мог идти. Кирис несколько раз хватал его за руку, но ладонь Тони выскальзывала. Кирис не сразу сообразил — она сделалась будто из тумана.

— Господи, ну что нам делать?!

— Ты иди, — прошептал Тони. — Позовёшь на помощь, и потом меня вытащишь.

Он обманывает, понял Кирис. Потом его уже не будет.

Кирис стал стягивать рубашку.

— Что ты делаешь?

— Надевай… И это тоже. И сандалии.

Окно в стене было всё ближе. От него струилось тепло. Кирис подсадил Тони, а тот вдруг упёрся изо всех сил, растопырив локти.

— Чего ты, давай!

— Я не пойду! Я не хочу! Я не настоящий…

— Дурак, лезь скорее! — Кирис, разозлившись, толкнул Тони изо всех сил — а тот завизжал, проваливаясь в жёлтое сияние.

— Я там умру! Я же… у меня нет тела!..

Кирис обмер. Что он наделал! И уже не исправить… Он прыгнул вперёд… и на миг задохнулся тяжёлым воздухом, закружилась голова. Кирис осел на пол, пытаясь ухватиться за что-нибудь — но стены оказались слишком гладкими. Дым благовоний, еле уловимый в самом начале, когда Кирис входил в Кристалл, сейчас дурманил до тошноты. Перед глазами качалось лицо… бесконечное лицо Одоринуса.

* * *

— Я прикажу его схватить! Король мне поверит, подпишет указ, эту тварь нужно казнить немедленно — иначе она ускользнёт. Сколько ещё он будет губить души детей?

— Нет. — Тони невесело улыбнулся. — Одоринуса вы не удержите. Да и не нужно это теперь. Только повредите. Всеми тайнами Кристалла владеет только он. Маги Воздуха готовы отправиться на запад, а без Кристалла им не исполнить

задуманное.

Кирис, не выпускавший руки Тони, удивлённо окинул его взглядом. Тони изменился — он говорил как взрослый, и голос у него стал спокойным и уверенным. Даже патриарх как будто робел перед ним. Странный мальчик в одежде Кириса явился в тот миг, когда огромная седая волчица растворилась в воздухе. И в тот же миг исчезла обсидиановая стена, и патриарху стало не до Тони — он увидел Кириса на полу кельи, увидел склонившегося над ним Одиринуса. Патриарх оттолкнул мага, подхватил мальчика на руки, кликнув стражу…

— И всё-таки я хочу, чтобы Одоринуса оставили в темнице — пусть маги Воздуха и король вместе решают, как быть.

Тони кивнул.

— Кирис, ты хорошо себя чувствуешь? Прислать лекаря или нужно ещё что-нибудь? — Патриарх боялся оставлять мальчика, но дела торопили.

— Всё хорошо… Я побуду тут. С Тони.

Патриарх кивнул и вышел.

…— Ты меня боишься? — тихо спросил Тони.

— Чуть-чуть. Ты какой-то… будто взрослый. Как у тебя получилось стать настоящим?

— Мне помогла ведьма. Она была рядом. За дверью кельи.

— Ведьма?!

— Она… просто возвратила мне то, что взяла. Правда, я сам теперь немножко другой, помню и знаю больше, чем обычный мальчик. Чем тот Тони, которым я был. И пока ещё не понимаю, хорошо это или плохо. Я ещё не привык.

— А ты… ты же останешься с нами, правда? О, я забыл! «Лунная бабочка», я должен тебе рассказать про неё!

— Я теперь знаю про «Лунную Бабочку»… Кирис, ты летишь с ними?

— Ага! Нимо и Альт… Они сказали… Я попрошу, они согласятся, возьмут тебя на корабль.

— Конечно, возьмут. — Тони почему-то засмеялся. — Куда они теперь от меня денутся…

Это было непонятно, но не плохо. Кирис вздохнул — свободно, легко — день распахивался яркий, звонкий, как самые радостные ноты священного гимна.

* * *

Берег был пустой и холодный. Брэндли, видимо, уснул, забылся, вода убаюкала, укачала его, уставшего — но рук он не разжал, так и плыл, обхватив Тони. И не помнил, как подземное течение вынесло его на берег Океана. Очнулся от холода и вскриков чаек, когда давно уже начался день.

Тони лежал рядом. Водяник несколько секунд смотрел бессмысленно, словно вспоминая, что они делают тут и зачем?

Тони не должен дышать воздухом!

Тихо, почти беззвучно поскуливая от обиды на усыпившую его стихию, водяник наклонился к Тони. Лицо мальчика было по-прежнему белым. Тони не дышал.

Брэндли схватил его за руки, собираясь делать с Тони то, что полагается делать с людьми, если пытаешься их оживить… и замер. Спасёт ли Тони «оживляющее дыхание» — или окончательно погубит?

— Да что же делать?!

Чайки кричали, кажется, всё пронзительней. Океан бормотал неразборчивое: «урм-р… урм…» Брэндли положил ладонь на грудь Тони — они была холодная. Значит, всё равно?

— Пошли, — прошептал он. — Океан близко… ждёт.

Он подтащил Тони к воде — и, как будто одобряя его действия, набежала сильная волна, подхватила обоих, и спустя миг они неслись куда-то в зеленоватой, искрящейся толще. Морская вода с непривычки обожгла, опьянила, Брэндли чувствовал себя слишком огромным, ошеломлённым, так что снова на некоторое время забыл о Тони, только не выпустил его ладонь из своей. И едва пожелал взмахнуть рукою, чтобы плыть ещё стремительней, заметил, что влечёт за собой кого-то…

Казалось, Тони летит в глубине так же легко и естественно, как сам водяник. Тони очнулся, ожил! Брэндли метнулся к нему, заглянул в глаза…

Я не смогу его оставить, понял водяник. Не боюсь его неподвижного взгляда. Пусть плывёт со мной вечно, как будто живой — а я буду с ним.

Эта мысль была как клятва, и Брэндли вздрогнул, осознав, что он наделал — но тут же пришло умиротворение. Не страшно. Ничего не страшно. Вокруг — Океан.

* * *

Тьма пришла с запада, накрыла всё небо, и на западе же разгорался пожар — там, где солнце прожигало тучи.

Буря была песней. Огромной, медленной симфонией. Какие-

то темы из неё ведьмучка узнавала, считая своими — как будто это она, Дзынь, напела волнам и ветру. Другие оказались чужими, они пришли из глубины, они нравились ведьмучке, и Дзынь беззвучно подпевала им.

Это она нечаянно созвала бурю! Если Нимо и Альт побоялись выводить «Бабочку» сегодня — виновата только она, но по-другому не могло случиться.

Дзынь замерла на волне, вглядываясь и вслушиваясь. В симфонию бури вплеталась теперь третья тема, невыразимо волшебная, бегущая из таких дивных и дальних просторов, что Дзынь стиснула зубы — захотелось плакать.

Брэндли где-то близко! Вторая мелодия была его. Водяник не умеет петь, у него сипловатый голос — значит, Океан взял мелодию из его движений — водяник на земле чуть неуклюж, и даже в ручьях видна эта его неуверенная угловатость, но за нею прячется другое, невидимый глазам танец — и, значит, Океан сумел уловить и принять… Брэндли было тесно — ему нужен был Океан.

Ведьмучка вдруг захохотала, завертелась, обхватив себя за плечи. Я побегу к нему! Но чья же эта третья мелодия?! Увижу, узнаю…

* * *

— Ветра нет, — прошептал я Нимо — тихо, одними губами. — Абсолютное безветрие. — И эти два «взрослых» слова прозвучали совсем иначе.

Абсолютное беззвучие. Мы теперь могли видеть — и жадно вглядывались в горизонты — и как будто со звуками в мире случилось нечто. Я слышу, как дышит Нимо. Я слышу, как похрустывает канат, поднимающий нас в вышину. Так странно подниматься над землёю не в потоке воздуха, а в скрипучей корзине. Будто мы — два инвалида, разучившихся летать.

Край солнца пробил дымку. Вспыхнули искры. Вспыхнул воздух и горизонты. Вспыхнули и засияли волосы Нимо и наша одежда, лёгкая, точно из пуха летучих семян и осенних странствующих паутинок. На Нимо — золотисто-белая, на мне — белоснежная, как пронизанный солнечным светом облачный край.

Лунная Бабочка парила, пришвартованная к Клыку Трёх Корон — исполинскому утёсу, брату Белого Перста. Клык был мощнее, толще, он упирался в небо в двух верстах от Перста, и между ним и морем лежала Скальная Столица, обнимавшая Перст. А дальше на востоке, теснясь всё гуще и вздымаясь всё

выше, уходили тёмные пики хребта Ящерицы.

Горный хребет был стрелой. Его наконечник указывал на запад.

В одно из мгновений подъёмник поравнялся с Бабочкой. Исчезли все звуки. Солнечное пламя поглотило корабль, и он тоже исчез, и мне казалось — мы ступили в пылающий бело-золотой шар, появившийся из солнца.

Я увидел Троготта — он отделился от тьмы в какой-то нише Клыка, откуда тянулись к Бабочке швартовочные тросы. До последнего мига я не верил, что Троготт остаётся — но он сделал неуловимое движение рукой, и тросы вспыхнули и истлели, не оставив следа, так быстро, словно в них ударила молния.

Захватило дух — мгновенное наваждение, будто тело ничего не весит, будто Бабочка падает вниз — и я вцепился в плечо Нимо, и он повернулся, я увидел его сияющие глаза — а затем пространство всколыхнул удар!

Я бы умер от испуга, если бы мог в этот миг умереть!

Медленно-медленно, как само Солнце, как стрела, пущенная с тетивы в остановившемся времени, Лунная Бабочка двинулась к Персту.

Только теперь я разглядел нишу в толще Перста, а в ней — колокол-исполин. Именно он породил ***удар***.

А затем зазвучала песня! Пел Кирис, стоявший на самой вершине Перста, его фигурка сияла на фоне океана, Кирис раскинул руки, словно летел навстречу, и моё сердце то сжималось, чувствуя, как страшно стоять посреди бесконечности мальчику, не умеющему летать… то взрывалось от пронзительной чистоты его голоса.

И вдруг мальчишек на вершине Перста стало двое! Я вздрогнул, изумлённо потерев глаза, снова повернулся к Нимо — но, кажется, удивился и он. Он еле заметно пожал плечами и улыбнулся.

— Слышишь? Ветер!

Да, на востоке проснулся ветер. Тяжёлый, дремучий, седой — он вздохнул, протянув к нам ладонь — и с неё сорвался нежный, как солнечный зайчик, мальчишка-ветерок. Он обогнал нас, еле заметно подтолкнув Бабочку и взъерошив нам волосы, умчался в океан.

Бабочка поравнялась с Перстом, Нимо подхватил Кириса, а я — незнакомого мальчишку. Глаза его как-то загадочно брызнули на меня искрами света, как будто окатив неприснившимися снами, неподуманными мыслями, испарившейся росой… Я зажмурился — наваждение исчезло. Мы стояли… а потом я взглянул на Кириса, думая, что он продолжает петь — но Кирис

молчал. Еле слышно — и всё-таки громко — звенел усиливающийся ветер в снастях, издалека ему откликался океан — низким, тягучим многозвучием. Это было… Бабочка отвечала океану, как Кирис пел под орган!

…Впереди бушевала гроза.

Ясный, яркий рассвет над нами — и тёмные, клубящиеся тучи за раскинувшим крылья заливом. Где-то там метался ветер, ворочая тяжёлые облачные громады, поднимались и опадали волны. И наша Бабочка неслась прямо в шторм.

Я оглянулся — Нимо, Кирис, Тони — никто не боялся, они смотрели вперёд с радостным ожиданием.

— Нимо, — сказал я. — Шторм…

— Он поёт, — откликнулся Нимо. — Отвечает нам. Он не загораживает дорогу, Аль. Он с нами.

Бабочка вздрогнула. Я снова вспомнил, что она слушается меня. И снова изумился этому. И снова не поверил на миг — и потянулся туда, к шторму, на запад — я всё-таки боялся чуть-чуть… Пусть мы встретимся быстрее!

— Ветер! — засмеялся Тони.

Тугой комок вырвался из ниоткуда, показалось — у меня изнутри — и тут же боднул меня в спину, прокатился по парусам. Что-то крикнул боцман, свистнула его дудка.

Ветер-невидимка, поиграв с кораблём, кинулся вперёд — я видел, как тяжёлый от влаги воздух над заливом расступается, а потом они встретились — клубок грозовых туч и мой ветер.

Бабочка неслась всё быстрее — я, как и в первый свой полёт, не сразу почувствовал скорость. Небо справа и слева внезапно изменило цвет и померкло, волны то придвигались, то падали, но солнце всё так же сияло позади, ещё мгновение — и занавес бури распахнулся, вспыхнул океан.

Бесконечность океана что-то остановила во мне — стихли, ослабли струны, и воздух стал обычным. Тихий ветерок шевелил волосы, Бабочка умиротворённо нежилась всеми парусами.

— Нимо… — Последние часы я бежал куда-то, бежал, не думая о цели, как ветер. — А мы уже летим на острова? Или только пробуем?

Он повернулся к берегу, прищурившись.

— Я тоже не могу понять. Но Бабочка готова.

— А Дзынь? И Брэндли. А как же Ниньо?

— Ниньо не полетит. Он хочет, но ему больно. Вспоминать полёт, ветер. А ещё — он очень слабый, Альт. Башня, построенная Троготтом, хранит Ниньо, однажды он сказал мне, что не проживёт во внешнем мире и дня.

— Значит, мы бросаем его?

— Если найдём Острова, мы вернёмся. Ведь остаются ещё Бродяги. Однажды они полетят с нами, во что бы то ни стало. — Нимо помолчал. — А Дзынь с водяником близко. Этот шторм замутили они.

— Как ты понял?

— Ну, кто ещё, кроме ведьмучки, станет вести такую бешеную мелодию?

…— Дельфины! — крикнул Кирис. — Я их вижу! Я их узнал! Их раньше не встречали у Столицы…

Дельфинов было девять. Я видел их первый раз — стремительные, тёмные, они плыли с запада — удивительно ровным строем, клином.

— Впереди — серебристый… — прошептал Нимо. — И это не дельфин… Аль! — Глаза у Нимо были, наверно, сумасшедшие. — Я сейчас… Я скоро!

Я ещё так не умею. Нимо рванул вверх, кажется, даже не оттолкнувшись — ветер сдёрнул его с палубы и по дуге, как прыгает «блинчик», бросил навстречу дельфинам.

— Алуски! — сказал Тони.

— Что?

— Мальчик впереди — из народа русалок, алуски.

Только теперь я понял. Он плыл не так, как люди, поэтому издали показался мне стремительным и тонким серебристым дельфином. Он не взмахивал руками, а вытянул их вперёд, соединив ладони. Ноги он так же держал прямыми, то сводя их, то чуть раздвигая, словно играл с водою, как мы играем с ветром. У него были странные волосы — пепельно-серебристого цвета; когда он опускал голову, волосы искрились и светлели от воды, а на воздухе делались темнее.

Они вырвались из воды вместе — Нимо и алуски. Морской мальчик забавно сжимал губы — как будто старался не рассмеяться. Зато улыбался Нимо. Он взял меня за руку, и я чуть не задохнулся — такой он был счастливый!

— Это Тим! Мы не виделись… двести лет! Я думал, он стал уже большим и неповоротливым осьминогом!

— А я не захотел! — Теперь засмеялся и Тим. — А ты бы меня и не узнал тогда. Вы, ветряные, такие!

Тим долго и с любопытством разглядывал меня. То улыбался, то снова сжимал губы в своё забавное «а я не засмеюсь!»

Потом он посмотрел на Тони. Вздрогнул и, кажется, охнул еле слышно. Улыбка пропала — совсем. Он тихо сказал:

— Я видел тебя.

Тони кивнул.

— Они далеко?

— Очень близко. Там, — он махнул рукой — налево. — Есть отмели. Они там. Я слышал песню, она меня позвала. А потом увидел ваш корабль и решил сперва встретиться с вами.

* * *

Дождитесь, пока зацветут яблони. Потом просто отправляйтесь в путь.

Она была волком.

Бежать, бежать, бежать…

Сквозь одуряющий яблоневый дух на рассвете.

Если сад не кончится в эту минуту, сил не хватит. Она не вырвется, она сдастся. Она остановится… или упадёт. Она встанет уже другим существом, без горячей пасти, без шерсти на шкуре. Она будет нагою, с тонкой, почти прозрачной кожей, способной чувствовать нежнейшее касание ветерка, солнца, тени, травы. Тончайший нюх пригаснет, мир изменится, её мощные, страшные лапы станут невесомыми и нежными, она встанет на ноги и побежит уже иначе, так, чтобы незагорелых плеч касались ветви яблонь, чтобы цветки их трогали ресницы; она будет улыбаться и запрокидывать лицо к небу, а из груди вырвется не рык и не вой — ясный и звонкий, как колокольчик, голос мальчишки…

Больно. Как больно… Каждый раз.

…Пальцы сжимали чьё-то прохладное плечо. Так сильно, что на коже останутся белые пятна.

Они долго будут видны. У него медленно движется кровь. Очень медленно теплеет плечо. Медленно-медленно просыпается сердце — сейчас оно бьётся странно — будто слушаешь прибой. На самом деле, сердце вообще не работало много лет — кровь бежала в теле мальчишки от магии воды — как луна даёт силу приливам и отливам — кровь была связана с ними, с ритмом океана.

И вот — тук… неуверенно. Первый раз. И через минуту — ещё раз. И словно обрадовавшись: тук-тук-тук…

— Живи… — прошептала пересохшими губами. Обессилено и светло. Отстранилась от теплеющего тела.

Тони, настоящий Тони открыл глаза. Сначала он моргал, хмурился, в глазах металась растерянность, мгновенный испуг — сердце билось неровно, но это быстро прошло.

* * *

Ночь, — и Бабочка тихо летит над океаном. Был знойный день, и мне кажется, до утра не смогу напиться прохладой. Есть счастье, придуманное кем-то из Ветряных — Нимо не знает его имени — это счастье называется «гамак мага». Гамак похож на обычный — сетка, натянутая у бушприта, только она не провисает, а почти ровная. На неё ложишься лицом вниз и смотришь вперёд, на волны и горизонт. Незаметно — для этого не нужно даже воображение — ветер приподнимает тебя над гамаком, и только если прислушаться — очень-очень — где-то на самой границе доступного, кончиками пальцев чувствуешь связь, словно паутинка или нежная щекотка — связь с туго натянутыми верёвками гамака, с кораблём, с деревьями тэллио и пахнущим смолой и травами такелажем. Ты можешь уснуть, и будешь всё так же лететь вместе с кораблём, а если забытье станет слишком глубоким, опустишься на сетку, и можешь спать дальше, или проснуться — как нравится. Неопытные наматывают вокруг запястья верёвку, на случай внезапного шквала. Но Нимо был близко, и русалчик Тим, и ведьмучка Дзынь, и водяник Брэндли, и оба Тони… и я ничего не боялся.

Нимо долго-долго рассказывал Тиму обо всём, что случилось. Их голоса то приближались, то затихали, а я то слушал, то вдруг оказывался ветром, вокруг которого — только шелестящие атласные волны и бархатный небосвод. Звуки растворялись внутри меня, внутри океана и неба, а звёзды делались в два раза ближе. Я тянул к ним ладони — казалось, вот-вот коснусь — и снова опрокидывался с лёгким головокружением в наш мир.

— Аль… — прошептал Нимо. Он был близко-близко. — Я хочу тебе рассказать. Очень важное.

Он прыгнул ко мне на гамак. Непонятная тревожность была в голосе Нимо, в его глазах.

— Когда я стал Ветряным, настоящим… Я однажды задумался: куда деваются те альвэ, которые живут долго-долго? Я ни разу не слышал, чтобы ветряные умирали. Наоборот — многие считали их чуть ли не бессмертными. Но я ни разу не видел альвэ намного старше меня.

…Не бойся, — Он взял мою руку. — Я вовсе не собираюсь исчезать. Но я долго искал ответ… и не хочу, чтобы и ты стал однажды мучиться над этим. Ветряные не пишут книг… ну, или почти не пишут. Они не особенно заботятся, чтобы передать знания, и не потому, что это особый секрет. Просто нам это не очень-то нужно. Почти всему важному мы легко учимся сами — ветер как будто подсказывает. Остальное мы видим и слышим от

старших. Есть две или три книжки. Тоненькие… Они, правда, остались в башне. Но там не много записей, и большая часть из них могла потребоваться только на Островах.

Аль… с тех пор, как ты стал летать… по-настоящему… твои сны — они не изменились сильно?

— Я не знаю… — растерялся я. — По-моему, не очень. А как они могут измениться?

— Ветряные про это мало говорят. Как будто считают, что обсуждать эти изменения нельзя. Боятся? Мне непонятно… почему. У меня всё это было похоже, будто я до конца превращаюсь в ветер. От человеческого не остаётся ничего. Даже мыслей. Везде — только бесконечность. Весь мир — как бесконечная музыка, а я в ней — одна из бесконечных нот. И полёт… тоже бесконечный. Это прекрасно… только плохо, что оттуда трудно возвращаться. Нет ничего, что звало бы обратно. Тот мир… он абсолютный… достаточный. Ему ничего не нужно от нас. Бесконечное движение, полёт — и вместе — бесконечный покой. Изменчивая неизменность. Я думаю… таким мог быть и наш мир до того, как в нём появились огонь и горы, океаны и небеса…

Аль, об этих снах не написано в книгах. Напрямую — не написано. Но… я встречал намёки. Неохотные намёки. Точно, тем, кто это писал, было слишком грустно… или страшно. «Он стал видеть сны». «Он стал ветром». «Он ушёл в грозу». Я думаю, Аль, однажды ветряные становятся всё меньше и меньше привязаны к тому, что в них есть от людей. Они улетают всё дальше. Им уже не нужна стэнция, чтобы видеть — им не требуется человеческое зрение. Они улетают — и засыпают на крыльях ветра, и с ними нет того, кто мог бы их разбудить. А им самим просыпаться уже не нужно. «Его тело стало лёгким и прозрачным, так что он забавлялся, смешиваясь с туманом, пока утренний ветерок не унёс его».

Я не говорил об этом с тобою раньше, потому что у нас всё немного по-другому. Обычно ветряные не связаны с кем-то — у них есть небо и воздух, и этого достаточно. А у меня, Аль, есть ты. И я… буду с тобой, если ты захочешь.

— Нимо, я… Да!

— Я знаю. — Он улыбнулся. — Я хотел ещё сказать про Острова. Тим… он может показать нам дорогу. Он был там не раз. Острова опустились под воду, но подземный огонь не разрушил их. Острова спят. Тим говорит — там, под водой, на небольшой глубине… это очень красиво. И больно… И ещё, он говорит — древние алуски считают, Острова можно поднять. И это даже не очень трудно… для мага Огня. Для великого мага Огня. Алуски

помнят, что Золотые когда-то не раз делали так — правда, тогда это были небольшие островки, или поднимали твердь чуть-чуть. А здесь нужна большая сила, но… это возможно.

— Нимо, ты хочешь, чтобы Троготт…

— Нет. Он не справится. Я почему-то знаю это. Может быть, он слишком давно утратил связь с силой Огня… Да и раньше… По-моему, Троготт не был самым могущественным из Золотых. Может быть… я не уверен, но… иногда я думаю, что Троготт — не маг Огня. Да, это какая-то глубокая тайна. Все способности Троготта, насколько я знаю, как-то связаны с его Кристаллом.

— Но тогда, получается, поднять Острова невозможно?

Он помолчал.

— Аль… Я мог бы их поднять.

* * *

Я проснулся от резкого свиста. Живого. Так свистела бы птица или сурок. Звук был границей сна и яви, отчётливо вспомнить его я не мог. И, как это бывает, желание узнать стало невыносимым. Звук был слишком резким и сильным — если он всё-таки был частью сна, то почему я больше ничего не помню? Если он прозвучал наяву — почему теперь схлопнулась тишина — точно дети в весёлой беготне свалили дорогую вазу…

Это всё фокусы пограничного состояния, обострённого восприятия. Я отвыкаю, постепенно отвыкаю жить в мире звуков и видений, навеянных ветром — то зыбких и многозначных, то ясных, как озарение.

И свист повторился.

Я сел.

— А мы разбудили Нимо, — отчётливо и задумчиво проговорила снаружи Дзынь.

И мне стало радостно.

— Злая ведьма! — проскрежетал я. — Я нашлю на тебя липкий, коричневый туман, в котором живёт морской чёрт Кхырыч — и он сделает из твоих волос сумочку для запасного глаза!

Дзынь завыла от страха. Мальчишки захохотали.

…Альта с ними не было. Я осторожно выскользнул из каюты, пробрался к бушприту. Это утро подарило странную двойственность — я чувствовал себя взрослым. Я знал, что могу пронестись по воздуху и сейчас, точно луч света — но ещё во мне затаилась тяжесть… тяжесть времени или дистанции… не знаю,

как её верней назвать. Я не раз видел такое же в глазах ведьмы, а Троготта она заполняла целиком. Во мне она сгустилась сегодня небольшим тёмным комком, и можно было отторгнуть её, как взрослые сплёвывают слюну, очищая рот.

Первый раз вокруг столько детей, связанных со мною. И я, Нимо, кажусь себе каким-то иным. Наверное, все это ощущают. Между нами будет дистанция… Но ведь и Тим — такой же. И Дзынь со временем обнаружит двойственность в себе. И Аль… И странный двойник Тони… И сам Тони, который спал в ручье много лет. Но сейчас они все — просто дети. Как Кирис…

Альт был в гамаке. Как я и думал. Он как будто спал, но мгновенно повернулся, распахнул на меня глазищи. Я не привыкну. Это как удар. Света, ветра, брызг дождя.

Он молча соскользнул с гамака, обхватил меня, и мы упали… падали долго, я всё ждал касания воды.

— Ты почему не летишь? — шепнул Альт.

— Представляю себя сегодня старым и мудрым… как большущий обомшелый пень, — пошутил я. Альт расцепил руки, и мы заскользили впереди Бабочки, держа друг друга за ладони.

— Они уже проснулись?

— О, да! Кажется, Дзынь учит Тони играть на флейте. Свист у них уже получился.

— А!.. — Он засмеялся. — Я думал, это какая-то птица. Нимо, знаешь…

Он летел, раскинув руки, на фоне блистающей воды тёмной ласточкой. И вдруг рванулся вперёд и вверх, прижал ладони к бёдрам, ушёл выше, выше — в точку — и стал падать.

Я догнал его. Мы едва коснулись волн и полетели так, чтобы они чуть-чуть нас касались — будто ластились.

— Я всё ещё боюсь глубины, — сказал Альт.

— Я много чего боялся. И до сих пор не умею плавать.

— Когда я был маленький… я читал книжку… про птенцов. Которых выталкивают из гнезда. Чтобы учились летать. А детей, я знаю, бросают в воду, чтобы они быстро научились плавать… А ещё — часто лучшие друзья дерутся сначала. Я всегда думал, что это — неправильно. Начинать со страха, с вражды. Не доверять и опасаться. Тут какая-то ошибка. Разве всё самое лучшее не должно начинается с доверия. Маленькие дети верят всему и быстро узнают новое. Мне кажется, нельзя пройти очень глубоко… и высоко, если вначале построить стены вокруг.

— Говорят, — сказал я, — вначале в нашем мире не было вражды. И недоверия. Это началось, когда стало мало особой силы — силы творения или Света. И разумные создания разделились на тех, кто умеет владеть и довольствоваться тем,

что дают стихии — и на тех, кто должен всё время отбирать силу у стихий и драться за неё, не умея использовать доступное. А люди оказались посередине. А потом света осталось ещё меньше… Один пророк у нас на Островах вещал, что наступит время, когда все Ветряные растворятся в воздухе, а всех Золотых пожрёт Огонь. И тогда на земле будут жить только обычные люди.

— Ты думаешь, так и будет?

— Не знаю. Я не верю всяким пророкам. Другое дело, что так вполне может случиться, а может, и нет. Один… человек уговаривал меня… Он считал, что можно и нужно вернуть силу в мир.

— Ты бы смог?

— Иногда… думаю, что смог бы. Но это слишком страшно. Я боюсь… что это может означать конец этого мира.

— А как же Острова? Чтобы их поднять. Ты хочешь взять часть другой силы?

— Ещё не знаю, Аль. Когда мы будем там, я возьму Кристалл. Трогott… обещал, что поможет. Я бы хотел, чтобы ты был рядом — если он обманет или я не справлюсь — ты вернёшь меня.

Альт раскрыл рот — собирался ответить — но в этот момент глухо и грозно зарокотал гром. Изумлённые, мы задрали головы — небо было чистым.

— Это…

— На Бабочке!

…Они стояли по одну сторону громадного барабана. Величиною со стол. Барабан был чёрным, угольно чёрной была даже кожа. А палочки в руках Тони — белые, точно костяные.

— Что это вы затеяли?! — Я совершенно растерялся.

— А что затеяли вы? — Тони-двойник насмешливо смотрел на меня… глазами Ивенн. Я стоял с разинутым ртом.

— Мы хотим вам помочь, — сказала Дзынь.

— Ну… хорошо. — Но я всё ещё ничего не понимал.

Я почти не чувствовал ветра — но он был — во мне, вокруг. Он был громадный и ровный — как будто весь воздух двигался над Океаном единым, цельным пластом. Бабочка застыла в нём, словно в янтаре — хотя это сравнение не очень-то хорошее, насекомые в смоле мертвы, а наша Бабочка только кажется неподвижной, её заворожила мелодия одной ноты, мелодия, к которой мы привыкли и перестали замечать. Такой неподвижной покажется стрела, пущенная в бесконечность.

Мы не чувствовали движения воздуха — но его не чувствовал и Океан. Тим увидел удивление у меня в глазах, прищурился и

сказал:

— Вода и Воздух могут договориться. — И фыркнул, снова превращаясь в мальчишку с серебристой кожей и глазами, меняющими цвет — от изумрудного до бирюзового. — Вовсе не обязательно морю кипеть, как похлёбка в котелке, всякий раз, едва лихач Нимо вздумает пронестись над ним с ветерком!

Я тоже засмеялся. Как давно всё это было. Я просто забыл! Конечно, мы умели так делать, давая воздуху расслоиться — тонкий, не выше человеческого роста слой его был неподвижен, прильнув к поверхности Океана.

— Я и не заметил…

— Пока ты спал. Днём ты будто сдерживаешь ветер, будто боишься… А ночью ты отпустил его. В полную силу. Мне пришлось утихомиривать волны, и ты, наверно, почуял мою возню, а дальше само собой как-то легко всё получилось.

— Значит, Бабочка несётся на запад стрелой?

— Да, Нимо. Мы близко…

…Мы близко. Все хотят мне помочь, все что-то делают. Троготт плетёт свои расчёты, Тим любит то время, когда мы играли у Островов, хочет его возвратить, и он мой друг. Ведьмучка… кто она и чего по-настоящему хочет, я не знаю, но за нас она горло перегрызёт кому угодно. А маленький Кирис опьянён мечтой — песней, полётом, Океаном…

Аль… Нужны ли Острова тебе? Так же сильно. Ты летаешь, ты будешь летать, стоит ли моя давняя цель такого чудовищного риска?

Если я откажусь… Если мы улетим с Алем… Тим поймёт. Мы могли бы подарить Бабочку Кирису и Тони — они не станут настоящими Ветряными, как я или Аль, но водить корабли у них получится. Водяник с ведьмучкой и сами по себе могут путешествовать всласть. А… Бродяги…

Мой Народ. Как странно это произносить. Ветряной маг Нимо и его Народ. Которого я никогда не знал по-настоящему. Отчаянные, грубые, чужие для меня люди. Конечно, они доверились мне и Алю — но только потому, что больше им не за кем идти. Дать Бродягам другого вождя — истинного, вдохновенного, сильного — и они забудут Нимо за неделю. Что им этот «вечный мальчик», который, как и ветер, сегодня здесь, завтра там? Нимо, конечно, не виноват, что погибла их земля, но и спасти он никого не сумел, не справился с взбесившимся ураганом. А самое главное — не понимал он никогда их «взрослых» дел…

…Но я буду честным. Я должен… не ради них. Я просто не

могу отказаться, Золотые перехитрили меня. Я видел Огонь. Я поцеловал Огонь. Я его принял. Я прошёл через Кристалл и оставил там часть себя. Она не отпустит на свободу Нимо…

…Кристалл растопыривал свои лучи, он вдруг показался забавным, вспомнилась сказка о маленьком мальчике, которого злая людоедка хотела посадить в печь — а мальчишка выставлял в стороны локти и колени так широко, что печь его не принимала.

— Ам! Я тебя не боюсь, Троготт. Давай, открывай, где ты там прячешься?

Ладони сделались голубыми в отсветах Кристалла. Только в самой глубине пульсировала, как сердце, алая искра.

Или как маяк.

…Ветер! Он взбесился. Я думал, оглушительный треск — это не выдержал корабль. Но, обернувшись, увидел багровую трещину, вертикальную, бежавшую от основания к вершине Рога. Из неё языком саламандры хищно рванулось пламя, заметалось и опало в Океан широкой, трепещущей лентой лавы.

Над Рогом медленно поднималось облако. Дым? От него удалялись облачка поменьше. Птицы! Как страшно… Почему они ждали так долго, разве не чувствовали надвигающейся беды?!

А куда им лететь? Я, Нимо, не знаю другой земли. Может быть, птицы знают? Маленькие, хрупкие комочки — куда им лететь?

Корабль подо мною дрожит — трепещет Бабочка. На ней убрали все паруса, и я вижу, как боцман напряжённо смотрит вверх — наступили мгновения, когда ни он, ни матросы ничего не смогут сделать для корабля.

Я вижу Аля — он больше не лежит на Гамаке, он распластался на бушприте, обхватив сияющий от солнца брус ногами — а руки вытянул вперёд. Бабочку и ветер влечёт вперёд наша общая воля, я вижу, Алю страшно, но он словно отделил от себя страх, и несётся впереди корабля. Я вижу его глаза — и в какой-то миг он видит меня.

Крошечные искорки влаги блестят на его локтях. Воздух вихрится, уже не поспевает за Бабочкой, Алю в лицо несётся упругий поток. Лёгкие волоски на локтях прилегли к коже…

Я — ветер! Я, Нимо! Я, как безумный, обнимаю Аля, шепчу ему какие-то бессмысленные слова — обрывки давно забытой песенки — и уношусь выше.

Часть 3. Хранитель

Наверное, я всегда знал, что не стану Ветряным. Не помню, как появилось это знание, не помню, был ли я в этот миг потрясён им. Но в осознанной протяжённости времени оно было со мной, и я умел с ним ужиться, как с застарелой, ноющей болью.

Дети на нашей улице были уверены, что я-то как раз и есть будущий маг воздуха. Это странно, потому что, оглядываясь назад, я вижу себя слишком серьёзным, пожалуй, даже угрюмым ребёнком. Но другие, возможно, видели в этой замкнутости уверенность в избранности, а ещё — были и другие признаки, подсказанные детям сплетничающими взрослыми. Главное — у меня никогда не было матери и отца. Воспитывал меня дед.

Это была загадочная личность и значительный человек на Островах. Он занимал какую-то непонятную и неинтересную для меня в то время должность в Совете, владел превосходным особняком на Западном Крыле. Что дед считался влиятельным сановником, мне было понятно и по тому, с каким почтением приветствовали его люди — а он отвечал сдержанно и как будто отстраненно, как будто пребывая в мыслях где-то далеко. Таинственным он был для всех, и для меня особенно — как бы близко я ни наблюдал его.

Временами он пропадал надолго, и тогда я всецело оказывался на попечении древнего полуслепого и полуглухого слуги и его помощника, подростка слишком мечтательного, чтобы хоть сколько-нибудь мне докучать. Впрочем, думаю, я тоже не доставлял им хлопот — склонности к серьёзным проказам и опасным приключениям у меня не отмечалось.

Между мною и миром взрослых как-то само собой устроилось необременительное для обеих сторон согласие — я вел себя в меру благоразумно, и при этом понятия не имел о существовании так называемых «наказаний».

Для меня не было формальных запретов — и это тоже делало меня похожим на юных, беззаботных Ветряных, и каким-то образом сдерживало же в тех немногих авантюрах, на которые я решался. Мне не требовались «плохие» компании и скверные слова, чтобы самоутвердиться, а если я и затевал какой-то эксперимент или дальний поход, то всегда чувствовал некую границу, где следовало остановиться и повернуть назад.

Мне исполнилось десять, и как-то вечером дед позвал меня в свой кабинет, место, как тогда казалось, самое секретное и таинственное в мире.

Дед ошарашил меня первыми же словами:

— Ураз, представитель Золотых в Совете, считает, что ты должен стать магом Огня.

Непонятно почему эти слова вселили в меня ужас. Я не боялся Огня и в то время ещё не задумывался о тайнах Золотых. Может быть, меня так испугало слово «должен» и сама мрачность тона, неотвратимость изменений, внезапно надвинувшихся. Дед внимательно взглянул на меня и повернулся к окну.

— Я не думаю, что он прав. Однако, Золотым не принято возражать без оснований. Наверное, тебе стоит посетить первую Встречу Посвящения — это всего лишь экскурсия по внешним, публичным приделам Храма. Затем… ***ты*** примешь решение. — Дед еле уловимым утяжелением тона подчеркнул слово «ты». — Если… дело Огня не покажется тебе призванием, у меня найдётся способ отмести претензии Ураза на твою судьбу. Однако, всё, что ты узнаешь от меня об этом, будет глубочайшей тайной.

Дед встал. Впервые он смотрел мне в глаза таким цепенящим взглядом.

На несколько дней дом захватила суета. Появлялись и исчезали какие-то люди. Нуг, старик-слуга, выглядел растерянным от забот. Его помощник, юный Тевин с отчаянием дикого зверька норовил забиться в какую-нибудь норку, отсидеться от посторонних и поручений. Дед оказывался тут и там, временами запирался в кабинете. Он был так хмур и озабочен, что я стал его опасаться. Однако скоро эта настороженность прошла.

Дед поступил мудро, не назвав мне точное время посещения Храма. Иначе я бы извёлся от волнений накануне. Однажды рано утром Нуг вошёл ко мне, чтобы разбудить — чего он почти никогда не делал. Нуг принёс новый костюм. Обыкновенно, то, вот что я бывал одет, мало занимало меня, этот костюм я полюбил сразу.

Не помню, чтобы с меня снимали мерку — однако он был точно продолжением меня, совершенно не сковывая движения, он в то же время облегал тело. Я теперь не могу вспомнить его цвет — скорее всего, это был цвет неба, едва прикрытого тонким слоем облаков.

Храм Огня, как я позже узнал, был не более чем местом для собраний, подобных Встрече Посвящения. С неширокой улицы, обвивающей Рог, мы свернули на узенькую дорожку, мощёную плитами, как будто выкрашенными охрой. Храм гнездился довольно высоко на Роге, здания и террасы здесь казались угнетающе пустынными, хотя до самого Острия Рога было ещё

далеко. Дед не пошёл с нами, он прямо сказал мне, что это свидетельствовало бы об излишней опеке. Мне же было всё равно — страх перед неведомым не слабел, но его оттеснила неизъяснимая лёгкость, как будто в эти часы я был больше чем человеком — в мальчишечьем теле оставалась лишь некоторая часть моего существа, оно, это существо, простиралось, захватывая Острова и отражаясь в небе.

Храм Огня окружала невысокая ограда. Её легко мог преодолеть мальчишка моих лет, и это прибавило мне храбрости. Провожатый отворил калитку и отошёл в сторону, сделав приглашающий жест. Когда я оглянулся спустя две или три секунды, провожатый исчез. Я стоял один у ворот Храма и с каждым мгновением всё глубже чувствовал тишину.

Храм был скалой, отростком Рога, его уменьшенной копией. Терраса вкруг Храма расширялась, внутри ограды был разбит парк шагов полтораста в окружности.

Подойдя к Храму, я тщетно искал вход, дверь или хотя бы намёк на неё — арку, окно, щель в скале. Камень был монолитом, и когда я уверился в этом, почувствовал взгляд и повернулся.

— Я тоже искал. Ничего нет.

Это был мальчик моих лет. Я никогда его раньше не видел, и, казалось, он меня тоже. Осознав это, я словно почувствовал удовлетворение. Необыкновенность обстановки и полное неведение сделало ожидание почти сладостным. Настороженности не стало — оттого что в глазах незнакомца я видел то же самое чувство: полную открытость для неведомого.

Только в ту минуту я понял, как тяготило меня знание — знание других обо мне, моё знание об окружающих.

Мы одновременно шагнули навстречу друг другу и побрели по дорожке, опоясывающей Храм. Как оказалось, она не была замкнута в кольцо, а раскручивалась спиралью, но в первые минуты я этого не замечал. Скала понемногу удалялась, деревья и кусты вокруг нас становились всё гуще, мы шли и шли молча.

Минуло много времени. Может быть, час. Я несколько раз вспоминал о том, зачем явился сюда, и удивлялся, задаваясь вопросом, когда же начнётся само действо Встречи Посвящения? И раз за разом отмахивался от беспокойной мысли.

Мы немного говорили о чём-то. Вопросы моего нового приятеля могли бы показаться странными — но мне нравилось на них отвечать, и этого было достаточно. Несколько раз я собирался спросить его, где он живёт, но откладывал, будто опасаясь, что ответ меня расстроит, и только ждал, что первым этот вопрос задаст он.

Внезапно парк перед нами расступился, и мы вышли на ту

дорожку, что вела от калитки к Храму. Выход был в пяти шагах от нас.

Я вдруг испугался, что пропустил все важные церемонии, и дед будет недоволен.

Наверное, я изменился в лице и отступил в сторону — но мальчик внезапно обхватил меня крепко и прошептал — мне почудилось, будто он сказал сразу, одновременно две фразы:

«Ты придёшь ещё? Приходи!..»

«Не приходи сюда больше никогда!»

Я задрожал — такой он был горячий — а он отодвинулся и исчез, шагнув за кусты. Я озирался в страхе — мне показалось, небо наливалось алым, как будто его самой серединой окунули в закат. А прожилки листьев еле заметно светились — по ним струилась, искрясь, огненно-оранжевая кровь.

Со следующей ночи меня стали мучить сны. Начинались они всегда хорошо — я убегал из дома, думая, что наступило утро. Где-нибудь на окраинах Города, в древних развалинах или на дальних пустынных пляжах собиралась наша призрачная компания — трое мальчишек и девчонка. Проснувшись, я не мог вспомнить их имён. Возможно, я и сам назывался там как-то по-другому. Мы не занимались ничем особенным — то бродили, исследуя глухие уголки Острова, то строили домики из всякой всячины, выброшенной прибоем. К концу сна у нас завязывалась какая-нибудь игра, и радость от неё всегда смешивалась с предчувствием неотвратимого финала — над Островом принимался дуть тревожный холодный ветер. Один из мальчиков — он был Ветряным — что-то кричал и взмахивал руками — но ветер не слушался его. Надвигалась стена мрака — она была далеко, но все мы знали, какая неимоверная у неё высота. Девочка, которая, наверное, была алуски, пела Океану, и Океан волновался и жалобно ревел, говоря, что ничего не может поделать. И тогда между небом и Океаном начинали бить молнии, они составляли занавес, преграду неведомой и жуткой силе, однако мы, все четверо, знали, что и Огонь не остановит Тьму.

Я мучился от беспомощности, мучился не только потому, что вся земля и мои друзья, и сам я вот-вот буду уничтожен — но ещё я чувствовал, что они, мои спутники, уже сделали всё возможное, всё, что было в их силах — и с невысказанной надеждой ждали чего-то от меня. Я поворачивался к ним, но не успевал получить подсказку — полог Огня разрывался, и то, что обрушивалось на мир, каждый раз заставляло умирать от страха и просыпаться со сдавленным скулением.

Я не решался рассказать о снах деду, подозревая, что их тайна — слишком серьёзна, сны были одновременно и мукой, и даром. Однако дед скоро догадался — обо всём или о достаточно многом. Он прикоснулся ко мне — что делал редко — и тихо сказал:

— Значит, правда… Терпи ещё неделю, выдержишь?

Я кивнул. И с этого дня дед посвятил меня в грандиозный замысел, тайну, самое значительное событие на Островах, быть может, за последние несколько сотен лет.

Сны, неотличимые от яви. Явь, смешавшаяся со сном…

На рассвете, когда сознание начинает пробуждаться, образуются самые странные миры, сотканные из наплывающих друг на друга пространств — памяти и сна. Дирижирующий симфонией, не делает никаких устремлений к тому, чтобы смешение оказалось убедительным — оно всё равно будет таким — в мгновения пробуждения, растянутые во вселенные иной жизни, мы подобны детям, верящим всему сильному и яркому.

Я мог бы считать это путешествие сном. Чтобы найти причины, по которым оно должно быть чем-то большим или меньшим — нужны усилия. Я не вижу смысла.

На Островах не знали об экспедиции. Корабли поднимались в разное время и с разных стоянок. Мы, как это обычно делается, прибыли на «Ласточку» перед рассветом, а едва край солнца поднялся над Океаном, затрепетал ветер, и «Ласточка» неслышно скользнула в белизну.

«Ласточка» была большим кораблём, возможно, самым большим на Островах. Мне она представлялась отдельным островом, городом деревянных площадей-палуб, верёвочных арок и мостов, мачт-башен, в которых затаились облака-паруса.

«Ласточка» направлялась точно на восток. Восходящее солнце виделось огромным, и я не сомневался в том, что если мы сможем лететь быстро и успеем приблизиться к светилу раньше, чем оно превратится в обычное, доброе солнце Островов, мы будем поглощены вратами белого сияния, оказавшись перед ними ничтожными точками — и почему-то осознание этого вызывало во мне не ужас, а восторг.

Я, наконец, нашёл силы оторвать взгляд от солнца и повернулся назад, к Островам. Несколько секунд радужная тьма колыхала перед глазами свои занавесы, и я едва не закричал — а потом, почему-то внезапно, зрение вернулось.

Какой-то миг я думал, будто Острова тонут. Скалы поднимали распяленные вершины в немом крике, белое сияние

волн создавало иллюзию дрожания — а затем откуда-то изнутри мира вывернулся глухой гром, будто лопнуло что-то в утробе. Картинка обрела чёткость, и гордые пики Островов прощально впечатались в небо.

Я решил, что звук мне почудился — он действительно был потусторонним. Но он повторился, и я повернулся и побрёл к нему, точно меня тянули.

Я видел, как матросы в страхе отступали куда-то, сливаясь с кораблём. На баке стоял как будто большой треножник с закопченным котлом. Кто-то невероятно гибкий и тонкий выметнул руку с «поварёшкой» — и снова по кораблю разошёлся гул и стон удара.

— Что это?.. — прошептал я, не рассчитывая услышать ответ — палубы были пусты.

— Молот Грома. Древний барабан… Его назвали так в честь другого древнего творения — корабля Тогородора… Или, возможно, наоборот…

Дед сжал мне плечо до боли — но мне нравилась эта боль — она помогала оставаться в этом мире — какую-то секунду я верил, что с очередным ударом Молота меня разорвало бы на части.

— Я давно желал услышать этот звук, — произнёс дед. — Но на Островах нельзя было и помыслить…

Дед умолк, как будто дыхание перехватило. Я беспокойно посмотрел на него, потом окинул взглядом «Ласточку». Огромный корабль, свободный и лёгкий, сейчас, в моём восприятии превратился в стрелу — ни ветер, никакая иная преграда не имели бы значения, воздушная душа корабля стала волей, собранной и неостановимой.

— А как же два других корабля?

— Они последуют за нами, с обычной скоростью.

Настал день, когда мы увидели землю.

Люди замирали на палубах — бесконечная твердь грозила замкнуть Океан. Океан больше не был основой вселенной.

Солнце падало в закат. «Ласточка» замедлила полёт, и два других корабля чёрными альбатросами повисли позади, справа и слева. На востоке, растекаясь по-над горизонтом тяжестью воспалённой памяти, висели над материком тучи. Их края были подсвечены солнцем, а глубь дымилась тьмой. Из корневищ материка вырастали горы — чужие, совершенно не такие, как на Островах, чудовищно тяжёлые, дремучие, неохватные. Они были впереди, они громоздились на Севере, они тянулись на юг. Иные золотились гаснущим закатом, иные уже были непроницаемо

черны и скрывали у себя в глубинах какую-то недоступную жизнь.

— Ложимся на океан, — негромко промолвил дед. Капитан «Ласточки» кивнул и отдал указания боцману. Я почувствовал, как спала волна изумления, охватившего команду — люди возвратились к привычным обязанностям.

Тихо, под нитями сумеречного тумана корабли вошли в узкий залив.

Гулко отдавались звуки — спускали шлюпки, матросы бросали тюки, шлёпали волны о борта. И почти не было слов — короткие, негромкие команды. Океан позади незнакомо дышал — никто из нас не знал его таким, чужие звуки текли отовсюду, как будто в другой земле он говорил с берегами на другом языке.

Для нас с дедом бросили трап.

Сухой, пергаментоликий человек с другого корабля подошёл к деду. С ним был мальчик — я понял, что это Ветряной. Маг Воздуха зябко кутался в голубой плащ. Глаза его чуть расширились, когда он увидел меня, и я его узнал. Узнал не лицо и не взгляд. Что-то поднялось во мне внутри, словно прилив поднял над берегом и перенёс в другой мир.

Пергаментоликий был магом Огня. Он смотрел на деда, говорил о чём-то с дедом, но я знал, что он тоже видит только меня. Второй мальчик из моего странного сна.

Значит, есть и она, девочка-алуски.

И я, сбросив оцепенение, вертел головой. Но больше к нам никто не подошёл. А маги ничем не показали, что знают меня.

Ночь будоражила шорохами, шёпотами, холодным ветром, который пах чем-то острым — наверно, такой запах получался от здешних водорослей и птичьих гнездовий на скалах.

Я не мог уснуть. Деда не было в шатре, и я побрёл по лагерю.

Молот Грома, жуткую, чёрную глыбу уже спустили на берег. Восемь дюжих матросов как раз умостили барабан на деревянную платформу на колёсах.

Дед неслышно подошёл сзади.

— Идём.

Положил руку на плечо, подтолкнул. Мы взбирались по осыпям и остановились, когда лагерь с людьми оказался далеко внизу.

— Ты думал о том, зачем мы прилетели на эту землю?

Я растерянно пожал плечами. Вопрос, наверно, был с подвохом — разве недостаточно простой и очевидной цели — открыть новые земли? Раз дед спрашивает об этом, значит,

недостаточно. Даже в те годы я понимал — дед не ждёт от меня повторения очевидного.

— Я думал, но…

Он кивнул.

— Я обманул тебя, Ми. Первый и, надеюсь, последний раз. И я сам не понимаю, что заставило тогда вырваться эту ложь. Она такая же древняя, возможно, как Острова… Её произносили для меня, и когда пришло твоё время — она так же поднялась из глубины… Ты видел мальчика в Храме Кристалла?

— Храме Кристалла?

— Да, к магам Огня то место не имеет отношения… Но на Островах никогда не говорили вслух об истинном предназначении Храма. Принято считать, что этим Храмом владеют Золотые, наверное, просто потому, что от Золотых держатся на расстоянии, считая их магию слишком опасной. На самом деле, и Золотые зависят от Хранителей Кристалла… или Хранителя — даже мне неизвестно, один он или их несколько?

Кристалл создан тысячелетия назад, одни считают, что самим Тримиром, другие — магом с материка, Тионатом. Что он такое, этот Кристалл — нам до сих пор в точности не известно. Сначала он был един. Кое-кто думает, будто Кристалл — это копия мира, его отражение в прозрачном камне. Когда Кристалл создали, он был пустым. Говорят, там была такая же пустота, какою был наш мир, перед тем, как его сотворили… Тебе что-нибудь понятно, Ми?

— Что-нибудь… — прошептал я. — Но я хочу слушать!

— Так правильно. — Дед кивнул. — Потом разберёшься. Слова будут приходить к тебе, и картинка вырастет, как коралл, из крошечного зародыша…

Зачем создали Кристалл? Может быть, его создатель пожелал сотворить для себя свою собственную вселенную, в которой он был бы богом. Может быть, Кристалл родился случайно, из замысла построить не вселенную, но сознание. А возможно, это был просто инструмент для управления силами стихий… Так или иначе — он есть сейчас и то, и другое, и третье. Точнее, был бы…

— С ним что-то случилось?

— Изначальный, единый Кристалл разъединили. Я не знаю, как это было сделано. Кое-кто считает, что Кристалл разделился сам, когда так пожелали те, кто был внутри. Сейчас существует несколько его частей. Впрочем, некоторые считают, что Кристалл по-прежнему един, ведь части на самом деле едины для тех, кто внутри. Они разъединены для нас, обитателей этого мира.

Маги стихий, Ми, появились благодаря Кристаллу. Только через Кристалл Золотые могут управлять Огнём — прямой

контакт уничтожит их сознание в один миг. Магов Воды у нас нет, потому что едва алуски обрели свои новые тела, тела, пригодные для жизни в Океане, они ушли от нас, они живут сами по себе, лишь изредка являясь к нам, как дружественный, но иной народ. Кристалл сотворил и магов Воздуха, алвэ. Только мы, служители Кристалла, знаем, как происходит это действо. Во-первых, у ребёнка должны быть хорошо проявлены наследственные качества мага. Для Золотых лучше всего подходит простой перебор, и все сколько-нибудь подходящие кандидаты проходят проверку Кристаллом. Для алвэ сохранить их свойства оказалось сложнее. Они передаются по наследству, но чрезвычайно капризны. Истинным алвэ может стать только ребёнок самого алвэ, но сложность в том, что алвэ не должны взрослеть, иначе они перестанут быть едиными с Воздухом. Алвэ не должны даже знать о том, что у них есть дети. Они не должны быть привязаны к земному, Ми.

— А есть маги Земли?

— Их нет. Я не знаю, почему. Я вообще не знаю, что такое — магия Земли. Записей о ней нет в наших книгах. Некоторые из нас считали, что так захотели древние карлики, изначальные обитатели тверди. Другие полагали, будто такой стихии, как Твердь, не существует вовсе, что земля — это не стихия, это инертная субстанция. Я читал даже такие предположения, что существует лишь одна стихия — Свет. Твердь, огонь, воздух и вода — это не стихии, а всего лишь формы, способ существования изначальной Силы. А поскольку твердь — самая инертная, самая невосприимчивая форма материи, то наполнять её Силой постоянно не имеет смысла.

Слова деда, каждое понятное в отдельности, слились в конце концов в ровный рокот-шум. Далёкий голос прибоя, чуть ближе — валы, мерные волны слов…

Я честно старался собраться и вникнуть. Но уже не мог. Я боялся, что дед спросит о чём-то — а я отвечу невпопад. И я решился прервать деда, спросив о том, что успел понять:

— Значит, всех магов сделал Кристалл?

— Да, Ми. Это — суть. Ты, видно, уже устал, но терпеливо слушаешь. И я скоро закончу. Самая главная тайна — это тайна, доступная только нам, Хранителям. Только мы знаем, как были созданы первые маги стихий. Подробно это действо не описано, но суть такова: четверо из тщательно отобранных кандидатов «вошли» в Кристалл. В то время Кристалл был почти пустым, податливым миром — и первые маги имели над ним почти абсолютную власть. Власть, которая исчерпывалась лишь силой их воли и воображением. Их собственным внутренним миром, их

сознанием. Из Ничто они творили Нечто.

Затем Кристалл разъединился. Замысел его создателя в изначальном виде не удался. Мир Кристалла был нестабилен, он существовал столько, сколько его питали разумы вошедших в Кристалл людей. Но эти люди не могли жить вечно. Их тела старели, а когда они умирали здесь — их души постепенно таяли и в Кристалле. Зато создатель Кристалла обнаружил важное свойство — тот, кто побывал внутри, необратимо изменялся. Часть сознания оставалась там, в Кристалле. И если человек этот был слаб — Кристалл растворял эту часть в себе, а сам человек, лишившийся какой-то важной части своего «я» — погибал.

Но были и те, кому Кристалл, наоборот, давал силу. Внутри Кристалла, где сознание обретало власть над стихией, человек учился быть божеством. И когда он покидал Кристалл — эта способность отчасти оставалась с ним. Отчасти — потому что стихии нашего мира менее податливы. Маги Тверди так и не смогли управлять своей «стихией». Маги Воды — я сказал уже о них. Маги Огня хотя и получили власть над этой основой — но далеко не полную. Великий Огонь, всепожирающее пламя глубин так и не далось воле. Они мечтают о власти, они раз за разом предпринимают опасные попытки. Самые рискованные прикосновения к Огню возможны только тогда, когда маг частично находится в Кристалле. Это невероятно сложно — держать своё сознание тут и там, контролируя чудовищную мощь. Многие, очень многие погибают.

С магами Воздуха всё несколько проще. Ребёнку, предназначенному стать магом, достаточно лишь один раз увидеть, услышать Ветер, войти в него, дать унести себя в Кристалле.

Пока мы не вывели расу Ветряных, эти опыты, однако, тоже кончались неудачно. Дети, обретшие власть над Воздухом, быстро растворялись в стихии — они сами становились ветрами. И даже истинные маги Воздуха постепенно перестают быть телесными существами. Они уходят в сны и видения ветров. Они слышат ветром, видят ветром, чувствуют…

А теперь главное и последнее, Ми. Чтобы мир внутри Кристалла продолжал существовать, его необходимо питать. Маги, проходя через Кристалл, оказываются лишь гостями. Кристаллу нужны те, чьим разумом, памятью он будет полон. Их должно быть много. Это должны быть создания, полные воли к жизни, воображения, света. Чем больше их будет, тем сильнее станет мир Кристалла. И однажды случится так, что найдётся избранный, Некто, кто, войдя в Кристалл, обретёт над ним ***полную власть*** — и обретёт власть над ***этим*** миром!

Дед замолчал. Он молчал долго. Его голос ещё гудел во мне так, как будто кто-то ударил в большой гонг.

— На Островах мы не можем этого добиться. Во-первых, если мы потребуем больше детей для Кристалла, люди просто взбунтуются. Во-вторых, народ Островов, давший нам магов Воды, Огня и Воздуха оказались неспособны дать того, единственного…

Наш Орден, Ми, Орден Хранителей решил предпринять эту экспедицию на материк, землю, о которой мы почти ничего не знали. Вернее — забыли. Землю, существовавшую только в легендах, потому что когда-то давным-давно мы посчитали нужным отстраниться. А тебе, Ми, выпала судьба стать главным Хранителем. Кристалл, чью суть или душу ты видел там, в Храме — выбрал тебя. Ты оказался самым восприимчивым и, одновременно, устойчивым.

И мне сделалось страшно. Я знал, что это — неизбежность. И в голосе моём не было протеста:

— Значит, мне нужно уйти туда, в Кристалл?

Дед неожиданно засмеялся. Я почти не знал его смеха — и замер, растерялся.

— Нет, Ми, не бойся. Ты — хороший Хранитель… точнее, будешь им. Ты будешь самым лучшим из Хранителей за много веков. Так полагаем мы, так определил Кристалл. Однако, от Хранителя не требуется уходить внутрь того мира. Мы надеемся на иное. Ты дашь начало другому существу. Тому, кто соединит мощь всех стихий. Тому, кто оседлает Дракона. Наезднику…

* * *

Уже начинался вечер. Он подступал медленно, таяло небо над редколесьем, в распадке между грядами холмов неподвижный воздух пах пряной октябрьской листвой, свежей сыростью, грибами, крепким грушевым взваром — а порою набегала волна миндального аромата — от старых яблоневых деревьев.

Уже, казалось, наступили сумерки, всё стало серым — и вдруг лес вспыхнул, засиял золотом. Светилась листва — на ветвях, на траве, медовая, рдяная, бордовая; светилась трава — ещё почти по-летнему свежая, налившаяся соком и зеленью от осенних дождей. Как за распахнутыми дверями залов-сокровищниц горели рубинами ветки калины, гнущиеся от тяжести гроздей.

Ивен сам не помнил, как шёл. Ноги ступали мягко. Он как будто плыл над травой, ветки раздвигались, тихо шурша

коготками о куртку, прохладно, чуть влажно трогали разгорячённые щёки.

Гроздь калины закачалась у самого лица. Ивен вытянулся на носочках, расставив руки, взял губами несколько ягодок. В середине октября калина ещё не совсем поспела, самая вкусной она будет после первых морозов, когда горечь уже почти растворится в странном, чуть кисловатом вкусе — как будто сама память о лете. Уже совсем не летняя, ничего похожего в ней нет ни на душистую сладость земляники, ни на медовое, горячее дыхание июньских трав.

Ивен давно проглотил и кровяной сок, и кисловатую кожицу — а косточки всё держал на языке, посасывая. И всё касался ладонями то гладких, то шершавых, то обомшелых стволов — словно надеялся, что продолжится чудо, и деревья потеплеют, оживут, солнечный свет окажется по-настоящему горячим…

А на небе, опомнившись, захлопнули закатное окно. Лес в распадке погас. Стало почти темно. Ивен заторопился, зашагал, расталкивая глухие сумерки. Всего ничего времени прошло, косточки калины ещё кислили язык — а из оврагов надвигался туман, сделались ночными звуки, идти пришлось уже почти наугад.

Заблудиться Ивен не боялся. Хотелось выбраться из зарослей до темноты.

На самом краю заросших ивняком луков Ивен как будто толкнуло, как ветряной клубок в сумеречной тишине налетел, страхом обдало, погорячело в голове и упало к ногам — волки! Ивен видел только мелькнувшую тень — и она, может быть, померещилась. Почему подумал на волков, зачем бы им тут появиться, вблизи от людского жилья? Никто никогда их тут не видел, только лисы подбегают к самым дворам.

А кто ещё такой большой и быстрой тенью?..

Привиделось. Или бешеный. Но такой бы наверно напал.

А сердце всё колотилось. Ивен шагал и шагал.

Дома ждал его чужой. Человек, стоять к нему близко Ивен не мог — как будто начинали ныть зубы. И сделалось внутри пусто и тоскливо.

Отчим встал.

Я не должен был возвращаться, подумал Ивен. Солнце недаром так тянуло. Уйти бы сразу. Но я не знал.

— Долго шлялся, — сказал отчим. — Иди, собирайся, утром едешь с господином Оро.

Господин Оро закрыл и открыл глаза.

— Вещей брать не нужно, — бесцветно произнёс он. —

Поедем быстро налегке.

Ивен едва не крикнул, что никуда не поедет. Успел сжать зубы. Только отчим, наверно, догадался.

— Иди. Не вздумай дурить.

В своей комнате Ивен первым делом выглянул из окна. Оно выходило в сад, мама нарочно так выбрала комнату… Но сейчас в трёх шагах от окна в саду расположился незнакомый человек, наверно, спутник Оро, в куртке из многослойной, прочной кожи, какие носили солдаты.

Знали, понял Ивен. А лошадь этого вонючего ублюдка потоптала все мои кусты…

Мама, зачем ты взяла к нам в дом этого урода?!

Так приказал король, мой Ивушка… Но ты потерпи совсем немного, я с ним договорюсь. Им ведь всего и нужно, чтобы род Сочинителей не прерывался. А ты один у меня оказался, Ивка моя…

А если не договоришься? Мам…

Тогда…

Она вдруг стала другой. Страшной. Ивен не боялся её даже такой — зато дух захватывало.

Тогда, Ивка, он умрёт.

Может, он подслушал? Нет, он точно был далеко. Он просто знал давно. Догадывался. Пока была жива мама, он был никем в этом доме. Временный муж для мамы, избранный королём.

Ивен знал, что у мамы всё должно было пройти хорошо. Врач, королевский, добрый и честный — Ивен видел его глаза до самого дна — сказал, что сестричка лежит идеально, а мама здорова. Он бы и не пытался соврать — королевскому врачу положено знать, что Сочинителям нельзя врать. Даже мама не утаивала от Ивен ничего и никогда.

Когда она умерла, королевский врач был с нею. Ивен знал, что врач не виноват. Если бы у Ивен были доказательства, что смерть подстроил отчим…

— Никаких ядов. Никаких повреждений, — тихо сказал врач. — Кровь просто не желала останавливаться. Так бывает. Я принимал тебя, и всё проходило хорошо. Но теперь…

Сестрица оказалась живой и здоровой. Через неделю её увезли в столицу — так распорядился король.

Если бы Ивен очень сильно захотел, он тоже мог бы уехать. Но в то время отчим казался бледной тенью, а Ивен знал, что человек, не принадлежавший роду Сочинителей, теперь, после смерти мамы, здесь должен подчиняться только ему, наследнику. Он передал с врачом письмо в королевскую канцелярию, чтобы

там подтвердили его, Ивен, исключительные права на замок и землю.

Что он задумал? Он ведь знает, что если и со мною тоже что-нибудь случится, король не станет собирать доказательства — отчима просто казнят. Значит, моё наследство тут ни при чём.

Всё дело в этом человеке, Оро. Он не от короля. И он нашёл, что предложить отчиму — такое, что королевский гнев уже не имеет значения.

Из моего окна не убежать. Но есть комната мамы. То окно, наверно, тоже охраняют. А в маминой комнате за ковром есть дверка. Вряд ли мама сказала отчиму про эту дверь…

…— Мальчик наверняка попытается убежать, — сказал Оро. — Мы его напугали. Надо было всё рассказать.

— Он упрямый, как баран. Ему надо сказать, что вы — от короля, и дело с концом. Этот болван думает, будто я хочу присвоить его драгоценный замок, и ждёт письмо от канцлера.

— Солгать Сочинителю я, конечно, сумею. Но не хочу. В столице знают о его подозрениях?

— Нет, конечно. Его писульку я подменил нейтральной верноподданнической белибердой.

— Надо было мне раньше посмотреть на этого мальчика. Возможно, мы избежали бы интриг и жертв… А теперь он озлоблен. Но Ивен мне нравится. В нём особенная сила.

— Сила… Этот Ивен — просто баба. В свои двенадцать — всё нюхает цветочки и целуется с травкой. Даже верхом ездить толком не научился. О том, чтобы меч в руках держать, я и не говорю.

— А твоё раздражение происходит от страха перед ним, Сип.

— Ты…

— Сядь.

— Не знаю, чего вы там задумали… А только Ивен ваш… он даже не настоящий пацан, чтоб ты знал!

— Я-то знаю. — Оро странно и тяжело посмотрел на Сипа.

— Нечего дырявить меня глазами! Я ничего такого не делал…

— Очень на это надеюсь, Сип. Очень. Потому что мы умеем устраивать смерть человека такой страшной и долгой, какой даже ваши священники не в состоянии придумать.

Оро положил ладонь на стол.

— Что-то горит? — Сип опустил взгляд — рука гостя была чёрной. Потом она покрылась тонкими трещинками, сквозь которые просвечивал жар. Столешница под нею обугливалась и таяла.

…Если бы он знал, куда бежать! Золотой свет среди деревьев — как будто приглашение. Знак. Или прощание?

Мне некуда идти.

Тьма была почти абсолютной. Из замка Ивен выбрался на удивление легко, два силуэта в саду не шелохнулись, крохотная калитка распахнулась без звука. А дальше… Куда дальше?

Столица далеко, его сто раз догонят. Нечего и думать сейчас о ней. Попытаться спрятаться в лесу. Вырыть пещерку в склоне оврага…

Безветрие и тишина. Не кричат птицы. Даже в деревне за лугом молчат собаки. Если бы я знал людей, я попробовал бы укрыться в деревне. Но я их не знаю. Я их не люблю. Они выдадут меня отчиму — чтобы угодить тому, кто сейчас сильнее.

По земле потёк туман. Как плотная паутина, подумал Ивен. Жутко ступать, когда не знаешь, что под ним. Сейчас туман поднялся до щиколоток, но подрагивал и вспухал, как живой. Как тесто — а я в нём начинка.

Тишина треснула — вдалеке каркнул крик. Команда. Хватились. Но я уже далеко… Почему они так кричат — разве опытные ловцы не стараются делать всё как можно тише?

Уверены, что не уйдёшь далеко, будто прошептал кто-то. Чтобы знал, что охота началась. Чтобы страх догнал и сделал половину дела.

Ивен вдруг сразу и очень сильно стало холодно.

Они меня не найдут. Чтобы прочесать окрестности, нужны люди, много. У меня почти вся ночь впереди.

Они пустят по следу волков, шелестел туман. Золотому Оро послушны два чёрных волка. Ива… Ива, позволь, я съем их!

Съешь их! Съешь их всех — и людей! Особенно — людей!

Я не могу съесть человека с Огненным Мечом, Ива… Он сушит меня, жалит…

Спрятаться. Куда спрятаться?! Холодно…

Чёрная тень. Огромная волчица вынырнула первой. Она встала напротив Ивен, а тот прижался спиною к вязу. Туман доходил Ивен до груди. Из тумана поднималась голова волчицы. Чёрные зрачки её помутнели. Она упала, и снова поднялась. И шагнула ближе. Ткнулась огромной, тяжёлой, как земля, мордой Ивен в бок. Она была горячей.

Ивен потерял сознание — не от страха, исчезла сила, державшая его. Взамен пришло тепло, надёжное тепло зверя.

Прохладные и мокрые ветки хлестнули по щекам. А Ивен думал, что спит. Он лежал на спине Волчицы, стискивая в горсти её густую шерсть. Пахло влажным лесом и кровью. Она убила.

Она защищала меня. Куда теперь она уносит меня?

Пошёл дождь. Ровный шум воды отдалил все иные звуки — и скоро их не стало. Ивен промок насквозь. Глубоко внутри заворочался озноб, застучала в висках боль. Тепло зверя не спасало. Внизу, под лапами хлюпала вода. Ивен решил, что это дождь лил так долго, но в нос ударил запах гнилой воды и прели. Болото.

Волчица выбралась на небольшой холмик. И вдруг упала. Ивен разжал пальцы… нет, не смог — они не слушались. Со второго раза. Я сейчас умру… только бы не так холодно…

Туман, укрывавший болото, стал опадать. Утих и дождь, небо оставалось пасмурным, но лунный свет как будто обманул тучи и пропитал туман. Теперь чуть сияющее паутинное покрывало совершенно истончилось, и сквозь него повсюду виднелись кусты, клочки болотной травы, кочки. Всё было неподвижным — и когда серебристый холмик чуть приподнялся — невысокий, Ивен до плеча — Ивен решил, что это Волчицу причудливым коконом облепил туман…

* * *

Просыпаясь, я думал, что умираю.

Мы летели в какую-то запредельную вышину, и вокруг звучали голоса, а потом они все угасли, осталась одна, дрожащая нота. Я опомнился и посмотрел вниз. Стало невыносимо страшно — но я не боялся, что упаду. Просто земли не было. Я не знал, что пустота неба — это так страшно. Страшнее, чем падать. А Нимо летел и летел вверх. Я хотел в него вцепиться и задержать — но это было всё равно как взобраться по отвесной ледяной стене. Я кричал ему, но он не слышал.

Нимо больше нет! — пела голубая пустота. Он — мой. Он вернулся в бесконечность!

И я стал умирать от боли, искать землю. Я вдруг представил, как вернусь, и станет всё, как раньше, только Нимо не вернётся. И надо выбирать. И я подумал, что земли всё равно уже нет. Но она была.

Я вспоминал, что лежу на палубе «Бабочки» и должен очнуться. Очнуться, чтобы спасти Нимо. Только я не верил, что у меня получится. Уже было всё равно, и я хотел снова в ту бесконечность, где всё синее и ничего нет.

Я слышал, как меня звали. Дзынь звала и Тим, и Брэндли, и Тони… Но они обойдутся без меня…

— Альт, — сказал псих из Города, который чуть не отобрал у

меня летучку. — Очнись. Фу! Да он уср… Снимайте с него штаны!

— Ты дурак! Дурак!!! Дурак…

И бесконечность неохотно рвалась, выпуская.

— Вы видели его? — Они не понимали. — Троготта?

Они молча качали головами, не понимая. Но Троготт мог быть среди матросов. Его тут толком никто не знает, кроме меня и Нимо…

— Альт, — сказал Тим. — Под нами Острова. Останови корабль. Зови Нимо.

Как?!..

— Стена, — сказал Тони. — Стена.

Он встал передо мной, так что я видел только его глаза, синие и бесконечные. Я вспомнил бесконечность и пустоту, и в панике повернулся. «Бабочка» стала заваливаться набок, затрещали мачты, что-то большой белой птицей метнулось влево. Я вцепился в Тони, задрал голову вверх — мачты были свободны и чисты — только один парус ветер вырвал для себя. Я смотрел, как уносится в пустоту клочок парусины, и как будто песня зазвучала — нота стала кружиться, превращаясь в музыку — по кругу, изменяя тон и добавляя то, что уже было…

— Это фуга, — засмеялся Кирис. — Вот так!

Он запел без слов, точно флейта или звонкие регистры органа, никогда не думал, что человек может так делать, но, кажется, Кирис и сам не понимал, как у него это получается — глаза у него были удивлённые. Я видел, как он поёт, и в это же время смотрел на ветер, который сворачивался в кольцо и поднимался выше, поднимая за собой сверкающий водяной столб.

— Ах-хэй! — крикнула Дзынь. — Брэни, прыгай!

И сиганула за борт, на край несущейся волны. Меня что-то скомкало: или страх, или восторг, непонятно, сдавило, и ветряной жгут стал плотнее, быстрее, сильнее… И вдруг я увидел Брэндли — уже на другом краю воронки. Он был далеко, но глаза водяника я видел — такие же сумасшедшие и радостные — ужас перед бесконечной мощью преодолён, и открылся восторг слияния и всемогущества.

Они раскинули руки, и между ладонями у них были ветер и вода. Танец. У них был танец.

Воронка распахивалась шире, и в какой-то миг «Бабочка» оказалась внутри, она летела на границе ветра и воды свободно и покойно.

— Альт, — негромко сказал Тим. — Смотри. Вот Остров.

Я думал, что увижу… Нет, я понимал, что под водою могут быть только скалы в подтёках лавы, почернелые, жуткие от

памяти тех, кто века желал к ним вернуться. Я не понимал, оказывается, о чём мечтает Нимо, но мечтал вместе с ним, наверное, думая лишь о том, как всё начнётся сначала — свободный народ и добрый к людям Океан, и вечное лето в ветрах над Островами…

— Это лёд?! — прошептал я.

— Это Кристалл. — Голос Тима дрожал. — Самое непостижимое… Я не знал, что это так… Из воды это не было видно так…

Дворцы и башни, террасы, арки, сады — всё заключенное в сверкающий, хрустальный цветок — я не сразу вспомнил его название — кажется, такие цветы были в книгах о дальних странах и назывались лотосами. Я различал даже отдельные листики в садах, зелёные и свежие, они замерли, готовые проснуться и радостно затрепетать, приветствуя тёплый ветер.

* * *

…— Здравствуй, Нимо! Я — Ми, я — Хранитель Кристалла, и я ждал тебя.

— Где мы? Это Острова?

— Это не совсем Острова, это их образ в Кристалле, он ждал все эти годы, и сейчас он готов и полон, чтобы пробудиться, и ему нужна только сила… Огня.

— А как же Золотые?

Мальчик в чёрном развёл руками:

— Они всего лишь слуги. Нужен властелин. Которому подвластны все силы, Соединитель. Сочинитель. Наездник.

— Ты же должен помнить, что я отказался. Я не хочу… выпускать Дракона.

— А ты должен помнить, что иного способа вернуть Острова нет. Ты знал это, ещё только отправляясь в путь.

— Но я думал… что с помощью Кристалла… его сила…

— У Кристалла нет никакой иной силы, кроме той, которую МЫ даём ему! Нимо, Нимо, сколько лет ты вертишься вокруг мудрости тысячелетий, но так и остаёшься ветреным мальчишкой… Впрочем, ты таким и был задуман, не мне тебя винить…

— Ты… Троготт?

— И так меня называли. Здесь зови меня Ми — в Кристалле я такой, каким был тысячу лет назад, а Троготт — мой образ для внешнего мира, вампир, предназначенный, чтобы кормить силу Кристалла и готовить явление тебя.

— Меня что же, слепили по кусочкам из гомункулов? — усмехнулся я. Я не верил в это по-настоящему, но даже если и так — мне, пожалуй, всё равно.

— Нет, тебя родила женщина от… другого ветряного.

— А. Ничего нового опять не узнал…

— Да. Просто ты — высшая точка отбора. В тебе есть не только кровь самых великих магов Островов, но и Сочинителей с материка.

— Разве Альт не лучше меня?

Ми вдруг улыбнулся.

— Не знаю. Я его боюсь, Нимо. Он закрыт для меня. Может быть, я недостаточно успел его изучить, он ведь не проходил через Кристалл… Но больше всего меня пугает его кровь… Непостижимая сущность его матери — великой древней ведьмы… Как же я сплоховал тогда, приняв Ивенн за обыкновенную девчушку!

…— Глупый маленький Ми!

— Ты?!! Как ты вошла?!

— Ничего особенного, малыш. Просто присматриваю за Нимо, за Алем… За тобой. Такой вы шустрый народ, чернокнижники.

— Но Кристалл… я должен был почувствовать…

— А не почувствовал. Ты ведь не знал, что и ведьмы причастны его силе. Если бы ты подумал о родственности этих явлений, нашей способности поглощать чужие сущности, преображаться в них — и способности Кристалла наполняться сущностями проходящих через него людей…

— Ивенн! — Я засмеялся. — Как же хорошо, что ты тут!

— Дай руку, Нимо. Тут мне прохладно…

— Ведьма! — прошептал Ми. Мне стало его жалко сейчас. Как бы я хотел, чтобы он перестал ненавидеть Ивенн!

Она посмотрела мне в глаза.

— Нимо. Это желание легко исполнить. Но ты тоже удивишься…

Я опять засмеялся.

— Пусть! Ивенн, ты какая-то будто другая!

— Я разная. Я была туманом, я была волчицей. И ещё, кем я была… от кого я получила первое имя…

Она улыбалась. Так странно… и страшно — но это был страх перед восторгом, восторгом открытия непостижимого. Ми вздрогнул, закрыл лицо ладонями.

— Теперь ты не сможешь меня ненавидеть, Ми.

— Почему… ты мне не рассказала! Я же мог тебя убить…

— Кишка тонка!.. Ты был слишком серьёзен, Ми. Весь

подчинён своей великой цели — да ещё приставал с этим к другим… Идеальный Хранитель, совершенный инструмент.

— Ты хочешь мне помешать?

— Ми, когда ты нервничаешь, ты съёживаешься, а я хочу думать, что ты и вправду тот самый Ми, идеальный хранитель. Троготт — довольно мерзкий тип, но ты всё ещё можешь оставить его снаружи.

— Хорошо, — кивнул Ми. — Идём.

— Идём, — повторил Ми. Но не двинулся. Я понял, что он пропускает меня.

— Воздух… Ветер… Почему так пусто, тихо? Как будто воздуха нет…

Улицы были пусты. Шагнуть трудно. Будто для того, чтобы шагнуть, нужен воздух. Оттолкнуться. Так странно. Я заносил ногу с усилием. Чтобы двинуться — нужно проснуться, нужно растянуть меха органа. И сразу вспомнить, какую клавишу нажать. Решить, какая будет нота. Она может быть любой. Но следует правильно выбрать. Это парадокс бесконечной свободы…

Увидеть, как рассветный луч
Сверкнёт в верхнем мостике.
Роса отдаст первые, звёздные слова
И вмиг рассеется самым нежным сиянием.
Восток станет каплей, наполненной брызгами утра,
Они готовы сорваться в небо.
Следующий луч скользнёт по узорчатым перилам второго мостика,
Как пальцы музыканта, он неуверенно спросит — какой день ты бы хотел услышать в этот раз?
Хрустальный лабиринт засияет,
И солнце оторвётся от горизонта — в короне зари.
И третий луч, сильный, неудержимый,
Распахнёт все двери, и для утра не станет границ.
Песни зазвучат отовсюду, отзываясь.
И третий мостик, будто дворец королей, наполнится шумом земли и яркостью неба.
Ловить утро, дышать чистотой, слушать песни.
Скоро горячее солнце проникнет в тенистый сад,
У подножья холма, где в маленьком доме у самого нижнего, тайного, сокровенного мостика
Над тихим ручьём
Ещё дышит ночь, ещё снятся сны.
Но сейчас ты проснёшься, и я один только миг буду

видеть
С вершины самой высокой башни
Как солнце встретит тебя.
Как солнце встретишь ты.

Дорога впереди была свободна. Она чуть мерцала от света белых деревьев, белых камней и бело-золотистого тумана, которым были заполнены проёмы зданий, тени и пространства окон, дверей и улочек. Мостовая казалась скользкой от росы, и я не сдержался, наклонился, провёл по булыжникам тыльной стороной ладони — вначале чуть касаясь, потом повернул ладонь и оттолкнулся, попробовал взлететь. Не смог. Не испугался и не удивился — просто здесь не было ветра. Его не могло быть. Моя сила ничего не значила — воздух, которым я дышал, был большой, но ограниченной сферой, отграниченной от мира. Воздух здесь не был стихией — всего лишь газом, которым можно дышать.

Это могло быть страшно, если задуматься. И непонятно — ведь Троготт… Ми говорил, что в Кристалле заключён целый мир. И если мир настоящий, то и стихии должны быть настоящими.

Сознания людей Хранители Кристалла смогли запихнуть внутрь, а вот со стихиями не справились. И то, что есть в Кристалле — всего лишь модели, образы… кусочки. Похожие на настоящие, но… Они работают, пока ими двигают. Сами они двигаться не могут, им чего-то не хватает.

Я оглянулся. Я остался один. Позади дорога уходила далеко вниз и терялась в путанице Нижних улиц, в серебристом тумане, а ещё дальше — туман растворялся в сумеречной мгле. Эта дорога была похожа и непохожа на ту, что помнилась мне по Островам. Либо память подводила, либо в Кристалле город был чуть-чуть иным. Выяснить это сейчас я бы не смог. Когда-то я очень живо представлял дорогу от моего дома на Островах к вершине.

Когда появился Аль… Троготт сказал, что он не должен меня знать, пока не станет Ветряным. Это разбудило бы его силу слишком рано. А те, кто слишком рано отдаются воздуху, очень быстро улетают. В их телах, в их мыслях ещё очень мало человеческого. Троготт рассказывал — и я чувствовал, что это правда — как один из лучших Ветряных — точнее, он мог бы стать лучшим — впервые соединился с ветром ещё совсем малышом, ему было лет пять. Кто-то из легкомысленных наставников взял его в свободный полёт. Следующей ночью

ребёнок уснул в своей кроватке у распахнутого окна, воздух, полный ароматов цветущих деревьев, кружился над мальчиком невидимой каруселью, отовсюду лилась еле слышная мелодия, и крошечные, нежные вихорьки мотыльками метались от стены к стене.

Растерянная «бабушка» позвала магов, но и они не рискнули будить ребёнка, его сознание уже рассеялось во множестве ветерков. Так он и спал… И я не знаю, что с ним стало, не решился задать этот вопрос Троготту.

Всё, что я смог сделать для Аля — подобрать ему самых добрых, самых чутких и мудрых «бабушку» и «дедушку». Мы устроили для него домик почти у самого подножия холма, в окружении старых деревьев — яблонь, лип. Ветра́ там были не слишком навязчивы, зато в десяти шагах от окошка журчал в овражке ручей — я знал, как хорошо там можно играть и мечтать.

Ручей бежал от самой вершины. От моей башни. Иногда он нырял под землю, но быстро показывался снова. Я проводил у родника часы, зная, что журчание этой воды слышит в это самое время и Аль. Какие слова складывались им из негромкого плеска воды? Если бы со мною был русалчик Тим, он мог бы попробовать угадать.

Однажды в голову мне пришла удивительная идея. Я достал книгу, которую подарили Бродяги. В ней были песни. Или просто стихи. Я не особенно любил читать стихи, а эти читал тоже редко — но по другой причине. Каждая коротенькая песенка-стих была разговором. Маленькой мечтой или памятью, или видением, которые записывали люди, оставаясь наедине с ночью, с ветром, со звёздами или луной, туманом или лесною рекой, или горной пропастью, или облачной долиной. Эти слова были магией, связывающей их новый мир с утраченным, добрым, где стихии жили в согласии с человеком.

И я выбрал несколько стихов для Аля. Строитель, древний потомок Бродяг, спрятал слова в ажурных мостиках над ручьём. Абирос вплёл стихи в деревянную филигрань так искусно, что людям, когда они замечали слова, казалось, будто письмена были спрятаны там изначально, давным-давно, когда Город-на-Холме только отстраивался после Волны. Только не каждый и не всегда мог их различить.

В моём Городе, Городе на Островах, не было Стишковых мостиков. Но мосты и арки там вырастали отовсюду… как сказали бы в стране Альта — словно грибы после дождя. Я даже улыбнулся, вспомнив полумостики — это были на самом деле половинки мостов, обрывающиеся в воздухе, мода на них пошла несколько столетий назад. Полумостики порой свивались,

смыкались, перепутываясь — по три, по четыре и больше, образуя странные, витые лабиринты лесенок. Лёгкий и прочный камень ***арак***, который Золотые то ли добывали из недр, то ли изготавливали с помощью Огня, давал свободу для самых сумасшедших фантазий архитекторам-экспериментаторам.

Город. Он похож на бутон. Почему-то я раньше не думал об этом. Сколько раз видел его сверху. Наверное, пока жил на Островах, я мало внимания обращал на цветы.

Тонкие башни Стихий — тычинки. Город опыляется ветром. А внутри у него зреет огненный плод.

Я вздрогнул. Так хорошо было не помнить. Сон кончился, это утро…

Выше дороги не было. Мостовая растрескалась, алые и золотистые жилки пульсировали, вершина Острова дышала. Где-то здесь должен быть вход. Я покачнулся. Булыжники под ногами были ещё неподвижны, но с каким-то ударом сердца нахлынуло моментальное видение — падение в бездну, в пламя, в смерть.

Уйти в ветер — не значит умереть. А упасть в Огонь…

Нимо… Это ты… Ты здесь. Ты пришёл. Протяни ко мне руки!

Илле?

— Нимо, стой.

Ивенн. Она… стояла передо мной. На ней было тоненькое платье, почти прозрачное от росы, и несколько листочков прилипло к плечам, к груди, к бедрам. Она дышала прохладой, и я только тогда понял, как раскалилась моя кожа. Я обнимал Ивенн — первый раз по-настоящему, чувствуя, как вздрагивает её тоненькое тело, я остывал, а она делалась горячее.

— Ивенн… — Я неловко засмеялся. — Почему ты стала… младше. Ты не хочешь, чтобы я…

— Я — великая древняя ведьма Ха. Я выпью тебя. И тогда ты войдёшь в Огонь.

— Ладно, — сказал я.

…Я помню, как росла земля. Как спала и просыпалась. Как касалась солнца. Как дышала росой. Мне было холодно, и солнце протянуло ко мне ладони. В груди стало теплеть, и там разгорался Огонь.

…Маленький мальчик стоял передо мной. Крошечный и хрупкий. Неловко двинувшись, я мог случайно смять его. Но ребёнок не боялся. Он сказал: «Идём!»

…Хотя на самом деле это прозвучало как: «Нимо!»

И ещё это было моим именем.

Я пошевелился — очень осторожно. Оказывается, я лежал. Тяжесть давила со всех сторон. Если бы сон, который снился до этого, стал тревожным, я бы разрушил весь мир. Это было бы так горько, что я закрыл глаза от боли в груди.

— Нимо, проснись! — повторил мальчик. — Идём.

И взял меня за руку. И я стал уменьшаться.

Часть 4. Кристалл

С утра был дождь. К вечеру тучи разошлись, и за ними оказалось небо такой глубокой и чистой синевы, какая не могла принадлежать всему прочему миру — она явилась откуда-то извне.

Лёгкие, тонкие, белые облака повыше высокого ещё заката иссеклись причудливым узором — как трещины на хрустале, разбегавшиеся лучами от множества точек. Паутина лучей усложнялась и перепутывалась, и узор в какой-то миг стал живым. Облака стали островами. Архипелагом снежных гор, проступившим из бездонной синевы.

Теперь я не стоял на земле, а парил над каким-то другим — небесным — океаном, это я был вверху, а небо было внизу, и облачные острова медленно и грандиозно разворачивались подо мной. Они были сразу и огромны и невесомо легки от своей полупрозрачной белизны, небо пропитало их, заполнив все трещинки узора, всё бесчисленное множество заливов и проливов…

Затем солнце опустилось ниже и растеклось в облаке жидким белым золотом — огнём более ярким, более чистым, чем что либо в этом мире. Солнца больше не было — и облака не было, они слились и стали этим сияющим расплавом, я смотрел в него, осознавая, что смотрю прямо в солнечный пламень, не ослепляясь и не отводя взгляд — казалось, глаза мои изменились, и теперь они могут пить это сияние, как лёгкие пьют воздух. И никогда не смогут напиться.

Настоящие Острова — там, в небе. Туда улетают все ветряные, туда зовут их воздух и свет. Они живут там, где пространства кажутся невыносимо огромными людям, которые привыкли жить среди границ. Там есть моря и острова — но границ нет… Так устроены небесные Острова — ничего из того, что нас окружает, не ограничивает нас.

Как это — жить среди Вечного Света, купаясь в этом бело-золотом огне? Он утолит любую жажду, любую печаль, он даст силу для любого замысла. Там нет боли, и даже сама бесконечность не утомляет, человеку этого не понять, пока он не ощутит сам, что это такое — когда через тебя струится Вечный Свет…

Они все там. Среди этого сияния. Среди облаков-островов, замков-гор, пропастей-долин.

Я был Ветром, теперь я стану Светом. А Свет не умирает, он летит в бесконечности, временами замирая, вспыхивая снова.

А память… Можно ли что-то забыть? Оно всё есть вокруг, и вечно будет, меняются только имена. Я забуду одно имя и найду другое. Я увижу леса и горы, и моря — только назову их иначе.

А моё имя… Оно не имеет значения. Недаром меня зовут… звали: «Нимо» — «Никто». Кажется, это на каком-то древнем языке… Может, это знак, что даже имена не исчезают навечно.

Нимо… Нимо… Пробуя на вкус. И как будто эхом отзывается… но это не эхо, это меня зовут… зовёт. Альт.

Его я не хочу забыть. Даже зная о том, что мы встретимся снова.

Если бы он тоже прямо сейчас стал ветром и светом… Нет. Я почему-то сейчас не хочу этого. Какая-то прежняя частица во мне, сохранившая привязанность к форме. Она боится. Она желает, чтобы всё оставалось по-старому. И это она всегда удерживала меня… Но не сейчас. Сейчас… кажется, я готов совершить небывалое… или всего лишь то, память о чём стёрлась с поверхности этого мира. Но она есть в глубине. Далеко-далеко…

Я унесу его с собою в небо. Он останется Альтом, он сохранит имя и способность существовать в границах. Но Свет и Небо будут подвластны ему, так же, как мне. И так будет, пока мы не захотим это изменить.

Ты хочешь этого, Альт? Смотри, сейчас…

Я был в середине силы. Я был бутоном громадного белого цветка. Зародышем, ядром пламени и света. Я будто спал. Теперь я решил распуститься.

Океан отхлынул. А! Напрасно вы боялись, что Вода и Огонь разрушат мир. Я — вовсе не тот грубый огонь, который ведом вам. Я — Свет, и вот я распускаюсь, распахиваюсь, и крылья Океана в восторге обнимают меня, сияющие лепестки вод — а внутри бьётся, как сердце, белое пламя.

Цветок распускается, растёт. Он не причинит никому вреда — ведь я не хочу этого.

Цветок раскрылся. И в какой-то миг я понял, что он — отдельно от меня. Он — сияющий, белый, как пена в солнечном сиянии — он далеко внизу. А я лечу вверх. Усилие, что вытолкнуло меня, поднимало ещё выше и выше… Я захотел остановиться, увидеть Альта, заговорить с ним.

Я раскинул руки, изогнул шею…

За миг до того, как увидел, я уже знал. Я знал это и раньше — в самой-самой глубине разума. Прятал от себя это знание. Даже боялся его. Но уже тогда — принимал.

Трогott… Обманул. У всех он брал. Брал, отнимал, крал. Души или память, или какую-то иную силу, свойство разума. Чтобы кормить свой ненасытный Кристалл.

Я ждал, что он захочет рано или поздно сделать то же и со мной. Был готов драться и защищать. Но Кристалл не взял у меня ничего. Он… дал.

Белое Пламя было абсолютно иным, ничем не похожим на тот жестокий Огонь, что веками рвался из глубин земли. Белое Пламя было лёгким и свежим, оно вошло в меня, как первый и сильный вздох человека, погибавшего от удушья.

Как всё это случилось, когда? И это знание услужливо открылось мне — Острова были запечатаны и заключены в кокон-кристалл. Все эти годы он покоился в океане, сдерживая мощь рвущегося из глубин Огня. А двойник Кристалла был у Трогoтта. Двойник отбирал в себя часть силы Огня, питая того, кто управлял Кристаллом. Но сейчас кристаллы соединились. И соединил их я. И я, сам того не зная, открыл двери той сверхсиле, что рвалась из самой сердцевины земли.

Я окинул взглядом Океан. Он был спокоен и тих. Цветок вод опал. Подземный Огонь, сбросив веками копившуюся силу, ушёл в глубину. Я чувствовал удовлетворённое ворчание стихии, избавившейся от излишнего напряжения. Я чувствовал, как остывают массы камня — твердь залечивала рану, нанесённую ей давным-давно древним магом по имени Тионат. Теперь она могла уснуть, и спать долго…

Затонувшие Острова были подо мной. Они оставались неглубоко. Я шевельнул крылом, почувствовав, что могу поднять их, не нарушив целостности земной коры. Впрочем… это была мелочь — я мог поднять или опустить в пучину целый материк — быстро и страшно, или тихо и незаметно.

— Поднимайтесь… — прошептал я. — Не торопясь. Пусть проходят дни.

Далеко внизу подземный Огонь послушно вздулся спокойной волной, понемногу выгибая земную поверхность.

— Тише. Тихо-тихо…

* * *

Воздух — самая свободная стихия. Ни Огонь, ни Вода, ни Твердь не способны по-настоящему замкнуть его.

Воздух не боится ничего — он не может быть разрушен.

Сознания Воздуха возникают из ниоткуда и исчезают без следа.

В Воздухе нет памяти, нет прошлого — однако Прошлое снова и снова является в нём — без страха быть утраченным.

Воздух не ценит ничего — потому что ничего не теряет — он

живёт лишь в те мгновения, когда имеет всё, что ценит.

У Воздуха нет воли — есть лишь чувства. Сознание Воздуха — это сознание идеального сновидения, в котором нет центральной воли, но есть лишь бесконечное множество образов, ощущений и чувств, рождающихся и сливающихся в единой оболочке. И субъективное время в этот промежуток для спящего ускоряется до бесконечности, завися лишь от обширности сознания и количества рождающихся образов. Человек, просыпаясь, фиксирует лишь малую часть открывшейся ему бесконечности, потому что его воля имеет свойства ограниченного. Воздух, замирая, теряет все свои видения без следа и не страшится этого.

Быть чистым Воздухом — слишком мало и слишком много для человека. Я понял это теперь, слившись с Огнём, преодолев твердость камня и соприкоснувшись с покоем Воды. Все мировые стихии прошли через меня, и я понял, что есть что-то иное, главное, соединяющее свободу Воздуха, энергию Огня, волю Тверди и память Воды.

Этого знания было так много, что я хотел улететь за пределы мира, чтобы в пустоте и бесконечности остановиться и стать новым миром.

Но у самых границ я увидел Ласточку — чёрную и стремительную на сияющей белизне.

И я вспомнил другую ласточку, в середине ослепительного солнечного дня — я видел её глазами Альта и чувствовал её нервами Альта, и тогда я понял, что стал и Альтом, и Нимо — не только в одном «теле» (что было неважно), но в едином сознании.

— Я не хочу, чтобы ты умирала! — сказал Я.

— Тогда вернись, — ответила Ласточка. — Ты хочешь покинуть мир, ты — Свет, часть Света, а Свет — бессмертие мира.

И мне стало жалко этот мир. Народ Островов, зовущийся Бродягами и не находящий для себя места на просторах материка. Финетту, похожую на цветок-колокольчик, синим огоньком прячущийся на прохладной опушке леса. Ивенн, появлявшуюся и исчезавшую, как теплеющее мягким светом окно на зимней дороге…

…Даже ледяные сосульки мне запомнились теплом её ладоней…

Ты их жизнь. Их — и многих других. Конечно, они не умрут оттого, что ты исчезнешь из этого мира. Многие даже не заметят изменения. Просто однажды за ночью может не прийти рассвет. И ласточка, которая не боится урагана, в солнечный день окажется неподвижной на изумрудной траве.

— Кто Ты? — спросил Я. И увидел, что мы втроём — возле

меня стоял Альт, а я теперь был только Нимо, не больше и не меньше, и это было так же странно, как проснуться после самого яркого и дивного сна — но вдруг узнать, что увиденное — было, и, протянув ладонь, коснуться ладони того, кто был там, во сне, вместе с тобой, и видел всё — и теперь глаза его смеются в ярком свете утра — и он знает всё то, что знаешь ты, и понимает это знание.

— Давайте попьём чаю, — сказал Ба Цинь. — Нам незачем спешить — теперь Время нас подождёт.

* * *

…Давным-давно я был тем, из кого Тионат создал Кристалл, — сказал Ба Цинь. — Тионат был первым, кто нашёл способ изготовить Хрусталь Света, или Зеркало — их потом называли Зеркалами Тионата. Это «вещество», наполненное колоссальной энергией, но лишённое собственного Сознания, действовало как идеальный резонатор — любое сосредоточенное Сознание отображалось в нём целиком, потому что огромная масса в малом объёме становилась предельно восприимчивой. В обычных условиях сосредоточенное Сознание не способно управлять веществом, но Тионат открыл, что Сознание всё-таки может энергетически влиять на материю — за счёт суперпозиции квантования времени. Только энергии эти столь малы, что материя оказывается практически нечувствительной к этому воздействию.

В мире было два великих мага, нашедших способы управлять переносом Сознания. Вторым был Командор, но он пошёл по другому пути — и о нём я скажу коротко. Командор использовал эквивалентность плюс-минус бесконечности, полагая, что микрочастицы, из которых состоит наш мир, подчиняющиеся законам квантования энергии, отображают (или содержат) в себе микромиры. Сознание не может воздействовать на материю в макропроцессах, но на уровне микропроцессов это взаимодействие, как обмен информацией, может происходить.

Командор решил использовать «некровспышки» — Сознание, в момент гибели соединяющееся с высокими энергиями, отображает себя в микромир полностью — и продолжает существовать на другом уровне пространства-времени, эквивалентном нашему, но не пересекающимся с ним. Существует теоретическая возможность преобразования размерности пространств одно в другое, например, взрыв, рождение нового — или коллапс.

Теория Командора сложна и интересна. Например, в момент разрушения единое Сознание рассыпается на множество слоёв, в каждом из которых течёт внутреннее, независимое время. Поэтому вся система существует в особом, суперпозиционном времени, где слои Сознания наложены друг на друга, и общее время ускоряется многократно — чем сложнее Сознание, тем больше ускорение, и теоретически в момент гибели Сознание может просуществовать целую вечность — такое преобразование времени рождает колоссальную энергию, достаточную для рождения новой микровселенной. Эффект суперпозиционного времени мы используем и сейчас, например.

Второй эффект, открытый Командором — это трансфокация Сознания. Материя не может проникать из макромира в микромир, не разрушая его. Но информация может. При этом туннелирование происходит на таких ничтожных уровнях энергий, что зафиксировать их невозможно в принципе — любое устройство самим фактом наблюдения уничтожит результат опыта.

Чтобы Сознание в одном пространстве приняло информацию из другого, нужно, во-первых, чтобы оба Сознания были в состоянии суперпозиционного времени — например, в моменты сна. Именно в таком состоянии, когда не работает единый волевой центр, Сознание способно улавливать самые тонкие воздействия. А во-вторых, передающее и принимающее Сознания должны быть особенным образом похожи — чтобы произошла корреляция — или многополюсный резонанс…

— Как много условий, — сказал я. Альт слушал, завороженный звучанием странных слов, с таким вниманием, что я верил — он понимает, что-то или многое — не на уровне отдельных слов, но из какого-то общего смысла фраз — так человек догадывается о значении незнакомых слов по той роли, которую они играют в общем строе. Впрочем, Альт уже был мной, а я был кем-то ещё, бесконечно древним…

Соединение чистоты юности и опыта древности, бесконечности и изменчивости…

— Да, — сказал Ба Цинь. — Метод Командора и сложен, и годится не для каждого, и, самое главное — это Дорога в один конец. Встав на неё, ты никогда уже не вернёшься назад, и не знаешь наверняка, что ждёт впереди — целый мир, рождённый из вспышки твоего Сознания — или небытие.

Созданное Тионатом более управляемо. Начинал он с Зеркал, которые не могли сохранять в себе Сознание, но лишь переносили его копию на то, что способно было принять этот «снимок». Тионат начинал экспериментировать на взрослых, но очень скоро

убедился, что их Сознания слишком «закостенелые» — копируемое Сознание не может смириться с потерей «родного» носителя, а подавляемое — принять в себя «снимок». Тогда Тионат стал собирать, где только мог, детей — и большей частью мальчиков — возможно, с девочками опыты удавались хуже, а возможно — он уже тогда начинал готовить себе Восприемника.

Тионата стали называть Проклятым, но люди долгое время не подозревали об истинной цели его «приобретений» — они считали, что властительный монстр губит детей ради своих дурных плотских утех. Королевская власть ничего не могла поделать с Проклятым, его могущество было слишком велико. Тогда к нему стали подсылать убийц.

Одним из этих убийц оказался я.

В те времена я был двенадцатилетним мальчишкой. Самым обычным мальчишкой, в том смысле, что ни магических способностей, ни опыта убийства у меня не было. Меня выбрали по единственной причине — мою семью в одну ночь погубили какие-то бандиты, а я остался, перепуганный и не способный добыть себе куска хлеба. Я был нежным и любимым в семье ребёнком — и либо пропал бы, либо превратился в волчонка среди людей. Но меня нашли слуги Авары — мастера-уничтожителя — и решили сделать убийцей Великого Тионата.

…Подсыпать яд или проткнуть его сердце кинжалом пытались не раз. Как именно Тионат распознавал и отражал атаки, никто не знал, но цели не достигла ни одна. Самое страшное — Проклятый всегда разузнавал имя тех, кто подсылал убийц, и кара была неотвратимой и беспощадной. Последние два раза Тионат уже не уничтожал заказчиков — но каким-то образом насылал на них мучительное безумие. От мага оступились — в конце концов, он не мешал властителям править, а что такое десяток-другой пропавших мальчишек в год? Многие вообще считали, что преследовали Тионата не из-за погубленных детей — дети были лишь поводом. Великий маг вёл себя слишком независимо и был слишком непредсказуемо опасен.

— Какому правителю приятно иметь у себя под боком такое чудовище, даже формально не признающее себя его подданным, так?

— Да, именно. Короли и магнаты нутром чуяли в Тионате будущего властелина мира, не желающего заводить ни друзей, ни даже союзников — он просто не нуждался в них, и никто не мог сказать, что задумывает этот монстр. Многие желали бы уничтожить Тионата — или хотя бы подрезать ему крылья.

Говорили, будто Авара был из подземного народа бессмертных Чёрных Карликов, наследников знаний древних

мудрецов и самого Тримира. Карлики давно охотились за тайнами власти над Сознанием, именно потому, что бессмертие их было на деле условным — они не умирали от болезней, но могли быть убиты, а главное — со временем они уступили младшим народам, потому что разум их давным-давно достиг предела развития, и многие вещи, очевидные для людей, оставались недоступны их пониманию, и карлики это видели, и тёмная злоба точила их.

Возможно, Авара даже считал, будто Тионат украл экземпляр книги Тримира и воспользовался тайными знаниями карликов для соединения силы стихий. Энергию Зеркал Тионату дало Белое Пламя, высшая первостихия, обрести настоящую власть над которой сами карлики не могли — и это тоже наполняло их сердца болью — до безумия.

И карлики задумали уничтожить Тионата, а уничтожив — завладеть его записками, Зеркалами, повторить его опыты. Как я узнал много позже — им не удалось бы это в любом случае, потому что дело в самой природе Сознания карликов — оно способно к перевоплощению даже ещё менее чем Сознание взрослого человека. Такова оборотная сторона их бессмертия — они подобны каменным корням земли, в которых устроены их норы — время мало властно над ними, но попытавшись изменить их — обрекаешь на разрушение.

С самими карликами-дворвами я не встречался. После случившейся с моей семьёй беды, я провёл ночь в каких-то трущобах, а утром меня, приготовившегося умереть от отчаяния, нашёл какой-то человек — хорошо одетый, он привёл меня в особняк, пустой и тихий, как мне показалось — только белые камни стен и деревья, которых не касался даже самый лёгкий ветерок.

В то время мне было всё равно, что происходит вокруг. Меня отмыли и одели во что-то чистое и дорогое. Одну ночь я спал беспробудно, мёртвым сном. Затем ко мне пришёл юноша, сказав, что обучит приятным и важным в моей будущей жизни вещам. К счастью, «курс обучения» у них был, видимо, рассчитан на длительное время, и в первый день мы только купались, загорали и лакомились какими-то заморскими сладостями. К вечеру юноша стал казаться мне старшим братом — мудрым и ласковым. Мы любовались закатом, а когда он догорел, юноша позвал меня в спальни — но тут явился человек, нашедший меня в трущобах, оказавшийся хозяином особняка, и сказал, что «господин торопит, сильно торопит». Я видел, как помрачнел юноша, а хозяин отвёл меня к воротам, где нас ждали закрытые носилки, без окон, даже без самой крохотной щелочки.

Мне сделалось почему-то так страшно, что я дрожал от озноба и не мог успокоиться. Нас доставили во дворец, окруженный ещё более высокими стенами. Хозяин куда-то исчез, а меня отвели в залу, где дожидались ещё с десяток мальчиков моего возраста — все они были очень изящно одеты, даже намного более роскошно, чем я сам, и красивы, как девчонки. И у всех в глазах был страх.

Спустя минуту в залу вошёл действительно страшный человек — он был в чёрном плаще, а голова, лысая, гладкая, как яйцо, белела над всей его фигурой — и огромные, но глубоко запавшие глаза заставляли цепенеть от ужаса.

Следом за ним семенил какой-то другой человечек — он приказал нам стать в ряд у стены, и эти двое ходили и обсуждали нас.

— Этот, видно, не готов, — пробормотал спутник головы-яйца, взглянув на меня.

— Ты болван, — коротко и жутко прошипел тот. — От всех этих крашеных кукол за версту разит Домом Удовольствий — хоть и очень дорогим. А ***он*** не идиот, чтобы купиться на дерьмо, и второго шанса у вас не будет. Подойдёт разве что этот. — И он кивнул на меня.

— Я думал…

— Ты болван.

Затем меня отвели ещё куда-то — и опять переодели, на этот раз в простую, хотя и очень ладно пошитую одежду. И оставили наедине со этим человеком в чёрном, «Голова-Яйцо», как я назвал его про себя, и вначале ужас, внушаемый им, был таков, что я едва мог двинуть рукой или ногой — но с каждой минутой ужас таял, и я удивлялся этому — в конце концов, я даже почувствовал себя так, как будто именно этот человек с жуткими глазами один только и способен защитить меня от всяческих напастей.

Он сидел неподвижно и не смотрел больше на меня. Наконец, послышались шаги, и вошёл маленький, сморщенный человечек — очень старый, как я подумал.

— Что за суета? — проскрипел он вместо приветствия. Я встретил его взгляд — зрачки были огромные, мутные.

— Мастер велел срочно подобрать человечка, — ответил Голова-Яйцо. — Если не подсуетиться, к вечеру ему доставят из других источников — желающих услужить Ему ***много***, уважаемый Хор.

— Ты уже объяснил малышу, что он должен делать?

— Тут нечего объяснять. У мальчишки будет с собой шкатулка. Мастер спросит, что там, и велит открыть — я хорошо знаю его нрав, можешь поверить. Убийц и яда он не боится. От

мальчишки больше ничего не потребуется — если всё обстоит так, как ты говоришь, Игла Авара сама сделает дело.

— С-с-с! Не именуй её здесь! — Человечек вздрогнул. — Ладно. Скажи малышу, чтоб он не смел баловаться со шкатулкой. Иначе — СМЕРТЬ! Понял?! — Он вцепился в меня безумным взглядом. — Иначе — смерть. Откроешь ТАМ — и всё будет превосходно, проживёшь дальше свою жизнёнку в мармеладах и красавицах, золото, музыка — дзынь-брынь…

Голова-Яйцо тяжко засмеялся. И удивительно — от его смеха обессиливающая власть плесневелых глаз карлика исчезла…

Человечек выпростал из-под плаща шкатулку, сунул мне в руки — а я едва не уронил её, стараясь не коснуться его скрюченных, коричневых пальцев, похожих на корни какого-то растения.

Едва человечек ушёл, Голова-Яйцо снова засмеялся, сказал, повернувшись ко мне:

— Идём. Не бойся. Шкатулку можешь отдать мне, если не хочешь держать в руках.

Однако я заметил, как он вздрогнул, принимая её.

— Как же они ненавидят… — еле слышно прошептал он. — И как жаждут!

Мы долго шли — через дворцовый сад, который сделался узким и тянулся далеко между двух стен. Затем Голова-Яйцо открыл неприметную дверь в стене, и мы петляли какими-то переходами — пока снова не попали в сад. Впереди высилась исполинская, серая в прозрачных сумерках башня. Я узнал её — и ледяная волна покатилась от затылка до ступней.

— Не бойся, — повторил Тионат — ибо я понял, кем был этот человек. — Ты изведаешь удивительное, такого не переживал ни один человек. Тебе не грозит гибель. Если ты веришь легендам обо мне, должно быть, слышал, что я никогда не лгу тем, кого… избираю.

И я поверил.

Тионат привёл меня в залу, середину которой занимала большая, в человеческий рост, глыба — стекла, хрусталя или другого прозрачного камня — я не знал. Зала находилась в башне, высоко над землёй, в стене были окна, выходившее на запад и на восток. Всходила полная луна, и когда мы вошли в залу, лучи её как раз осветили широкую грань монолита, и он вспыхнула каким-то текучим, жидким сиянием.

Тионат положил шкатулку на низкую массивную тумбу.

— Знаешь, что в ней?

— Н-нет…

— Игла Авара. Вершина творения карликов. Тебе повезло,

мальчик. Никто в мире одновременно не видел и соприкасался к таким дивным вещам, как ты в одни только сутки. Страшнейшее оружие на свете и рядом — самое невероятное орудие созидания — Зеркало Тионата. Ты увидишь их в действии, единственный человек в мире…

— Я… бы хотел, чтобы как раньше…

— Что — как раньше?

— Чтобы дома…

— Болван!.. Впрочем, прости, это неразумное определение. Я поясню. Ты просто не понимаешь, что твой мир «как раньше» уже почти кончался там, в твоём доме, твоей семье, твоём мирке… Тебе двенадцать лет. Ещё год — и тебя отдали бы в обучение к какому-нибудь туповатому ремесленнику, и жизнь превратилась бы для тебя в чреду натаскиваний и заботы о куске хлеба. А потом ты бы вырос и отдал остаток себя тому, чтобы, если повезёт, ещё один такой же малыш жил «как раньше», в наивной вере, что его мир будет продолжаться и потом, и до бесконечности… Впрочем, ты всё равно не понимаешь. Да и родителей твоих мне всё равно не вернуть.

— А кто их убил?!

— Для тебя это так важно? Хорошо, я обещаю, что найду и покажу тебе убийцу. Месть… Незначительный опыт, но пусть будет.

А сейчас нам пора начинать.

Карлики пожертвовали немалым, чтобы проникнуть в самое сердце Огня, взять из него крупинку чудовищной энергии и заключить её в эту хрупкую скорлупку… Игла Авара есть предельно сконцентрированная в крохотном шарике энергия. Жгут Белого Пламени, свернутый в сферу… Сейчас он спит, изолированный от мира. Но едва его вынут, он проснётся. Столь огромная энергия обладает собственным разумом, но не таким, как человеческий. Это сознание хаоса. Оно стремится вобрать в себя другие сознания, чтобы упорядочить себя — но если поглощённое им окажется недостаточно сильно — оно будет разрушено. Карлики хорошо знают, что в мире нет такого разума, который бы выдержал разрушающую мощь Белого Пламени. Поэтому, если открыть шкатулку сейчас, Игла активируется и вначале убьёт меня — как более сильного, это её свойство. Затем — в одно мгновение — тебя. Что случится потом, я не знаю. Возможно, просто вспышка, взрыв. Тримир, например, считал, что существо, вобравшее в себя мощь Иглы, некоторое время продолжает жить в виде этакого чудовища, пожирающего всё вокруг себя в неутолимой и мучительной жажде разума и энергии — пока не вгрызётся достаточно глубоко в земную плоть и не

уйдёт в ту бездну, из которой явилось… Карлики бы порадовались, да. Им не жалко для такой цели даже Иглы — уничтожить меня, посеять ужас и разрушение в человеческом муравейнике… Как они ненавидят Смертных!.. А особенно — посягнувших на их бессмертие, их вожделённое бессмертие, ускользающее от карликов, надеявшихся жить вечно.

Так что не переживай, мальчик: если бы задумка дварвов удалась, ты бы, как прежде, жил в своём уютном мирке не дольше чем до завтрашнего дня. Чудовище, в которого превратился бы Великий и Проклятый Тионат, устроило бы в городе ад, подобного какому ни один священник и не вообразил бы себе…

* * *

Тримир, исследуя сущности Огня, писал:

> «Всякому достаточно большому количеству вещества присуще особое, стихийное сознание. Чем больше это количество — тем более выражено сознание. Мы, дварвы, доказали существование таких сознаний многочисленными опытами, вершиной которых стали мои опыты со смертными. Тогородор научился защищать телесную форму от воздействия разрушительной силы Огня, его методы мы называем Печатями Тогородора. Используя Печати, я погружал смертных в Огонь, и Огонь частично уничтожал их разум, не повреждая тело. После этого смертные некоторое время продолжали существовать, демонстрируя сохраняющуюся связь с Огнём — их разум пытался вобрать в себя нечто, навёденное стихийным Сознанием, но вскоре окончательно разрушался. Важно, что я смог проверить не только влияние стихийного сознания на сосредоточенное, но и обратную связь — и она оказывается намного эффектнее. Принцип связи подобия равно действует как с большого на малое, так и с малого на большое — проблема заключается лишь в том, как суметь защитить сосредоточенный разум от разрушения в тот момент, когда он принимает в себя хаос сознания стихийного. В одной системе должны одновременно и совместно существовать и стихийный тип, и сосредоточенный. При этом мы получаем противоречие — чем выше энергия стихийного разума, тем он более восприимчив к связи подобия — но в то же время, тем

быстрее он разрушает соприкоснувшееся с ним сосредоточенное сознание.

Есть, видимо, лишь два способа сблизить эти типы сознаний, избежав разрушения. Первый — это возможность использования сжимающегося времени, но он годится только для чудовищно огромных энергий стихийных сознаний, и мы не может проводить подобные эксперименты — разве что среди звёзд — если и вправду считать верной гипотезу о том, что звёзды есть шары Белого Пламени.

Второй способ — научиться воздействовать на стихийные сознания таким образом, чтобы не только сосредоточенное сознание принимало в себя стихийность, но и сама стихия «упорядочивалась» до некоторой степени, была способной мыслить, хотя бы отчасти, подобно сосредоточенному разуму.»

* * *

Тионат выбрал меня не случайно. Я понял это, когда он отворил незаметную дверь — за нею была маленькая комната, совсем крохотная, там помещалась только кровать, на которой лежал мальчик. Я в первый миг подумал, что это кукла. Он был неподвижен, руки держал прямо вдоль тела — нормальный человек никогда не будет так лежать долго.

Потом я решил, что он мёртвый. Глаза его были открыты.

Потом он моргнул.

Я хотел шевельнуться, но понял, что онемели и руки, и ноги, и было будто страшно, но по-другому — потому что происходило что-то такое, что не помещалось во мне.

— Что ты перепугался? — спросил Тионат как-то весело.

Я показал на мальчика рукою.

— Он похож на тебя, но это не ты. На самом деле, внешнее сходство необязательно, важнее некоторые другие тонкости. Например, то, как вы взаимодействуете с миром. Допустим, если бы он был непоседой и жил только беготнёй и играми со всякими шалопаями, — а ты бы любил оставаться в тишине, в уединении с собой, совместить эти типы сознания не получилось бы никак.

Тионат подхватит мальчика подмышками и поставил на ноги. Секунду маг поддерживал его, потом отступил. Мальчик качнулся. Глаза его вдруг широко распахнулись, он шагнул вперёд, ко мне, снова качнулся, быстро вытянул вперёд руки — опереться — и вцепился в меня.

Я раскрыл рот — заорать от ужаса. Но спазм сжал всё внутри, воздуха не было.

Тионат беззвучно смеялся, глядя на нас.

То есть, он растягивал губы и трясся от смеха. Глаза его не менялись.

Наконец он отцепил от моих плеч руки мальчика и отвёл его дальше — поставив рядом с хрустальной глыбой.

— Очень страшный мальчик… — пробормотал Тионат. — Еле справился с ним. Он мог тебя убить!

— Правда?! — изумился я.

— Нет, болван!.. Чего вы все так боитесь абсолютно безопасных явлений?! Такие, как ты сигают, со скал и пробивают себе затылки о камни, только чтобы показать смазливым сучкам, какие они бесстрашные. А тут, увидев человеческое тело, абсолютно здоровое и безопасное — срут под себя… Знаешь, сколько раз мне приходилось тут убираться?

Я невольно опустил взгляд к полу.

Тионат опять затрясся от смеха.

— Ты ещё ничего. С тобой можно иметь дело… Успокойся, это обычный мальчишка из дальней деревушки, пастушок. Волки сожрали любимую корову местного старосты — и пацан побежал, куда глаза глядят. Думал, в городе народец живёт богато, вот и прокормится как-нибудь, собирая милостыню. Я успел его приметить, прежде чем местные щенки занялись им всерьёз. Очень подходящий паренёк — неглупый и жил своим внутренним мирком. Когда-то, когда я только начинал опыты, я бы даже не стал его стирать, из жалости. Но на самом деле, таких как он — множество.

О, нет, не бойся — ты не станешь подобным ему. Когда я увидел тебя, меня удивило сходство, и я подумал, что это может пойти на пользу… нельзя терять столь редкой возможности.

— Почему он… такой? — прошептал я.

— У него уже нет сознания. Практически, это теперь не более чем кукла. Которая, однако, может снова стать человеком. Оживи его! Помни — ты сам при этом ничего не теряешь. Просто отбрось ненужный, бессмысленный страх…

Я ничего не ответил. Но не сопротивлялся, когда Тионат подвёл меня к хрусталю.

Пальцы у него были горячими, почти обжигающими, а меня начал бить озноб. Я вдруг понял, что сейчас случится. Мне стало ещё страшнее, так страшно мне не было в жизни — но тут же вспыхнул и восторг. Ни за что, никогда, никому этого не понять. Я осознал всё, что будет, за мгновение до того, как это произошло. Я понял — за один миг! — что сейчас тут, рядом со

мною, появится человек, понимающий абсолютно любое моё чувство и желание, знающий все мои мысли — но не как посторонний, а точно так же, как знаю их я сам, и поэтому от этого не будет страха или стыда — но один лишь восторг, радость — потому что он, этот второй человек, отнесётся к тому, что во мне, абсолютно так же, как я сам — простит за плохое и обрадуется хорошему. И в первое мгновение мы будем настолько одинаковы, мир вокруг остановится, замрёт… А потом мы начнём отличаться друг от друга — самую капельку, и это крохотное различие будет обладать огромной сотворяющей силой, и это будет так прекрасно, что я закричал от радости.

Откуда взялось во мне всё это знание? Думаю, в хрустале остались какие-то следы прежних опытов. Неважно. В тот миг я не задавался вопросами. Озноб, мучивший меня, стал сильнее, а впереди был какой-то жар, и я побежал навстречу…

А потом это кончилось.

Я услышал голос издалека. Неясный. Кажется, он сказал удовлетворённо: «прекрасно!».

Я шагнул в сторону. И шагнул в строну ***он***. Так, что мы оказались друг напротив друга. Как-то бешено заколотилось сердце, и я снова испугался, что сейчас умру — а это было невыносимо — умереть теперь! Мы протянули руки друг другу, а потом прижались друг другу — и отпрянули, и я на минуту снова испугался странной мысли — потому что я не знал теперь, кто из нас настоящий, первый, а кто — второй, копия, и мы стали разглядывать друг друга, и тут я понял, что, хотя мы отличаемся — на мне кремовая туника и сандалии, а он босой и туника на нём подлиннее и потемнее, и ногти длиннее, а волосы спутаны… и я увидел родинку у него на плече и длинную, подсохшую царапину на локте… но я всё равно не мог понять, ***какой*** Я был настоящим? Я мог быть и тем, и другим… Даже сандалии я мог скинуть недавно — всё, что касалось различий между нами, как будто истончилось, растаяло в памяти…

— Идеально… — тихо сказал Тионат. — Никогда ещё не получалось так идеально. Я вам завидую, дети.

Мы улыбнулись. Сейчас я чувствовал такой восторг, что любил Тионата! И весь мир любил…

— Но… — Голос его изменился. — Не могу дать вам побольше времени для счастья. Как бы ни хотелось… мне, правда, доставляет удовольствие видеть вас… таких. Но медлить нельзя. Один из вас скоро погибнет.

…Моё Зеркало проецирует сознание донора на восприемника, и чем полнее совпадение их материальных тел —

тем успешнее опыт, тем дольше проекция будет жизнеспособной. Случалось так, что двойник погибал уже спустя несколько мгновений. Но иногда проходили минуты, и я начинал надеяться, что материальное тело полностью подчинено. К сожалению, некоторые области мозга невозможно очистить достаточно хорошо, не погубив их. В какой-то момент происходит неуправляемый выброс, скрытые остаточные области сознания стремятся восстановиться, и конфликт уничтожает наведённое сознание. Когда это может случиться, я точно не знаю — наверное, в вашем случае могут пройти даже часы. Одно я скажу совершенно точно — сна один из вас не переживёт.

— Соберитесь! — сказал он жёстко. — Без слёз! Есть два пути. Сознание двойника может погибать, но тело его останется, и мы будем повторять это раз за разом, постепенно выжигая то, что мешает новому сознанию занять приготовленное место. Не буду врать — я пробовал так прежде, и успеха не достиг — донор либо сходил с ума от многочисленных двоений и умираний двойника, либо физически погибал восприемник — его мозг не выдерживал и разрушался.

Второй путь ещё опаснее. Возможно, мы будем уничтожены все. Никто и никогда не делал того, на что я готов сейчас решиться. Если получится — у нас будет вечность и весь мир…

> …Они стали друг напротив друга, по разные стороны Хрусталя — два мальчика, между которыми существовала небывалая связь. Они не смотрели в белый, чуть сияющий туман бездны, не пытались разглядеть за ним друг друга, ибо так приказал им Тионат.
>
> Третью сторону занял он сам. Страх и чудовищная сила была в глазах мага. Он стоял у черты, за которой кончится его прежний путь — либо смертью, либо началом нового, дивного пути.
>
> По четвёртую сторону Хрусталя на тумбе стояла шкатулка с Иглой.

— Сейчас сработает механизм, открывающий шкатулку. Следите за ней. Едва Игла окажется снаружи, повернитесь друг к другу и будьте одним.

И мне было не страшно. Игла выглядела совсем не опасной — просто маленький белый шарик с длинным, чёрным шипом. Кажется, это было похоже на жало пчелы, только больше. Шарик с жалом едва заметно дрогнул. Я видел, что Игла направлена на Тионата. Между нею и магом было только Зеркало. Ещё я подумал, что мы сейчас можем погубить великого мага,

чудовище, монстра, в страхе перед которым жило королевство…

А потом умрём сами.

Конечно же, ничего подобного мы не собирались делать.

* * *

«О Кристалле». Тионат:

«Полагаю, что существует два вида времени. Время материальное и время Сознания. Время материальное определяется квантами материи — минимальным промежутком между двумя событиями в материальном пространстве. Все остальные события рассчитываются этим минимальным промежутком. Причём, самого времени, как абсолютного, независимого измерения, не существует — есть только изменение состояния материи. Пока материя неизменна — времени нет. Едва в ней происходит самое минимальное изменение — материя изменяет состояние на квант события (минимальное обнаружимое изменение состояния) — считается, что прошёл квант времени.

Если допустить, что есть два различных, непересекающихся пространства, и во втором квант события имеет иную величину, то и квант времени там будет иметь иную длину. Однако, на самом деле, эта разница существовала бы только в том случае, если какому-то стороннему экспериментатору удалось бы наложить эти два пространства друг на друга, нарушив их независимость. Но неизвестно, каким образом можно соединить пространства с разными квантами событий, и как они могут взаимодействовать друг с другом.

Однако квант времени может быть различен даже в одном пространстве — так, областям с различной плотностью вещества присуща разная скорость течения событий.

Распределённое Сознание отличается от сосредоточенного тем, что в нём отсутствует некий центр, оценивающий, сравнивающий образы, возникающие в отдельных частях Сознания. Распределённое Сознание не сопоставляет события и образы, оно лишь генерирует их, движимое желанием, энтропийным потенциалом. Главное отличие

сосредоточенного Сознания в том, что оно целенаправленно оперирует образами, вычленяя и сопоставляя их, в сосредоточенном Сознании существует «абсолют» — центр сопоставления, относительно которого оцениваются все образы, внешние и внутренние события. Этот «абсолют» есть образ «себя», само «Я» Сознания. При рождении Сознания его «Я» ещё «пустое», не наполненное измерительными шкалами, а само Сознание ещё не выработало систему измерений.

Время сосредоточенного Сознания определяется уже не квантами материальных событий, а квантами состояния конкретного Сознания. На физическом уровне внутри Сознания могут происходить события в веществе мозга, может сколько угодно меняться физическое состояние носителя этого Сознания, но пока некоторый образ внутри Сознания не изменится на квант — не изменится и состояние Сознания, а значит, время Сознания не будет существовать.

Сами по себе образы, существующие в сосредоточенных Сознаниях, не имеют непосредственного отображения в материальном мире и не обладают энергией. Влиять на материю образы могут лишь в том случае, если они получают с нею связь. Поэтому единственной возможностью для сосредоточенного Сознания управлять материей является отображение этого Сознания на область материи с предельно высокой энергией, обладающей сильным распределённым Сознанием, стремящимся к структурированию.

Перенос образов из сосредоточенного Сознания в «распределённое Сознание высокой энергии» — РСВЭ — не является для меня сейчас самой сложной задачей. Это связано с тем, что существует особая «точка Тримира»: физическое время в областях с большой плотностью материи замедляется, а время распределённого Сознания — ускоряется, и при некоторых плотностях кванты этих времён становятся равными. В «точке Тримира» распределённое Сознание высокой энергии превращается в полное подобие контактирующего с ним сосредоточенного Сознания. Эффект «точки Тримира» является основой магии. Первые опыты позволяли отобразить сосредоточенное Сознание в РСВЭ, но получавшийся образ сосредоточенного Сознания оказывался чрезвычайно недолговечным, а само это

Сознание от контакта с РСВЭ мгновенно разрушалось.

Защитить сосредоточенное Сознание при переносе пытался ещё Тогородор — он же создал «печати» — энергетические экраны, позволявшие удерживать силу стихии в заданных пределах. Однако, защищая тело, Тогородор не сумел достичь того же и для Сознания — в момент контакта с РСВЭ оно неизбежно разрушалось — принимая в себя в полной мере хаос распределённого Сознания стихии.

Сохранить сосредоточенное Сознание в момент контакта сумел лишь я, сотворив Зеркало — особым образом подготовленное РСВЭ. В первых опытах Зеркало копировало только образы из контактирующего Сознания, но не могло отображать «абсолют» — силу, понуждающую Сознание быть стабильным, сам стержень Сознания, его «Я». Проблема была в том, что сама сущность РСВЭ не позволяла ему сохранять какую-либо искусственную структуру сколько-нибудь долго.

И я нашёл решение. Оно в том, чтобы в один момент времени (квантово одновременно) в «точке Тримира» соединить внутри РСВЭ два практически одинаковых Сознания. Поскольку все процессы двух идентичных Сознаний совпадают, в начальный момент времени слияния они почти мгновенно взаимодействуют друг с другом, образуя Двойниковую Сцепку — как только одно из Сознаний нарушается — второе стремится нейтрализовать это изменение. Возникает система взаимной стабилизации, тем более сильная, чем точнее совпадают Двойники.

И всё же с течением материального времени в системе накапливаются ошибки, и Сцепка может разрушиться. Происходит это не быстро, так как в РСВЭ материальное время замедляется относительно окружающего мира. Чем выше изначальная энергия РСВЭ, тем быстрее и эффективнее идут стабилизирующие процессы, тем дольше существует Сцепка. Для Сознания, помещённого в такое Зеркало, мыслительные процессы ускоряются, так как квант времени сознания многократно уменьшается. Получается, что мир, воспринимаемый Сознанием внутри РСВЭ, замедляется, а мир, находящийся вне Зеркала, ускоряется во времени.

Двойное Сознание, существующее внутри РСВЭ, образует самозамкнувшуюся систему. Если она

существует достаточно долго, внутри РСВЭ возникают не только образы, непосредственно соответствующие тем, что уже были в Сознаниях отобразившихся Двойников, но и новые образы, вторичные. Например, если в Сознании Двойника был образ коровы, то для её устойчивого существования рано или поздно внутри РСВЭ появится и образ луга, на котором будет пастись эта корова. Постепенно вокруг Двойников вырастает целый мир, тем полнее и стабильнее, чем полнее и стабильнее был мир образов в изначальном Сознании Двойников.

Разрастаясь, наведённый мир внутри РСВЭ обретает все черты мира настоящего, с единственным отличием: Сознания его демиургов-Двойников внутри РСВЭ обладают реальной и непосредственной властью над материей.

Итак, посмотрим, что происходит внутри Кристалла с момента его создания.

Вначале имеется Зеркало — особым образом подготовленное вещество с огромной потенцированной энергией. Одни полагают, что такое вещество я создал из закольцованной «холодной плазмы», другие — что это исходно был твёрдый кристалл, постепенно насыщаемый веществом до запредельных плотностей. А самым вероятным считают вариант «осаждённого» при абсолютном нуле вещества. Но эту тайну я не доверю пергаменту, потому что она — самая основа, отправная точка моих опытов, без которой всё остальное останется только в теории… Давать невеждам в руки силу, подобную той, что я заключил в Зеркало — значит подвергать опасности весь мир. Достаточно того, что сам я однажды решился на этот безумный риск…

Так или иначе, обычное вещество необходимой плотности и массы было бы, во-первых, нестабильно, а во-вторых, создавало бы вокруг себя сильнейшее поле тяготения. Такое поле Зеркало действительно создавало, но на чрезвычайно малом расстоянии — оно облегало Зеркало, словно тончайшая плёнка жидкости. За счёт этого сверхтонкого и сверхсильного поля вещество Зеркала удерживалось в стабильном состоянии — это была одна из модификаций «печати Тогородора», придуманная мною.

Зеркало вполне обладало свойствами

распределённого Сознания. Можно задать вопрос — если распределённое Сознание не имеет в себе осознанного «Я», центра, «абсолюта» — почему в магии его вообще принято считать «Сознанием»? Я утверждаю это на том же основании, на каком Сознание спящего смертного мы также считаем Сознанием — хотя на самом деле в период сна оно может быть полностью сопоставлено распределённому — оно лишь потенциально готово «собраться» в сосредоточенное состояние, начать (или продолжить) осознавать себя, как отдельный субъект. Но то же самое можно сказать и о распределённом Сознании — его в любой момент можно «включить», пробудить.

Обычное распределённое Сознание — например, звезду или планету — обратить в сосредоточенное трудно: Сознание смертного не способно повлиять на такие громадные области пространства, да и замедление времени в них слишком мало, чтобы «точка Тримира» могла быть достигнута. Мой давний конкурент, Командор, считал, что в космосе существуют сверхмалые объекты, подобные звёздам — и только они способны взаимодействовать с сосредоточенным Сознанием — если удастся сблизить их прежде, чем Сознание смертного разрушится.

Но я не решился бы на этот опыт, хотя многие считают меня безумцем.

Итак, сосредоточенное Сознание, помещённое близко от Зеркала, при некоторых условиях создаёт в Зеркале своё подобие. Полагаю, что для выполнения таких условий достаточно желания участника эксперимента быть отображённым — именно это желание создаёт наиболее благоприятные условия для стабильности возникающего в Зеркале отражения. Пока длится контакт, внутри Зеркала существует полная копия Сознания. После того, как контакт разорван, копия его «Я» в Зеркале за считанные мгновения разрушается, тем не менее, какой-то «след» в структурах РСВЭ Зеркала остаётся дольше. Я установил, что Зеркало, ранее подвергшееся отображениям, сохраняет большую подготовленность, «память» — и с каждым следующим опытом лучше выполняет свою функцию.

Здесь я признаюсь, что первые участники моих опытов погибали, не выдержав контакта с распределённым Сознанием Зеркала. Но постепенно

Зеркало структурировалось достаточно, чтобы не повреждать Сознание человека. И тогда я решил перейти к следующей серии опытов — я научился создавать Двойников — ибо Зеркало обладало свойством не только отображать в себя, но и проецировать Сознание.

В итоге опытов я хотел создать внутри распределённого Сознания копию себя самого — и копию совершенную, устойчивую, вечную. Вначале я намеревался просто отображать себя в «очищенных» телах, получая двойников. Но двойники оказывались недолговечны. Зато, проведя множество опытов, я обнаружил, что одновременное отражение двойников в Зеркале позволяет получить внутри более стабильное Сознание. Проблема была в том, что этими двойниками не могу быть я сам — для них время внутри Зеркала останавливалось.

Двойники, соединившись, оказывались демиургами целого мира внутри Зеркала — но сами были намертво привязаны к этому миру, образовывали его ядро, сущность. Их «Я» изменялось, сливаясь с самим пространством Зеркала. Я же хочу не только влиться в пространство, но иметь свободу — входить и выходить, управлять Зеркалом извне и изнутри, контролировать мир не только внутри, но и снаружи Зеркала.

Итак, я решился на самый опасный опыт — опасный потому, что мог быть проведён только на самом себе. Я или победил бы — или был бы уничтожен.

Я решил влить в Зеркало новую силу, не менее, а возможно что и более могучую, чем та, что в нём уже содержалась. Эта сила была сгустком Белого Пламени, закукленного карликами в Игле Авара. В обычном мире Белое Пламя, будучи освобождённым, уничтожало вблизи себя любое Сознание. В мире Зеркала я надеялся получить тот самый «эффект Командора» — слившись с шаром Белого Пламени, подчинить себе эту колоссальную энергию, ещё больше усилить стабильность созданного мира и получить контроль над ним.

И опыт удался. Энергия Зеркала и Иглы, соединившись, изменили сущность Зеркала — и тогда появился Кристалл, внутри него появилось настоящее, а не воображаемое пространство-время. Возможно, обладая немыслимой массой-энергией, Кристалл

«проломил» наше пространство, превратившись в ворота в иное. А я получил желаемое — продолжил существовать хозяином Кристалла — изнутри и извне.»

* * *

…— Когда Игла Авара вспыхнула белым солнцем в глубине хрустальной глыбы, мы отпрянули в стороны. Кристалл сиял ослепительно, но постепенно свечение менялось. Раньше глыбу как будто заполнял туман — теперь она делалась прозрачной. Размер её не изменился, но если взглянуть в глубину, казалось — видишь громадное, бездонное пространство — как небо в самый ясный день. А в самой середине бесконечности сияла точка белого огня.

Мы отвели глаза от Кристалла и посмотрели друг на друга — я и мой Двойник. И бросились друг к другу, и взялись за руки, и потом ещё стояли так долго, но какое время прошло, сказать я не могу. Мы устали, вдруг оказалось, что мы еле держимся на ногах, поэтому мы только и смогли, что добрести до стены, и тут же мгновенно уснули на куче каких-то тряпок.

Очнулся я от нахлынувшего ужаса — он был внезапным, меня как будто затопило волной, я задыхался, хотел — и не мог — кричать. Не мог двинуться, и в отчаянии напрягал всё тело, но не чувствовал его — а потом было пробуждение в белой вспышке, я растворился в сиянии, которое окутало меня, будто кокон, а потом он лопнул…

Мой Двойник страшно кричал в забытье. Но теперь он затих, я видел его искривлённые губы и широко распахнутые глаза. Обезумев, я теребил его, обнимал и целовал, пытался усадить, растереть ладонями, потом звал Тионата — но в башне никого не было кроме нас, только призрачно светился Кристалл.

Вдруг мой Двойник выгнулся в судороге, сжал мне плечо, захрипел и обмяк. Я опять приник к нему — и понял, что он дышит.

В башне было холодно. Я стал искать, чем укрыть его — и схватил ту тряпку, на которой мы спали — а это оказался плащ Тионата. Тело мага лежало поодаль, в углу, точно отброшенное ударом. Я в страхе отвёл взгляд, но почудилось, будто в открытых глазах Тионата осталось торжество победившего.

И тут я вспомнил его слова о том, что Двойник никогда не переживал сна.

Я снова бросился к моему Ивику (так называла меня мама, и так я хотел — и боялся — называть Его). И снова тряс его за

плечи. Он открыл глаза, но смотрел на меня, не узнавая.

— Ты живой?! — крикнул я.

— Му… чишиче… — невнятно пробормотал он, как будто во рту у него была тряпка.

Он не умер тогда. Но разум совершенно угас, и для меня потянулись страшные часы. Я остался за хозяина в башне Тионата Проклятого. Я вытолкнул труп мага в окно, потому что тащить его по лестницам не решился, опасаясь встретить кого-нибудь из слуг. Но слуги не появлялись в башне. Позже я сообразил, что у Тионата их просто не было.

Глыба Кристалла мерцала в полутьме ночи и почти растворялась до воздушной прозрачности при свете дня. Было жутко сознавать, что там, внутри, живёт чудовищная сила, удерживая нами же — там был я сам и мой двойник, застывшие во времени, остановившие время. И где-то там был Тионат — что он там делал? Бродил по лабиринтам ненастоящего мира? Готовил какой-то новый фокус?

Каждый раз, бросая взгляд на Ивика, я вздрагивал, чувствуя к нему странное соединение любви и отвращения. Я помнил, что он ещё несколько часов назад был для меня самым дорогим существом на свете — но сейчас превратился в бездушную куклу, умалишённого, у которого изо рта тянутся ниточки слюны, и он собирает их в горсти, играясь.

Я, возможно, так и не решился бы ни на что, если б не эта жуткая мысль. От слабости я задремал, а когда очнулся, увидел Ивика над собой — бессмысленно раззявившего рот и ощупывавшего ладонями моё лицо. Ладони были мокрыми, и я закричал от омерзения, толкнул его, и в этот миг отчётливо подумал, что всё кончено, и надо, наверно, просто прекратить этот кошмар…

А Ивик будто угадал каким-то звериным чувством мою мысль, схватил моё плечо и стал жалобно и монотонно ныть. Я посмотрел на него, чтобы представить снова того Ивика, каким он был до сна, но сразу понял, что не смогу. Тогда я побежал вниз, ещё не зная, что буду делать. Я выскочил за ворота ограды и когда вдохнул запахи улиц, запах хлеба в печи и запах жареной рыбы, живот скрутило от голода, и голод уничтожил всё другое, так что я побежал ещё куда-то, до большого перекрёстка, где горели какие-то огни, и были люди и еда.

Я сбил с ног женщину с пирогами, пироги рассыпались, я стал хватать их, чтобы унести больше, а женщина вцепилась мне в волосы, но я почти не чувствовал боли, и мыслей никаких не было, кроме той, что я должен — обязательно — унести с собой

хотя бы четыре пирога, а если меньше — то этого будет мало. И я хватал пироги, а она одной рукой отнимала их, а другой держала меня за волосы. Я знал, что если бросить пироги и укусить её, то освобожусь — но не мог.

И сколько бы это продолжалось, не знаю, но тут на подмогу женщине подоспел толстый человек — он ухватил меня плечо и отвесил оплеуху. В глазах потемнело, только в следующий миг я увидел за поясом толстяка нож и, выхватив этот нож, пырнул им человека.

Они закричали, а я освободился и побежал к башне.

Наверно, меня бы догнали, потому что к этому времени за мною увязалась целая толпа. Но башня была близко, и когда они поняли, куда я бегу, то остановились, и кто-то громко сказал:

— Прямо в лапы Проклятому!..

— Малый, стой!

— Нечего и догонять — он теперь сам выбрал себе казнь…

А! Что вы знаете, подумал я. Совсем ничего.

Я стал подниматься по лестницам, и с каждым шагом мысли мои менялись. В руке я держал пирог — грязный и помятый, но чудесно пахнущий мясом и луком. Я не ел его, почему-то отодвигая это наслаждение, да и голод как будто поутих. Я вдруг осознал, что башня пуста, душа мага затерялась в глубинах Кристалла, слуг у Тионата не было, и теперь я, Ивик, остался её хозяином, единственным человеком, который не боится переступать её порог.

Я мог бы повелевать городом, я могу просто сказать этим людям, чтобы они приносили еду…

…Только рано или поздно она окажется отравленной!

Я вздрогнул. Снова и снова будут находиться смельчаки, решившиеся побороться с Тионатом.

Значит, мне надо бежать. Из города. Совсем.

Но сначала… Я должен попытаться… хотя бы ещё один раз!

Ведь Тионат сам говорил, что Зеркало, превратившись в Кристалл, сделалось сильнее. Может быть, с его помощью мой двойник обретёт настоящую душу, такую, которая не угаснет после сна.

Я задрожал от волнения и бросился по лестнице бегом.

…В первые мгновения я подумал, что перепутал этаж. Тут всё было прежним — узор мраморных плит, окна, даже плащ Тионата валялся в углу. Ивика не было. Но он мог уйти…

Исчез Кристалл.

Я стоял, и время остановилось. Я просто не знал, что теперь делать.

А потом раздался УДАР.

Как будто я очутился внутри колокола.

Башня начала разрушаться.

Откуда-то сбоку ко мне шагнул он, Ивик, мой двойник. Я открыл рот… и ничего не сказал — как будто что-то умерло во мне.

Он улыбался.

А в глазах его пылал огонь.

— Не держи на меня обиды, — сказал Он. Мальчик, который стал Тионатом. — У тебя не получилось бы с ним второй раз. Кристалл — не Зеркало. Он не отражает Сознание. Он может взять. Или отдать. Но, входя в Кристалл, ты не знаешь, каким из него выйдешь.

Не бойся. Твоё Сознание будет жить внутри Кристалла вечно — по времени Кристалла. Каждый раз, оказавшись там, ты сможешь давать Кристаллу свою память. Он сохранит её.

Удар колокола что-то изменил в моём восприятии пространства. Оно расширялось. Я видел вокруг себя стены башни — но при этом видел же — или осязал?! — бесконечный простор океана на западе, вздыбленные громады гор на востоке, пылающее солнце прямо в зените… и даже небо я чувствовал так, словно оно было моим Небом…

— Что случилось?.. — с трудом проговорил я, раскидывая руки, силясь ухватиться за что-нибудь.

— Я решил разбить Кристалл… Не пугайся! Разъединить его. Изнутри он будет прежним. Я не хочу держать такую мощь в виде единого целого. Не хочу, чтобы кто-нибудь получил власть над ним… Кроме тех, кому мы сами её дадим. Ты и я… — Он улыбнулся. — Да. Теперь я знаю тебя лучше, чем кто-либо в этом мире. Я не твой двойник, но в Кристалле я увидел, почувствовал, узнал тебя. Отныне мы связаны сильнее, чем могут быть связаны братья.

— Где я? И почему всё такое странное? И что это за колокол?!

— Сейчас ты в Кристалле. Я заставил тебя войти в него, потому что энергия разъединения убьёт всё живое вокруг.

— А ты…

— Я есть здесь и снаружи. Здесь я говорю с тобой. Там — я использовал ещё одно древнее творение карликов — Молот Грома, управляющий энергией стихий. Даже я в точности не знаю, как он действует, этот барабан. Может быть, замедляет само время… или расширяет пространство…

Ещё один удар!

Я вскрикнул и едва не упал.

— Я не могу! Не могу это выносить!

Тионат кивнул.

— Тогда выходи. Не бойся! Вот так…

Мир вокруг меня порвался, как занавес. Я умирал. Я качнулся к окну. Из пронзительно-синего неба прямо на меня неслась ласточка.

— Ласточка! — прошептал я. — Я стану Ласточкой!..

…Улетая, я сделал круг — уже не над городом, а дальше, над заливом. Верхней половины башни Тионата не было — там полыхал шар ослепительного, белого пламени.

Эпилог

* * *

Был, видимо, апрель. Только в апреле ветер, прилетавший с востока, так отчётливо пах чужою землёй. Только рано утром, поднявшись на вершину Рога, можно было уловить этот запах. Растворённый в легком, высоком слое воздуха, он напоминал почему-то запах комнаты старинного дома, где веками хранились загадочные вещи, назначения которых никто не знал, в том числе сами хозяева. Это не был дух затхлости, комната содержалась проветриваемой и сухой, прислуга регулярно, может быть, раз в неделю, вытирала там пыль и раз в полгода чистила заморские ковры. Но запах иного мира был неистребим. Запах чужой жизни, чужих тайн. И ещё к нему примешивался еле уловимый аромат пирожных из раннего-раннего детства — сейчас уже не делают таких, и непонятно — почему.

Я знал этот запах — запах далёкого берега — давным-давно. Не помню, может быть, я впервые вдохнул его ещё прежде, чем научился летать. Но, конечно, в те времена я думал, что так пахнет сам ветер — как любое живое существо, он умел быть разным, а запах был одной из его песен.

Как удивительно — чувствовать громадность мира. Образы уже померкли в моей памяти — но ветер разбудил их — просторные долины с мягкой травой, неторопливые, широкие реки, чёрные под туманами болота, пологие холмы и темнеющие дремучими лесами отроги бесконечных гор. Пропасти, на дне которых спрятались совсем другие долины, реки и леса. Огромная, невероятно огромная земля. Я летал высоко-высоко, я летал над облаками и над самыми высокими скалами, но так и не увидел границ этой земли.

Кажется, она всё-таки отравила мою кровь, эта бесконечная земля. Когда-то мне было достаточно Островов и океана. Ветра и неба. Всё это стало таким маленьким теперь. Я вижу поднимающееся солнце и вспоминаю Долину Цветов, её холмы и ручьи. Я вспоминаю горы и облачную страну. Я думаю о лесах, которым нет конца и края — когда-то я мечтал побродить по ним всласть, почувствовать их жизнь, их тайны.

Солнце восходит в зенит, и растревоживший меня аромат исчезает. Я ещё пытаюсь удержать в себе его нежные тона, но скоро понимаю, что это невозможно. Если повезёт, завтра на рассвете я снова встречу этот ветер — но в глубине души я знаю,

что до следующей весны волшебство не вернётся.

Всё чаще земля на востоке мне представляется сном. Мрачные страницы и светлые вспышки. Полуденный зной накрывает дремой, смежив веки, я перебираю цветные стеклышки историй. Приблизив то или иное к глазам, я вдруг падаю в бездну, мгновенный страх беспомощности — этот миг я не властен над реальностью — головокружение… и сон длится снова.

* * *

Бывает утро, когда, ещё не проснувшись, ты живёшь в ожидании радостного дня. Солнце уже поднялось высоко, а ты ещё нежишься в постели, ещё весь там, в волшебных краях снов, тебя окружают друзья по приключениям, таким странным, что их невозможно пересказать, и ты ещё захвачен вихрем чудес… но уже чувствуешь солнце, и говоришь всем: подождите минуточку, я только сбегаю туда, в ***утро***, проведаю, попробую, вернусь…

Бывают сны, о которых знаешь, что они случились взаправду. Где-то — то ли в прошлом, то ли в какой-то другой стране. Она такая настоящая, что достаточно отворить дверку…

Бывает прошлое, неотличимое от снов.

Бывает утро, когда всё случившееся с тобой смешивается в невероятном фейерверке — ты вспоминаешь всё сразу и не можешь понять — совсем маленький ты или сам прочитал уже целую полку книжек? Ты умеешь летать или тебе надо бежать долго-долго, чтобы подняться на самый высокий холм и увидеть, как много вокруг земли! На миг тебе становится страшно, потом охватывает восторг — всё взаправду, всё это было, было!

Старый дом, такой весь скрипучий и живой! Я соскользну с постели, и где-то наверху отзовётся, хрустнув рассохшейся дверкой буфет. Что-то прошуршит неуловимо, как будто слетевший от сквозняка листок бумаги…

Но зачем я так медлю, прислушиваясь? Утро зовёт! Распахнув дверь, я сбегаю по лестнице, мелькнув стремительной тенью в потемнелом зеркале в старинной раме. Я бегу, но внутри я как будто замираю, ожидая…

Никто не окликнет. Я один в доме.

Я спускаюсь по узким улочкам, привычно избегая попадаться на глаза. Я знаю, что никто не остановит меня, не спросит. Давным-давно у подножия холма на берегу ручья стоит дом, в котором живёт мальчик. Он живёт там один, и это так же естественно, как роса на траве ясным летним утром.

Город кончается, ручей, изгибаясь, ныряет под обрыв. Там небольшая роща и крохотное озерцо, и полянка на берегу. Я разрываюсь между желанием остановиться, замереть, вслушиваясь в тени времени — или наоборот, не смотреть туда, ускорить бег!

Такое уж это утро, одно-единственное в году, первое утро жаркого солнца и проснувшейся земли. Как будто в воздухе просыпается память, словно призрак, она ищет того, кто способен её принять — и находит.

Это заповедная поляна — люди не приходят сюда. Здесь нет заборов и табличек, что-то другое охраняет потаённый уголок у ручья. Шепот воды или ветра? Не знаю. Город близко, но за много-много лет я не встречал тут никого из людей. Последним, кого я видел на нашей поляне, был Кирис. Много-много лет назад.

Нет, лучше не останавливаться. Я помню, как это было однажды — я встал у ручья и на минуту закрыл глаза. Дал унести себя песне воды и листьев. Потом стало холодно, и заболели ноги, я огляделся — солнце давно село…

А сегодня я должен успеть добежать до Пристани. Почему-то я знаю, что сегодня это особенно важно. Именно сегодня, особенно сегодня, первый раз за много-много лет.

Я обогнул озеро и побежал дальше — тоже вдоль ручья. Маленький водопадик, вода промыла почву до камней, отшлифовала их, плеск воды — будто смех, в какой-то миг мне даже показалось… я был уверен! Что за дрожащими струйками прячется он, Брэндли. И я дал себя обмануть, отодвинул плети травы, чтобы заглянуть ещё и в пещерку под глинистым козырьком. Какая-то птичка рванулась в небо из кустов надо мной. Я улыбнулся, вспомнив одну из наших игр…

* * *

Мир изменился. Он не мог не измениться. Мир начал меняться ещё тогда, тысячелетие назад. Едва лишь Кристалл был создан, он изменил структуру мироздания. Но никто этого не заметил и не понял.

Затем Кристалл был разделён. Казалось, эти маленькие кусочки прозрачного камня не опасны для мироздания. Далеко не так опасны, как эксперименты магов Огня с подземными силами… Я понимал, что Троготт использует души людей, питая ими Кристалл. Но даже Троготт не знал, что делает Кристалл с окружающим его миром. Я думаю, по-настоящему об этом не

догадывался даже сам Тионат. И всё же именно он создал Острова — такими, какими их узнали мы. Возможно, он сделал их обитаемыми, основал на них новое государство. Только чтобы удалить Кристалл от материка.

Острова давно уже не существовали в реальном мире. Они вышли из Кристалла — или Кристалл когда-то давным-давно поглотил их в себя — этого уже просто не узнать теперь.

Главная тайна Островов была не в магии Огня. Силу Огня не так сложно контролировать — её достаточно было бы пригасить единожды. С этим справится средней руки Золотой. Но что Эдели могли поделать с рвущейся изнутри Кристалла энергией Белого Пламени? Ничего. Они толком и не понимали, с чем имеют дело.

Хранители Кристалла искали свой способ обуздать высшую стихию. Они знали, что Тионату удалось это сделать извне — создав Двойников. Но повторить этот опыт они не могли — ведь Кристалл был разделён.

Века проб и ошибок. И однажды они были уверены, что получилось. Великий ветряной маг Нимо принял в себя силу Пламени и выжил.

Но… Держать её в себе он не мог. Или не хотел.

И так нас стало двое.

Снова — двое.

* * *

Мы лежим на краю обрыва.

Мягкий камень, превратившийся в песок, исчернён тысячами крапинок-норок — там, под нами, целый город ласточек-береговушек. Мы лежим головами к обрыву и видим только небо и подрагивающие стебельки травы. Иногда над нами проносятся тёмные, стремительные силуэты.

— А почему я не могу превратиться в ласточку?

— Потому что ты — настоящий. Из этого мира…

…Знаешь, почему я не мог раньше найти Острова? Нужно, чтоб кто-нибудь ***настоящий*** их увидел и узнал. Поверил. И стал ими жить.

* * *

Потом наступила зима. И ласточки улетели на юг. Но я знаю, я точно видел, что одна стая направилась на запад. Там ведь тоже не бывает зимы…

* * *

Я бегу. Я тороплюсь. Утро уже не просто тёплое — оно горячее!

Один раз в несколько лет начинает дуть ровный и сильный тёплый ветер с запада. Один раз в несколько лет в конце апреля устанавливается летняя погода, и рощи шумят уже совсем зелёные, и уже пушисто гладит ноги трава на холмах. Однажды в воздухе появляется запах… Такой прохладно-свежий, как будто в середине лета, в самой глубине ночи на лесной поляне распустился необыкновенный цветок…

Я замираю на краю обрыва. Море очень далеко, но отсюда я вижу блеск залива. Песчаный обрыв пустой, я успел, ласточки ещё не прилетали.

Тишина. Ветер шепчет еле слышно. Мне кажется, я различаю отсюда мерные удары волн о скалистый морской берег.

Или — это бьётся сердце. Большое, медленное.

Или — звучит из бесконечности исполинский барабан.

…Ветер толкает меня внезапно! Я едва устоял на ногах! Но он тут же стихает.

— Я здесь! — смеётся Нимо. — В этот раз я птиц опередил! Летим?! Прямо сразу! Они там все по тебе ужасно соскучились, Аль!

Я широко раскидываю руки. Это совершенно не обязательно — просто чтобы быстрее вспомнить. За зиму я совсем отвык. Бывали дни — я даже забывал, что умею летать.